ЦЕНАБОК

Л. М. ГОРЮШКИН
Г. А. БОЧАНОВА

ТАК НАЧИНАЛСЯ НОВОСИБИРСК

ТАК НАЧИНАЛСЯ НОВОСИБИРСК

9(С)18
Г-715

Л. М. ГОРЮШКИН
Г. А. БОЧАНОВА

ТАК НАЧИНАЛСЯ НОВОСИБИРСК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА ПУБЛИЧНАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НОВОСИБИРСК

с 9(с18) 83-35759

...ошкин Л.М.

83-35759

ОСНОВНОЕ КНИГОХРАНЕНИЕ

08.05.2018

Л. М. ГОРЮШКИН
Г. А. БОЧАНОВА

ТАК НАЧИНАЛСЯ НОВОСИБИРСК

КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА

НОВОСИБИРСК
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

9(с18)
Г71

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Рождение города 6
Первые шаги 29
В огне Первой русской революции . . . 47
Транспортно-торговый и промышленный центр Сибири 69
Через годы реакции — к новому революционному подъему 90
Страницы культурной жизни 115
Годы первой мировой войны и Февральской революции 134

Леонид Михайлович Горюшкин
Галина Алексеевна Бочанова

ТАК НАЧИНАЛСЯ НОВОСИБИРСК

ИБ № 1437

Редактор И. И. Кванская. Художник В. В. Подкопаев. Художественный редактор В. П. Минко. Технический редактор М. Н. Коротаева. Корректор В. В. Туркевич. Сдано в набор 09. 11. 82. Подписано в печать 28. 03. 83. МН03130. Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 9,24+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 10,35+0,86 вкл. Тираж 20000 экз. Заказ № 107. Цена 55 к. Западно-Сибирское книжное издательство, 630099, Новосибирск, Красный проспект, 32. Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.

Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А.

Г71 Так начинался Новосибирск.— Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1983. 176 с., ил., 16 л. ил.

Эта книга о развитии Новосибирска (Новониколаевска) в дооктябрьский период (1893—1917 гг.). В ней отражена жизнь города от основания до превращения его в ведущий транспортно-торговый и промышленный центр Сибири. В центре рассказа — люди, строившие город, положение трудящихся и их борьба за власть Советов.

Г 20904—043 / М 143(03)—83 86—83.1505040000 9(с18)

© Западно-Сибирское книжное издательство, 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1983 г. орденоносному Новосибирску исполняется 90 лет. Коренные изменения в жизнь города, как и всей нашей страны, внесла Великая Октябрьская социалистическая революция. Главный этап его истории приходится на годы Советской власти, когда из стотысячного торгово-транспортного города он превратился в крупнейший промышленный, научный и культурный центр на востоке страны с населением почти в полтора миллиона человек. Город на Оби рос вместе с Сибирью социалистической, отражая ее бурное развитие. В суровые годы Великой Отечественной войны Новосибирск внес весомый вклад в победу над гитлеровской Германией.

Новосибирск сегодня — город высокоразвитой промышленности, представляющей более 40 отраслей народного хозяйства. Свыше одной трети промышленных предприятий выпускают продукцию с государственным Знаком качества. Трудовые успехи новосибирцев отмечены высокими наградами Родины. За годы десятой пятилетки Новосибирск трижды становился победителем Всесоюзного и один раз Всероссийского социалистического соревнования. Высок научный потенциал города. Здесь работают десятки научно-исследовательских учреждений, высших и средних специальных учебных заведений, готовящих высококвалифицированных специалистов. В городе действуют Сибирские отделения Академии наук СССР, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, Академии медицинских наук.

Богат и культурный арсенал Новосибирска. Здесь издается один из старейших в стране литературно-художественный и общественно-политический журнал «Сибирские огни», выходят десятки больших и малотиражных газет, сотни наименований книг, выпускаемых тремя книжными издательствами. В городе действует Западно-Сибирская студия кинохроники, отметившая в 1980 г. свое пятидесятилетие. Далеко за пределами Сибири знают

Новосибирский государственный театр оперы и балета, первым в крае получивший высокое звание академического, Сибирский народный хор и Новосибирский симфонический оркестр, также удостоенный звания академического. Они не раз с успехом выступали и за рубежом. Широкое развитие получила художественная самодеятельность, около 50 коллективов носят высокое звание «народный» или детский «образцовый художественный коллектив».

Новосибирск — крупнейший спортивный центр. Всему миру известны яркие победы биатлонистов Маматова и Тихонова, легкоатлета Маркина и других спортсменов, чей талант взращен на сибирской земле. За большие заслуги трудящихся города в революционном движении, их вклад в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны и успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве, Новосибирск по праву отмечен высшей наградой Родины — орденом Ленина.

По-настоящему оценить все эти огромные достижения можно, лишь зная, что представлял собой Новосибирск (Новониколаевск) до установления Советской власти. Новосибирцы интересуются прошлым города. Свидетельство тому — активное участие в викторине «Знаешь ли ты свой город?», организованной газетой «Вечерний Новосибирск», телерали «Новосибирск — Новониколаевск» (его показывает Новосибирская студия телевидения), массовый праздник в дни рождения города, проводимый под девизом «Здравствуй и славься, город родной!», праздники улиц, организуемые жителями. Сегодняшних читателей интересует личность Н. Г. Гарина-Михайловского и его роль в создании города; основание Новосибирска и развитие его экономики, культуры; борьба трудящихся против эксплуататоров и деятельность городской большевистской организации, возглавившей революционное движение.

Ответы на эти и другие вопросы мы пытаемся дать в предлагаемой читателям книге. В ней использованы материалы Л. Н. Цепляева, ранее опубликованные в совместном исследовании «Новосибирск в историческом прошлом» (Наука, 1978). С выходом этого издания мы получили немало писем от читателей, которые одобряют, дополняют, уточняют, задают различные вопросы. Их пожелания, а также предложения и критические замечания рецензентов мы постарались учесть в научно-популярной

книге «Так начинался Новосибирск». Приведены в ней и многочисленные новые материалы по истории города: о выселке Кривощековском, возникшем на месте будущего города, и его жителях; о Н. Г. Гарине-Михайловском и участниках строительства железнодорожного моста через Обь; о торговых и промышленных предприятиях, городских больницах того периода; зарождении театрального искусства и первом знакомстве горожан с аэропланом; о революционной борьбе трудящихся Новониколаевска и др. Публикуются также новые фотографии видов города и людей, чьи судьбы связаны с его историей. Сведения об активных участниках революционного движения и строителях города имеются во многих книгах Западно-Сибирского книжного издательства: «Новониколаевск, 1917. Хроника событий» (1967), «Улицы расскажут вам...» (1973), «Новосибирск. Путеводитель-справочник» (1976), «Наши земляки», книги первая, вторая, третья (1972, 1979, 1981) и др. Учитывая это, мы даем в примечаниях по главам справки лишь об отдельных лицах, менее известных по предшествующим публикациям.

Мы выражаем признательность рецензентам: В. И. Пронину, Е. И. Соловьевой, И. Ф. Цыплакову и авторам писем А. А. Зильбергу, К. И. Полещук, С. А. Соколову и другим за критические замечания и предложения. Наша искренняя благодарность — сотрудникам Областного краеведческого музея за публикуемые фотографии.

РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

1

Возникновение Новосибирска и вся его история тесно связаны с Великой Сибирской железной дорогой. Сооружение ее было обусловлено потребностями капиталистического развития и соображениями военно-стратегического характера. К началу восьмидесятых годов XIX века в ведущих отраслях российской промышленности завершился технический переворот. В России развивалось крупное фабрично-заводское производство, интенсивно велось железнодорожное строительство, появилась сеть кредитных учреждений и банков. Одновременно с торгово-промышленной буржуазией рос и российский пролетариат. В ходе капиталистического развития сельского хозяйства произошло расслоение крестьянства, выделились новые антагонистические социальные группы — сельская беднота и кулачество.

Из центра страны капитализм распространялся вширь на окраины России, к числу которых относилась и Сибирь. Последняя привлекала промышленников как громадный рынок сбыта фабрично-заводских изделий и кладовая естественных ресурсов, как сфера прибыльного помещения капиталов. Для массовой купли-продажи товаров и выкачивания сырья, использования природных богатств Сибири требовалась железная дорога.

Стремление к захвату новых рынков усилилось в связи с переходом к высшей стадии капитализма — империализму. На Дальнем Востоке столкнулись агрессивные интересы великих держав, угрожавших влиянию России в этом районе. Назревал конфликт с Англией, США и Японией из-за дележа сфер влияния.

Сооружение магистрали началось в мае 1891 г. одновременно из двух пунктов — Челябинска и Владивостока — и шло навстречу друг другу. Дорогу строили жители центра России, уральцы и сибиряки. Начиная с января,

чтобы с весенним паводком успеть на пароходы, по губерниям ездили вербовщики строительных управлений и крупных подрядчиков, нанимая крестьян на строительство «чугунки». Большая часть рабочих и мелких служащих была из Оренбургской, Пермской и Самарской губерний, средний и высший технический и административный персонал поставляли преимущественно центральные и западные губернии. Много рабочей силы дали деревни Кайлинской, Кривощековской, Ояшинской, Тутальской, Чаусской и других волостей Томской губернии, расположенных вдоль Западно-Сибирского участка строящейся магистрали. Местные крестьяне выполняли земляные работы, занимались рубкой и вывозкой леса, доставкой шпал и дров, обработкой камня. Днем и ночью (на многих участках работы велись круглосуточно), в стужу и зной работали строители.

Будущая магистраль пересекала многочисленные реки и местности со сложным рельефом. Ее проектная длина превышала 7 тысяч километров, а протяженность всех мостов, путепроводов и тоннелей от Челябинска до Владивостока составляла свыше 80 километров. Для сооружения дороги потребовалось огромное количество металла, цемента, лесных и других материалов. Неудивительно, что строительство магистрали стало одной из основ промышленного подъема в России девяностых годов. В. И. Ленин называл Сибирскую железную дорогу великой «не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих».[1] Заработная плата рабочих была низкой, а трудиться им приходилось по 14—16 часов. Жили они в тяжелых условиях. Не случайно по уровню заболеваемости Транссибирская магистраль занимала первое место среди всех железных дорог России.

Дорога возводилась высокими для того времени темпами. В 1896 г. началось регулярное движение на Западно-Сибирском участке магистрали (Челябинск — ст. Кривощеково), в 1898 г.— на Средне-Сибирском участке (ст. Обь — Иркутск) и ветке ст. Тайга — Томск. В 1900 г. в число постоянно действующих вошел Забайкальский участок магистрали (Иркутск — ст. Байкал и ст. Маньчжурская — Сретенск). Открытая в 1897 г. Уссурийская спустя 7 лет была соединена с Забайкальской дорогой. Тогда же (в 1904 г.) начала действовать Кругобайкальская ветка. Соединив станции Байкал и Мысовая,

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82.

заменила паромную переправу поездов через озеро Байкал и таким образом восполнила недостающий участок Транссибирской магистрали. Сплошной рельсовый путь протянулся от Урала до Тихого океана.

Сооружение Сибирской железной дороги — событие мирового значения, стоящее в одном ряду с такими крупными стройками человечества, как трансконтинентальные железнодорожные магистрали Северной Америки, Суэцкий и Панамский судоходные каналы. В ней воплотились достижения русской технической мысли и огромный труд рабочих и крестьян России. Среди строителей дороги проявили себя как талантливые инженеры Н. А. Белелюбский, Г. М. Будагов, Н. Г. Гарин-Михайловский, Е. Ю. Подруцкий и др.

Новая дорога с ее 26 железнодорожными мастерскими и депо, сотнями станций, разъездов и различных сооружений стала самым крупным промышленно-транспортным предприятием в Сибири. Она намного облегчила доступ к естественным богатствам. Связав сибирскую окраину с общероссийским и мировым рынками, тысячеверстный стальной путь способствовал ее экономическому оживлению. Здесь расширяется добыча каменного угля и золота, развиваются отрасли, связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства. С вводом магистрали в эксплуатацию Сибирь стала сферой приложения крупных капиталов не только отечественных, но и иностранных торгово-промышленных компаний, акционерных обществ и банков. Заметно повысилась концентрация предприятий и рабочей силы, возникли монополии в горнорудной и обрабатывающей промышленности, речном транспорте, торговле и банковском деле. Вместе со всей страной Сибирь вступила в период империализма.

Облегчив проезд, железная дорога способствовала росту переселенческого движения в Сибирь. За 20 лет с 1897 г. Сибирь прибыло из Европейской России около 4 миллионов человек. В процессе освоения новых земель выросли посевные площади, увеличилось поголовье скота. Сибирь, особенно ее западная часть, покрылась сетью мукомольных предприятий, маслодельных заводов. Высококачественное сибирское масло фактически завоевало европейский рынок. Быстро росла внутрисибирская торговля. По словам В. И. Ленина, Сибирская железная дорога открывала Сибири «время для капитала[1]».

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 82—83.

Транссибирская магистраль оказала влияние и на развитие многих городов. Тюмень, Омск, Красноярск и Иркутск, через которые прошла железнодорожная линия, постепенно меняли свой купеческо-чиновничий облик, превращаясь в торгово-промышленные центры. По-иному сложилась судьба старых сибирских городов — Березова, Сургута, Тобольска, Кузнецка и др. Оказавшись вдали от железной дороги, они переживали застой. Рельсовый путь, пересекший Сибирь с запада на восток, вызвал к жизни новые поселения, которые выросли из железнодорожных станций: Куломзино, Татарск, Тайга, Боготол, Черемхово и др. Самым крупным из этих городов стал Новониколаевск (Новосибирск).

2

Весной 1891 г., когда воды Оби еще не спали от недавнего паводка, вверх по реке от д. Овчинниково поднималась изыскательская партия Западно-Сибирского отдела будущей железной дороги, состоявшая из нескольких поисковых отрядов. Изысканиями руководил Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852—1906). Сохранилось немало фотографий, запечатлевших его в полевых условиях на инженерных работах, за рабочим столом в кабинете, на «четвергах» журнала «Русское богатство», в кругу семьи. Однако они не отражают до конца динамизма и обаяния этого удивительного человека. Пожалуй, наиболее ярко неповторимый облик Николая Георгиевича отразил словесный портрет, написанный А. И. Куприным: «У него была стройная, худощавая фигура, решительно-небрежные, быстрые, точные и красивые движения и замечательное лицо, из тех лиц, которые никогда потом не забываются. Всего пленительней был в этом лице контраст между преждевременной сединой густых волнистых волос и совсем юношеским блеском живых, смелых, прекрасных, слегка насмешливых глаз — голубых, с большими черными зрачками. Голова благородной формы сидела изящно и легко на тонкой шее, а лоб — наполовину белый, наполовину коричневый от весеннего загара — обращал внимание своими чистыми, умными линиями. Он вошел и уже через пять минут овладел разговором и сделался центром общества. Но видно было, что он не прилагал к этому никаких усилий.

Таково было обаяние его личности, прелесть его улыбки, его живой, непринужденной, увлекательной речи»[1].

Н. Г. Михайловский (псевдоним — Гарин, принятый в честь сына Гари) родился 8(20) февраля 1852 г. в дворянской семье. Закончил одесскую гимназию, а затем Петербургский институт путей сообщения. Вопреки желанию отца-генерала, он не стал защитником престола, а вступил на путь борьбы с самодержавием. Обстоятельное знакомство с жизнью рабочих и крестьян, с которыми Гарин-Михайловский постоянно общался в многочисленных экспедициях, на стройках и в годы пребывания в деревне, неудовлетворенность действительностью, близость с видными социал-демократами привели его после разочарования в народничестве, в лагерь сочувствующих марксизму. С середины девяностых годов он участвовал в организации первой легальной марксистской газеты «Самарский вестник», журналов «Начало» и «Жизнь», входил в редакцию большевистского «Вестника жизни», в котором печатались отдельные статьи В. И. Ленина, сотрудничали В. Д. Бонч-Бруевич, А. В. Луначарский, И. С. Ольминский и др.

С 1896 г. за Гариным-Михайловским был установлен негласный полицейский надзор, но он смело продолжал следовать своим идеалам гражданина и патриота. Вместе с А. М. Горьким и другими литераторами Николай Георгиевич подписал гневный протест против избиения студентов-демонстрантов у Казанского собора в марте 1901 г., за что был выслан из Петербурга. В течение двух лет ему запрещалось «проживать в университетских городах и фабричных местностях». Накануне и в первые годы русской революции передавал через А. М. Горького крупные суммы денег в кассу РСДРП, поддерживал большевистскую партию материально. П. А. Заломов, послуживший прообразом героя повести «Мать», вспоминал, что в период подготовки вооруженного восстания в партийную кассу поступило «полтораста тысяч рублей от писателя [и] инженера Гарина, который строил Сибирскую железную дорогу»[2]. В декабре 1905 г., находясь в Маньчжурии, как военный корреспондент Николай Георгиевич участвовал в работе по распространению в армии революционно-пропагандистских изданий.

Н. Г. Гарин-Михайловский был широко известен не толь-

---

[1] Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников. Новосибирск, Новосибирское кн. изд-во, 1967, с. 133.

[2] Юдина И. М. Гарин-Михайловский. Жизнь и литературно-общественная деятельность. Л., 1966, с. 202.

ко как талантливый писатель-реалист, автор тетралогии «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты» и «Инженеры», многих рассказов и повестей. Современники знали Николая Георгиевича как крупного инженера-изыскателя и строителя железных дорог, общественного деятеля и путешественника. Хорошо сказал о нем А. М. Горький: «Н. Г. был разносторонне, по-русски даровит». Окончив в 1878 г. Институт путей сообщения как «гражданский инженер путей сообщения, с правом производства строительных работ», Гарин-Михайловский вместе с другими выпускниками поехал в Болгарию, где участвовал в строительстве шоссейной дороги до Бургаса. Затем он вел изыскания и строительные работы в России — на Бендеро-Галицкой, Поти-Тифлисской, Самаро-Златоустовской и других железнодорожных линиях. Ко времени появления в Сибири Николай Георгиевич имел уже немалый опыт в области изысканий и сооружений железных дорог. «Специалисты уверяют,— писал А. И. Куприн,— что лучшего изыскателя и инициатора — более находчивого, изобретательного и остроумного — трудно себе представить»[1].

Большой патриот, Гарин-Михайловский мечтал о том времени, когда его Родина покроется сетью железных дорог, и не видел большего счастья, как работать во славу России и приносить «не воображаемую, а действительную пользу». В своих многочисленных статьях он с жаром доказывал, что развитие экономики и безопасность государства немыслимы без развитой железнодорожной сети. Писатель К. И. Чуковский отмечал в Гарине-Михайловском «никогда не угасавший живой интерес к хозяйственному устроению России, к русской экономике и технике».

В сочетании высокого строя души с деловитостью и хозяйственной практикой заключалась особенность творческой личности Николая Георгиевича. Он был поэтом своей профессии. Человек неуемной фантазии, инженер-новатор, он предлагал наиболее выгодные варианты направлений дорог и совершенные методы их сооружения. Однако его проекты, восхищавшие многих современников, встречали противодействие царских чиновников и инженеров-казнокрадов. Сталкиваясь с косностью и рутиной, воровством и взяточничеством, Гарин-Михайловский не раз всту-

[1] Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников, с. 134.

пал в острые конфликты. В 1886 г. он участвовал в изысканиях и прокладке Самаро-Златоустовской железной дороги. После детального изучения трассы Николай Георгиевич предложил проект тоннеля на перевале Сулеи, сокращавший ранее намеченную линию на 10 с лишним километров.

Противником проекта выступил его однофамилец К. Я. Михайловский — начальник строительства дороги, имевший «друзей» среди поставщиков и подрядчиков. Развернулась долгая и упорная борьба, и лишь благодаря настойчивости Николая Георгиевича, поставившего вопрос о своей отставке, проект был принят. Его осуществление дало экономию около 1 миллиона рублей. Инженер Г. М. Будагов, один из участников строительства (позже он строил мост через Обь), писал в своих воспоминаниях: «Присутствие в составе железнодорожной строительной администрации инженера-литератора Николая Георгиевича Михайловского-Гарина, слывшего под именем божественного Ники,— остроумного, талантливого человека и превосходного товарища,— делало всю внутреннюю жизнь строителей и их деятельность как-то особенно красочной и приятной».

Сам Гарин-Михайловский не видел ничего необычного в своих проектах, восхищавших многих современников, и колоссальный труд, вложенный в их создание, считал обыденным делом. «Про меня говорят,— писал он жене в июне 1887 г. со строительства Самаро-Златоустовской дороги,— что я чудеса делаю, и смотрят на меня большими глазами, а мне смешно. Так мало надо, чтобы все это делать. Побольше добросовестности, энергии, предприимчивости, и эти с виду страшные горы расступятся и обнаружат свои тайны, никому не видимые, ни на каких картах не обозначенные ходы и проходы, пользуясь которыми можно удешевлять и сокращать значительно линию».[1] Правдивый и энергичный Гарин-Михайловский имел немало врагов в затхлой среде любителей наживы. Не всегда ему удавалось выходить из столкновений победителем, несколько раз он оставлял государственную службу и брался за выполнение заказов земств. Но это не обескураживало Николая Георгиевича, и, возвращаясь на инженерные работы в Министерство путей сообщения, он снова и снова отстаивал свои проекты. Не последним было его столкновение и с К. Я. Михайловским. Через

[1] Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников, с. 20.

5 лет жизнь снова свела их, на этот раз на строительстве Сибирской железной дороги.

Это грандиозное предприятие увлекло и захватило Гарина-Михайловского. Верный своим идеям, он опубликовал в газете «Новое время» за 1891 г. и журнале «Русское богатство» (1892, № 3) серию статей («Сибирская железная дорога», «Рутина в железнодорожном деле» и др.), в которых выступил за улучшение методов строительства и его удешевление. Несомненно, эти статьи сыграли свою положительную роль. Для Транссибирской магистрали был разработан экономичный метод строительства, значительно снизивший расходы по сравнению с первоначальной сметой Министерства путей сообщения. 19 мая 1891 г. изыскатели во главе с Гариным-Михайловским приступили к работе. Перед ними стояла нелегкая задача: выбрать место для сооружения железнодорожного моста через Обь и в зависимости от этого определить направление трассы будущей дороги на участке Каинск — Мариинск.

Но не это тревожило Николая Георгиевича, привыкшего ко всякого рода трудностям. Дело в том, что инженер Н. Н. Меженинов, к радости колыванских купцов, мечтавших увидеть свое село торговым центром всей округи, уже наметил место для моста через реку у д. Колывань. Гарин-Михайловский отверг этот проект, так как во время паводков разлив Оби достигал здесь 12 верст. Ничто не поколебало его решимости. Ходатая колыванских купцов, пытавшегося вручить ему взятку, Николай Георгиевич выдворил вместе с деньгами. 19 июня он сообщал в письме жене: «Ну вот, я и в Колывани, осмотрел всю линию, знаю, куда и когда идти, и завтра выступаю».[1] Изыскатели наметили несколько новых вариантов перехода Оби: у с. Дубровино, около с. Скала, через Яренский остров и напротив с. Кривощеково. Но при детальном обследовании все они, кроме «кривощековского», по разным причинам отпали (большая насыпь, мягкий грунт и т. п.). Заключение изыскателей было вполне определенным: строить железнодорожный мост у с. Кривощеково.

Но вот к изыскателям прибыл начальник работ по сооружению Средне-Сибирского участка железной дороги К. Я. Михайловский в сопровождении крупного под-

[1] Архив Института русской литературы (АИРЛИ), ф. 69, оп. 1, д. 1, л. 1.

рядчика-мостостроителя генерала Л. И. Березина. Осмотрев место будущей стройки, К. Я. Михайловский одобрил переход Оби у с. Кривощеково, где длина моста и дамбы не превышала 900 сажен. Но, уехав в Томск, он изменил свое мнение и отдал распоряжение о строительстве моста у с. Дубровино (в этом случае дорога шла через Томск), где вследствие сильного разлива реки протяженность моста и дамбы исчислялась несколькими верстами.

Гарин-Михайловский, знавший своего однофамильца по службе на Самаро-Златоустовской дороге, понял, в чем дело: большой объем работ при строительстве моста у с. Дубровино сулил подрядчику Березину, другу К. Я. Михайловского, огромные барыши. Томских купцов тоже не устраивал вариант на с. Кривощеково. Они ратовали за проведение железной дороги у с. Колывань или у с. Дубровино с условием, чтобы магистраль прошла через Томск. Местные газеты того времени развернули кампанию за направление магистрали на Томск. Наследнику престола Николаю, посетившему в 1891 г. город проездом, вручили «верноподданнический адрес от Томского городского общества с ходатайством о проведении дороги через Томск». Купцы отстаивали свои интересы не только через газеты и прошения, но и более действенными «мерами», не исключавшими подкуп некоторых «влиятельных лиц». Все это побудило Н. Г. Гарина-Михайловского 11 ноября 1891 г. подать рапорт на имя председателя комиссии по западносибирским изысканиям. Николай Георгиевич считал этот вопрос сугубо принципиальным и решительно настаивал на строительстве железнодорожного моста у с. Кривощеково.

Изыскания показали, что кратчайший путь на Томск мог бы пройти от Каинска или Колывани на Болотную. Но осуществлению этих и других вариантов мешали болота и плывуны, многочисленные подъемы и спуски, которые могли значительно осложнить и удорожить строительство. Главная же трудность заключалась в том, что при строительстве моста у селений Дубровино или Колывань пришлось бы преодолевать двойное русло полноводной реки. Вариант на Кривощеково исключал этот недостаток. В этом месте Обь протекала как бы в каменной трубе, не допускавшей широкий разлив. Сжатая скалистыми берегами — «щеками», река делала крутой поворот (отсюда и название села). Направление на Кривощеково сберегало 3 миллиона рублей на строительстве моста, позволяло проложить линию по местности с более выгод-

ным рельефом и спрямить путь в восточном направлении от Омска.

Н. Г. Гарин-Михайловский исходил в своем предложении из экономических соображений. Наиболее выгодное решение вопроса о сооружении моста через Обь, а также выпрямление дороги Николай Георгиевич считал «большим общегосударственным делом».[1] Значимую роль в выборе места для железнодорожного моста через Обь сыграл инженер В. И. Раецкий. Именно его отряд проводил подробные изыскания в районе с. Кривощеково. В случае затруднений с решением вопроса в комиссии по западносибирским изысканиям Н. Г. Гарин-Михайловский просил незамедлительно направить рапорт на рассмотрение временного управления казенных железных дорог. За строительство моста у Колывани выступало немало сановитых чиновников, в том числе и в Петербурге, и отстоять новый вариант было нелегким делом. Но проект поддержал директор Геологического комитета, крупнейший ученый А. П. Карпинский, активно содействовавший его реализации.[2] В конечном итоге соображения Гарина-Михайловского были приняты и положены в основу правительственных документов, в частности, в разъяснение Министерства путей сообщения томскому губернатору от 15 июня 1892 г. Вариант на Кривощеково восторжествовал.

А Николая Георгиевича захватила и понесла дальше неспокойная жизнь инженера-изыскателя и строителя. Летом 1892 г. он на трассе Казань-Малмыжской железной дороги, затем работа на Чистопольской, Северной (Кострома — Вятка), Самаро-Кротовской, Крымской, Южно-Бережной дорогах. И всюду Гарин-Михайловский остается верным себе. Заведуя изысканием и постройкой железнодорожной ветки от ст. Кротовка Самаро-Златоустовской железной дороги до Сергиевска, он отстранил подрядчиков, наживавших огромные барыши за счет грабежа казенных средств и эксплуатации рабочих, создал выборную администрацию.

В особом циркуляре к служащим категорически запретил какие-либо злоупотребления и установил порядок расчета с рабочими под наблюдением общественных контролеров. «Н. Г. Михайловский,— писал 18 августа 1896 г. «Волжский вестник»,— первый из инженеров-строителей

[1] АИРЛИ, ф. 114, оп. 2, д. 97, лл. 27, 31.

[2] В годы Советской власти А. П. Карпинский избирался президентом АН СССР. Его имя носит одна из улиц Новосибирска.

поднял свой обличительный голос инженера и писателя против практиковавшихся доселе порядков и первый делает попытку ввести новые». На этой же стройке Николай Георгиевич организовал первый в России товарищеский суд с участием рабочих и служащих, в том числе женщин, над инженером, принявшим за взятку гнилые шпалы.

Летом 1904 г. он отстаивает свой проект сооружения подвесной канатной дороги в Корее, протяженностью свыше 40 километров. Казалось, кипучая энергия этого человека беспредельна, а фантазия неистощима. Даже смерть настигла его неожиданно, на «ходу».

День 27 ноября (10 декабря) 1906 г. был заполнен обычными делами и хлопотами. Вечером у себя дома Николай Георгиевич обсудил с художником проекты архитектурного оформления станций будущей Крымской железной дороги и в начале десятого часа поехал на заседание редакции журнала «Вестник жизни». На нем обсуждалась его пьеса «Подростки», рассказывающая о влиянии русской революции на молодежь. Включившись в дискуссию о роли интеллигенции в революции, он закончил горячую речь словами о том, что «близко уже время, когда сами пролетарии будут руководить пролетарской борьбой. И тогда писателю-пролетарию будет больше по плечу художественно изображать социалистические идеалы, чем современным беллетристам-интеллигентам». Потом Николай Георгиевич вдруг почувствовал себя плохо и, вскрикнув «подкатило», умер от паралича сердца...

Ныне привокзальная площадь города носит имя Н. Г. Гарина-Михайловского, талантливого русского писателя и инженера, определившего место для строительства железнодорожного моста через Обь. Его именем названа и одна из городских библиотек.

3

Н. Г. Гарину-Михайловскому довелось увидеть результаты осуществления своего проекта. Оказавшись в 1898 г. во время путешествия на Дальний Восток на ст. Кривощеково, он записал в своем дневнике: «Изменение первоначального проекта — моя заслуга, и я с удовольствием смотрю, что в постройке намеченная мною линия не изменена. Я с удовольствием смотрю и на то, как разросся на той стороне бывший в 91 году поселок, называвшийся Новой деревней. Теперь это уже целый городок, и я уже не вижу среди его обитателей прежней

кучки смиренных, мелкорослых вятичей, год-другой до начала постройки поселившихся было здесь».[1]

Что имел в виду Гарин-Михайловский, о каком поселке идет речь? По записи Николая Георгиевича («год-другой до начала постройки» железной дороги) можно заключить, что поселок основан примерно в 1889—1890 гг. Но в статистическом сборнике (Волости и населенные места в 1893 г., вып. 12, «Томская губерния», СПб, 1894) нет сведений о поселке или деревне под названием Новая деревня, хотя и указаны все, даже мелкие (до 10 дворов), поселения. Молчат о Новой деревне и архивные источники, а также дореволюционные газеты и журналы, которые в той или иной степени касались истории и быта Новониколаевска. Тем не менее поселок существовал. В этом убеждает карта Обского участка Сибирской железной дороги за 1893 г., хранящаяся в Ленинграде в Центральном государственном историческом архиве.[2] По-видимому, она составлена изыскателями, так как достаточно подробна и точна, и нет оснований ей не верить. Согласно карте, поселок на месте будущего города назывался Кривощековским и располагался на правом берегу Оби, ниже пересечения реки железнодорожным мостом, в бору. По свидетельству одного из первых поселенцев И. Г. Титлянова, его основали крестьяне, перебравшиеся из Кривощекова. Видимо, этот выселок Н. Г. Гарин-Михайловский и называл Новой деревней. Крестьяне образовали его самовольно, в управлении Алтайского округа он «по плану не числился» и потому не упоминался в официальных документах.

Образование самовольных поселений в Сибири в указанное время — явление отнюдь не редкое. Оно связано с притоком из центра страны переселенцев, далеко не во всех районах края находивших свободные земли. Одну из частиц многотысячного переселенческого потока и представляла группа крестьян-вятичей. А потому следы их надо искать в старой литературе о переселенческом движении на кабинетские земли Алтая, включавшие и территорию современного города. Действительно, в «Материалах по переселению в Алтайский округ 1888—1892 гг.» (Томск, 1895) сообщается о причислении к Кривощековской волости «12 душ Вятской губернии (из крестьян)». Не исклю-

[1] Гарин-Михайловский Н. Г. Полн. собр. соч. в 5-ти т., М., 1958, т. 5, с. 20.

[2] Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. 1273, оп. 1, д. 85.

чено, что их и имел в виду Гарин-Михайловский, вспоминая о кучке «смиренных, низкорослых вятичей». Видимо, недостаток угодий, к тому же ежегодно весной заливаемых разливом Оби (тогда Кривощеково располагалось почти у самой реки, где теперь стоит блок-пост Мостовой), вынудили крестьян выселиться на правый берег. Поселок, не имевший официального названия, именовали Кривощековским выселком, Новой деревней. Весной 1893 г. в районе Кривощековского выселка началось строительство ст. Обь, депо и железнодорожных мастерских.

30 апреля 1893 г. окрестности Кривощекова огласили мощные пароходные гудки. С открытием навигации на правом берегу Оби появился первый отряд мостостроителей, прибывших из Самары на судах «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли». К этому времени завершилось строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, и построечный комитет направил освободившихся квалифицированных рабочих, инженеров и техников на новую стройку. А позже, конным поездом, состоявшим из 6 экипажей, из Колывани выехал Г. М. Будагов, главный инженер строительства моста. После трех с половиной часов езды путники прибыли в Кривощеково, волостное село со старыми крестьянскими домами, на фоне которых выделялись небольшая церковь, деревянный купеческий особняк и каменная лавка. Начались подготовительные работы по сооружению железнодорожного моста и ст. Обь. В районе строительства были организованы три конторы. В ведении первой находился участок Средне-Сибирской железной дороги на правом берегу Оби, вторая ведала участком Западно-Сибирской дороги на левобережье, третья занималась сооружением моста. Подряд на его строительство захватил генерал Березин.

Разбив временный лагерь на берегу реки, рабочие готовили строительные материалы, подвозили и собирали кессоны, рыли котлованы. Сотни рабочих рук требовало сооружение громадных прибрежных насыпей. На стройку потянулась беднота окрестных деревень, здесь оседали многие переселенцы из центра страны. В 1892 г. в составе большой партии вместе с десятилетним сыном пришел сюда и крестьянин Витебской губернии Иван Андреевич Волколаков. В лаптях и с котомками за плечами брели они пешком от Петропавловска, где кончалась железнодорожная линия. До зимы работали на левом берегу (отец возил тачки, мальчик подносил подручные материалы), затем перешли на правый и, сняв угол в одном

из переселенческих домов Кривощековского выселка, поступили на строительство железнодорожного моста.[1]

Здесь же работал Тимофей Степанович Фролов, сын крестьянина-бедняка из д. Царско-Александровки Суриковской волости Бузулукского уезда Самарской губернии. С юных лет он начал батрачить на рыбных промыслах, затем поступил ремонтным рабочим на ст. Бузулук и, продвигаясь по мере строительства Сибирской железной дороги, прибыл в с. Кривощеково, где участвовал в сооружении моста через Обь. Будучи неграмотным, занимался самообразованием, дослужился до мастера.[2]

В трудных условиях пришлось работать строителям. Не было жилья и даже возможности готовить горячую пищу: конторы и подрядчики не заботились об этом. Изнурял непосильный ручной труд. Лопата, тачка да повозка с лошадкой — вот вся «техника», с помощью которой укладывали в высокие насыпи миллионы кубометров земли. Днем работали на дороге, а вечерами, валясь от усталости, возводили бараки и землянки. Приближалась осень, и ночевать под открытым небом становилось все труднее. Для строительства жилья объединялись по нескольку семей, строили бесконтрольно, кто где вздумает, какого-либо плана застройки не было. Селились по берегам Каменки, неподалеку от места работы, пополняя число жителей перекочевавшего сюда Кривощековского выселка.

С началом строительных работ выселок оказался в полосе отчуждения железной дороги и поэтому подлежал переносу. Осенью 1893 г. управление Алтайского горного округа предложило крестьянам переселиться на другой земельный участок, расположенный в 3-4 верстах от Оби. Но жители выселка отказались принять новый надел, «как не подходящий для них и не представляющий собой пахотного и сенокосного места», и в большинстве своем самовольно поселились по берегам Каменки у впадения ее в

---

[1] И. И. Волколаков (сын), один из старейших жителей Новосибирска, был удостоен звания «Почетный железнодорожник» и «Отличный строитель», избирался депутатом городского Совета. В его честь названа одна из улиц Железнодорожного района — бывшая Б. Лесная.

[2] После работы на строительстве Средне-Сибирской железной дороги Т. С. Фролов в 1907 г. переехал на постоянное жительство в Новониколаевск. В годы гражданской войны участвовал в партизанском движении на территории области, а потом, сдав экстерном экзамен на техника-строителя, работал в городском коммунально-хозяйственном отделе. В тридцатые годы избирался депутатом Новосибирского Совета. Умер в 1944 г. (Архив Новосибирского областного краеведческого музея (АНОКМ), инв. № 17123(1).

Обь, на кромке бора. Здесь же обосновались «разночинцы» — рабочие, строители железнодорожного моста и линии, мелкие торговцы, ремесленники и др. Уже летом 1893 г. в поселке на Каменке действовала хлебопекарня переселенца из Вятской губернии В. З. Мошкина, постройки пароходовладельцев. К июню 1894 г. здесь ютилось, в беспорядке и скученности, около 350 семей. Большинство принадлежавших им строений — «землянки или же очень убогие домики», возведенные, как писал помощник начальника Алтайского округа по земельной части, «без соблюдения правил строительных и пожарных уставов».[1]

В деле «О выселке села Кривощековского Кривощековской волости», выявленном В. Т. Гузеевой в Государственном архиве Алтайского края (Барнаул), сохранился «Список разного звания лицам, самовольно заселившимся на боровом месте, по обеим сторонам Каменки, впадающей в Обь, против села Кривощековского».[2] В нем названо 347 фамилий людей, входивших в число первых жителей нашего города. Среди них 41 крестьянин из с. Кривощеково, 6 крестьян разных деревень Кривощековской волости. Из 300 «разночинцев» примерно 213 составляли рабочие — строители железнодорожного моста через Обь. Они прибыли из 26 губерний страны, из них около половины — сибиряки, жители Томской и Тобольской губерний, и примерно одна треть — выходцы из Пермской и Вятской губерний.

Это свидетельствует о том, что в хозяйственном освоении Сибири в конце XIX — начале XX века важную роль играло не только крестьянство, но и рабочий класс, наш город основали русские рабочие, сибиряки и прибывшие из Европейской России. В их числе — переселенец из Тамбовской губернии Иван Дмитриевич Шамшин, глава героической семьи революционеров Шамшиных; «обыватель» с. Сузунского Дмитрий Налимов — позже помощник первого старосты поселка Ильи Титлянова; выходец из Симбирской губернии плотник Василий Гусев (видимо, тот, кого авторы популярных работ называют рыбаком или торговцем и связывают с его именем название поселка «Гусевка»). Значительную часть строителей составляли квалифицированные рабочие, истинные умельцы своего дела. В 1895 г. газета «Степной край» сообщала о проезде на обскую стройку 140 итальянских рабочих-каменотесов,

[1] Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 3, оп. 1, д. 320, лл. 3, 5, 10—10 об., 14 об., 43.

[2] ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 320, лл. 34—41 об.

завербованных для облицовки мостовых устоев. Однако итальянцы не оправдали возлагаемых на них надежд. Русские каменщики, получая на строительстве обского моста в 5-6 раз меньше, чем итальянские, выполняли те же работы «легко и нисколько не хуже».

Управление Алтайского горного округа потребовало от жителей Кривощековского поселка освободить самовольно занятую ими территорию и переселиться на левый берег Оби, на участок, расположенный рядом с с. Кривощеково и озером Подкаменным, примерно в одной версте от реки. Но жители и на этот раз отказались, так как считали отведенную им местность «для поселения неудобною» (их пашни и огороды оставались на правом берегу), а перенос домов — «крайне обременительным и разорительным». Для нового переселения они не имели средств. Сознавая бесплодность попыток выдворить самовольно поселившихся жителей, управление Алтайского горного округа решило размежевать поселок «на правильные кварталы, улицы и проулки» и взимать с поселенцев обязательную арендную плату за усадебное место по рублю в год.[1] Позже ее увеличили до двух с половиной, а затем и десяти рублей.

Одновременно со строительством поселка в устье Каменки, ниже по Оби, в районе нынешнего железнодорожного вокзала, расчищался лес под будущую станцию, депо и мастерские для ремонта подвижного состава, возводились служебные и жилые помещения. В процессе столь же хаотичной застройки рядом с ними возник второй поселок — при ст. Обь. В него влились и некоторые жители Кривощековского выселка, не пожелавшие переселиться на берега Каменки. К 1904 г. насчитывалось до 10 домовладений, оцененных свыше 100 рублей каждое, хозяева которых поселились на территории будущего Новониколаевска до 1893 г.[2] Один из таких свидетелей прошлого города на Оби сохранился до наших дней. Это дом № 54 по ул. Ленина (бывшей Михайловской).

Еще задолго до вступления ст. Обь в строй действующих будущий город играл заметную роль как транспортный и перевалочный пункт. Сюда сухопутным и водным путем поступали строительные материалы и подвижной состав, которые затем переправлялись на линию строящейся Средне-Сибирской железной дороги. Чтобы ускорить до-

---

[1] ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 320, лл. 15, 18, 26 об., 27, 28, 33—33 об.
[2] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО), ф. 97, оп. 1, д. 1, л. 175.

ставку грузов, пристань, расположенную неподалеку от сооружаемого моста, соединили со станцией железнодорожной веткой длиной около 3 километров. 27 сентября 1893 г. она вступила в эксплуатацию. Первые годы поселение в устье Каменки не имело определенного названия. В официальных документах оно фигурировало как «Поселок при строительстве моста через Обь» или «Поселок рабочих недалеко от ст. Кривощеково». Сами жители называли свой поселок Гусевкой.

Существуют разные мнения о происхождении этого названия. Одни исследователи считают, что оно пошло от фамилии кулака Гусева, торговавшего водкой в новом поселении, другие (их большинство) связывают это название с рыбаком Гусевым, избушка которого до начала строительства моста стояла в устье Каменки. На наш взгляд, жители назвали этот поселок по аналогии с географическими названиями, распространенными в этой местности. Гусинкой одно время называли Каменку. В ее верховьях располагался небольшой заселок Гусиный брод и проходил Гусинобродский тракт, эти названия сохранились и ныне. На территории будущего города рос сосновый бор, входивший в кабинетское лесничество. Он назывался Гусинским имением или Гусинской дачей. Одним словом, «гусиного» вокруг было немало и это могло определить неофициальное название поселка.

Более года велись подготовительные работы к закладке железнодорожного моста через Обь. Она состоялась 20 июля 1894 г. В работах по непосредственному возведению моста, развернувшихся после закладки, участвовало свыше 330 человек — 110 каменотесов и каменщиков, 40 плотников, 120 мастеровых и рабочих других профессий. Всего на строительстве работало до 5 тысяч человек. Мост сооружался по проекту профессора Николая Аполлоновича Белелюбского.

Имя Н. А. Белелюбского (1845—1922) стоит в ряду выдающихся ученых, составляющих гордость русского народа. Он предстает перед нами как крупный теоретик строительной механики, талантливый инженер-проектировщик, глава отечественного мостостроения в последней четверти XIX — начале XX века. Закончив таганрогскую гимназию с золотой медалью и Петербургский институт путей сообщения с занесением на мраморную доску, он всю жизнь посвятил проектированию и строительству мостов. На счету Белелюбского свыше 50 крупных проектов, в том числе мостовые переходы через Волгу, Днепр, Оку, Десну, Не-

ман и другие реки. Им разработан способ быстрой замены деревянных конструкций мостов металлическими без остановки движения, сконструированы свободно опирающиеся поперечные балки с устройством при них в горизонтальных связях особых распорок — «русский способ», получивший широкое распространение за границей. Н. А. Белелюбским предложены особые методы определения так называемого «отверстия моста» — свободной длины между опорами для безопасного пропуска воды, также широко применявшиеся в России и за рубежом, разработана методика расчета загруженности мостов поездами. Он внес большой вклад в изучение и практику использования новых строительных материалов — цемента и железобетона, первым в мире применил литое железо в мостостроении. Слова Николая Аполлоновича, сказанные в ответ на одно из приветствий,— «наше дело — служить Родине» — были девизом его жизни. Возводимый по проекту Н. А. Белелюбского мост через Обь отличался оригинальностью как один из первых в России консольных мостов, пролеты которого перекрывались металлическими конструкциями консольно-балочного типа, изготовленными на Воткинском заводе. Опоры моста из местного гранита были заложены на скальном основании с больших плотов, укрепленных на реке.

4

Быстрорастущий поселок сразу же привлек к себе внимание. Уже через полтора года после возникновения он впервые упоминается в печати. 18 ноября 1894 г. Ю. А. Шмидт, отец знаменитого советского полярного исследователя, сообщил на собрании Императорского Русского Географического общества о возникновении в районе строительства моста через Обь нового торгового пункта, предсказав ему «солидное будущее». Пока же, писал Ю. А. Шмидт, «он представляет кучу безобразных наживо сколоченных построек, занятых пришлым на железную дорогу людом и различными торговцами». Численность сезонных рабочих, приходивших летом на временные заработки, вместе с основным населением составляла внушительную цифру — 12 тысяч человек. Большое скопление народа открывало выгодные возможности для развития торговли, и этим не замедлили воспользоваться дельцы. Одним из первых был колыванский купец Е. А. Жернаков. Пережив несостоявшееся строительство моста у Колывани, он основал в 1894 г. в устье Каменки (в черте нынешнего город-

ского автовокзала) торговое заведение с громкой вывеской «универсальный магазин». Купец не ошибся в выборе места: здесь располагалась первая в поселке базарная площадь, отсюда начиналась главная улица будущего города — Николаевский, ныне Красный, проспект, для которого в густом бору прорубали просеку.

На строительстве работали выходцы из многих городов и селений Сибири, из центра страны. На новом месте, пораженные скоплением народа, они держались землячествами, образуя самостоятельные поселения и улицы. С сооружением железнодорожной линии и насыпи моста почти целиком было снесено с. Кривощеково. Часть из 700 его жителей переселилась в д. Бугры (туда же переместилось и волостное правление), часть — на гору, в двух верстах от реки, а многие переехали на правый берег, в новый поселок. Там они образовали одну из первых в городе улиц, которая и поныне называется Кривощековской. А на левобережье, в начале ул. Горской, оттесненные каменными громадами домов на самый край жилой полосы, доживают свой век несколько домиков, видевших старое село. Начали вырисовываться и другие улицы: Александровская (ныне Серебренниковская), Трактовая (ныне Большевистская), Колыванская, Каинская, Мостовая (в поселке при строительстве моста), Михайловская, Вокзальная, Омская, Томская, Красноярская, Иркутская — в поселке Вокзальном. Название улиц во многом отражало географию городов и деревень, откуда прибывали на стройку рабочие. Созданные их трудом поселки стали ячейками будущего города.

Появились и первые очаги культурно-просветительной работы. Их рождению способствовал главный инженер Г. М. Будагов. Талантливый специалист и организатор, сумевший обеспечить успех масштабной по тем временам стройки, Будагов любил свою работу, относился к ней с душой. Не ограничиваясь чисто профессиональной деятельностью, интересовался положением рабочих, их бытом и досугом. Ему до всего было дело. «Неугомонный человек»,— говорили о нем современники.

В поселке было много детей школьного возраста, но правительство не спешило с выделением средств на их обучение. Первая школа (одноклассная, с тремя отделениями), открытая в конце 1893 г., содержалась на деньги Г. М. Будагова. Он организовал перепись детей школьного возраста, выделил для занятий большой барак и пригласил первых учителей — Степаниду Павловну и

Николая Васильевича Козловых. Наладить работу оказалось нелегким делом: многие вопросы, начиная от обеспечения учебниками и наглядными пособиями и до отопления здания, приходилось решать на «общественных» началах. Попечитель Западно-Сибирского учебного округа не утруждал себя заботами и даже разрешение на открытие школы дал лишь спустя год после начала ее деятельности. Благодаря энтузиазму Г. М. Будагова и учителей, поддержке со стороны рабочих удалось преодолеть эти трудности. В 1896/97 учебном году обучалось 80 мальчиков и девочек, в этом же учебном году состоялся первый выпуск с вручением похвальных листов лучшим ученикам.

В бесплатной школе учились дети рабочих и служащих. Днем в ней звенели детские голоса, а вечером собирались взрослые на воскресные чтения, сопровождаемые «туманными картинами» (показом диапозитивов). Большой популярностью пользовался самодеятельный хор, организованный учителями. При школе работал драматический кружок, или, как его называли строители, «народный театр». К выбору репертуара относились серьезно, играли пьесы Островского, Гоголя и даже ставили оперы. Все делали сами: женщины готовили костюмы, инженеры и техники, работавшие на строительстве, писали декорации. Любителей театра было немало, рабочие шли на спектакль, как на праздник. «Все наши постановки пользовались большим успехом»,— вспоминала С. П. Козлова.

Нельзя не привести слова первой в истории театральной жизни нашего города рецензии на любительский спектакль, опубликованной в газете «Томский листок» 11 февраля 1896 г.: «28 января сего года в поселке Новониколаевском, в пользу местной школы, основанной по инициативе инженера Г. М. Будагова, был дан любительский спектакль под управлением госпожи Чернявской, приложившей для этого немало хлопот и стараний. Спектакль прошел весьма удачно, и публика вынесла весьма приятное впечатление, сбор был почти полный. Вообще было видно, что все участвующие приложили немало старания для этого спектакля, и в их игре чувствовалось умение и опытность».

Кроме школы и театра Г. М. Будагов организовал «народную библиотеку дешевых изданий» и воскресную читальню. Сами жители, по сведениям почтового отделения поселка, выписывали около 250 экземпляров периодической литературы. Заботясь о нравственном облике рабочих и поддержании порядка, Г. М. Будагов обратил-

ся к томскому губернатору с просьбой закрыть в районе строительства моста винные магазины.

Однако единственная — Будаговская, как ее называли,— школа не удовлетворяла потребности в обучении детей, а для организации новых личных сбережений главного инженера не хватало. За дело взялись сами рабочие и служащие, на средства которых в январе 1896 г. в поселке при ст. Обь открылась еще одна школа — для детей железнодорожников. На первых порах она ютилась в казенном жилом бараке, а потом переехала в специально выстроенное здание со сценой для любительского театра. В школе имелись «волшебный фонарь», фисгармония, различные учебные пособия.

Одновременно открылось первое в будущем городе почтовое отделение. До 1896 г. строительный поселок и окружающие деревни обслуживала Бердская почтово-телеграфная контора, но с ростом населения потребовался дополнительный узел связи. 1 февраля 1896 г. должностные лица и владельцы предприятий получили письменное извещение об открытии в поселке строителей Кривощековского почтового отделения «с приемом и выдачей всякого рода корреспонденции». По указанию начальника управления Томского почтово-телеграфного округа руководитель Бердской конторы коллежский секретарь М. С. Федоров занялся созданием нового отделения. Оно расположилось в одном из домов на главной улице (ныне угол Красного проспекта и ул. Сибревкома), имело трех работников и один почтовый ящик на весь поселок. Осенью 1897 г. отделение, обслуживавшее и деревни Кривощековской волости, было преобразовано в Обскую почтовую контору, а через год установилась телеграфная связь с Колыванью, Томском и Семипалатинском.

В начале 1897 г. Н. П. Литвинов открыл в Новониколаевском поселке торговлю книгами и письменными принадлежностями. В разрешении на право торговли, данном на имя жены Литвинова, томский губернатор обязал исправника строго следить за тем, чтобы продавались «только книги, дозволенные цензурой».

Не заботясь о развитии школ, царское правительство не жалело средств на сооружение церквей. Оно учредило особый фонд имени Александра III для строительства храмов по линии Сибирской железной дороги. В поселке при ст. Обь открыли деревянную церковь пророка Даниила, а осенью 1895 г. в поселке строителей железнодорожного моста решили воздвигнуть собор Александра Невского.

К этому времени сооружение моста значительно продвинулось, на ст. Обь были возведены мастерские для ремонта подвижного состава (первое каменное здание в нашем городе), водоподъемное здание и водоприемник, достраивалось деревянное помещение будущего вокзала и было начато сооружение депо. Оба поселка, застраиваемые вдоль линии железной дороги навстречу друг другу, фактически объединились, хотя и разделялись пустырем и оврагом с переброшенным через него деревянным мостом. В связи с постройкой храма Александра Невского — святого покровителя императора Александра III — объединенный поселок решили назвать «Александровским». Об этом 4 ноября 1895 г. объявил своим читателям «Томский справочный листок». Но газета поторопилась с объявлением. Название просуществовало недолго, нигде в печати, кроме указанного «Листка», и в документах оно не упоминалось.

Денег, выделенных на строительство собора, хватило лишь на молитвенный дом. Дополнительное пожертвование поступило от Николая II. И власти нарекли поселок в честь нового царя. Уже 3 декабря 1895 г. жители в прошении на имя томского губернатора называли свой поселок Новониколаевским[1]. В 1898 г. это название утвердил царь. Что же касается собора Александра Невского, то в 1897 г. его все же построили. Возведенный по проекту архитекторов В. Косякова и Д. Пруссака, он и теперь стоит в начале Красного проспекта и известен как старейшее каменное здание города.

В 1971 г. при прокладке кабельных линий в подвале здания бывшего собора рабочие обнаружили гроб с останками инженера Н. М. Тихомирова, руководившего строительством последнего пролета железнодорожного моста через Обь. Николай Михайлович, выходец из семьи артиста, после окончания Института путей сообщения строил Екатеринбург-Челябинскую железнодорожную ветку и мост через реку Кыштым, был начальником 9-го участка Транссибирской магистрали Каргат — Кривощеково. Под его руководством завершилось сооружение моста через Обь. Активно участвовал в проведении первой всеобщей переписи 1897 г. в поселке Новониколаевском, организовал здесь добровольное пожарное общество. Трудолюбивый, честный и деловитый, Н. М. Ти-

[1] Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 3, оп. 3, д. 681, л. 74.

хомиров пользовался большим уважением рабочих и служащих. Умер сорока трех лет от кровоизлияния в мозг. Н. Г. Гарин-Михайловский, хорошо знавший Тихомирова, ходатайствовал о предоставлении пенсии его семье и определении детей на учебу. Решением исполнительного комитета Новосибирского городского Совета от 18 августа 1971 г. останки Н. М. Тихомирова перенесены на Заельцовское кладбище, на могиле установлена надгробная плита с надписью: «Н. М. Тихомиров — инженер-путеец (1857—1900)».

Новониколаевск (Новосибирск) основали рабочие весной 1893 г. Это предполагает самую тесную связь возникновения города с предшествующей историей края и всей страны. В процессе длительной народной колонизации Сибири, в том числе Верхнего Приобья, сложились сотни населенных пунктов, оказавших влияние на быстрый рост нового города. Особенно значительна роль старинного сибирского села Кривощеково, основанного в конце XVII века. От него, через Кривощековский выселок и Гусевку, тянется прямая связь к будущему Новониколаевску.

В 1897 г. поселок напоминал крупную строительную площадку, 14 тысяч жителей которого на три четверти состояли из рабочих-строителей. Значительно выросла прослойка торговцев. По бокам просек стояли скрытые деревьями часто еще недостроенные дома без оград и надворных построек. Рынок переместился на Новобазарную площадь, представлявшую центр поселка (ныне площадь имени Свердлова), здесь располагались магазины, склады и дома купцов, а на берегу Оби и Каменки, по склонам оврагов, лепились сотни убогих строений, заселенных рабочими.

Таким увидел поселок по пути в сибирскую ссылку В. И. Ленин, прибывший 2(14) марта 1897 г. на ст. Кривощеково. Переправившись на лошадях через реку в районе нынешнего коммунального моста, по Сузунскому подъему, ул. Трактовой (ул. Большевистской) и Николаевскому (Красному) проспекту, по улицам Кабинетской (Советской), Кузнецкой (Ленина) и Михайловской (Ленина) он проехал к вокзалу ст. Обь. Пассажирское движение на Красноярск открылось несколько месяцев назад.

Новосибирцы бережно хранят память о В. И. Ленине. В январе 1924 г. Сибревком и городской Совет на чрезвычайном заседании постановили построить Дом Ленина. Возведенный на добровольные отчисления трудящихся (фонд Ильича) Дом-памятник открылся 21 января 1925 г.

Именем В. И. Ленина названа улица, по которой он проезжал на ст. Обь, и главная площадь города. На ней, в ознаменование 100-летия со дня его рождения, установлена монументальная скульптура вождя. В читальном зале железнодорожного вокзала ст. Новосибирск-Главный открыт уголок-музей Ленина, а у входа в здание укреплена мемориальная доска: «На этом месте находилась станция Обь, где в 1897 г., следуя в село Шушенское, останавливался В. И. Ленин». Мемориальная доска установлена и на здании вокзала ст. Новосибирск-Западный.

...Строительство близилось к концу. После испытаний с нагрузкой в четыре паровоза железнодорожный мост 5 апреля 1897 г. был открыт. Большая часть строителей разъехалась, и с этого времени поселок стал развиваться как торговый и перевалочный, а затем и промышленный пункт на пересечении Оби и Сибирской железной дороги.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1

В 1896 г. межевщик управления Алтайского горного округа Кузнецов, не имевший профессиональных знаний, разработал первый план нового поселения. Составленный без предвидения бурного развития поселка, план не предусматривал функционального зонирования его территории (фабрично-заводская, жилая и другие зоны), деления улиц с учетом транспортных и пешеходных нужд, озеленения и т. д. В плане намечались улицы, обрамлявшие прямоугольные кварталы дл усадебных мест, две площади — в центре Закаменск и Центральной частей поселения.[1] Но и после утверждения плана беспорядочная застройка продолжалась.

К 1896 г. на правом берегу Оби насчитывалось свыше 1400 жилых домов, около 100 различных торговых заведений с крупными оборотами. В составе населения быстрорастущего поселка было немало людей, не причастных к строительству моста и станции и перебивавшихся случайными заработками. Газеты того времени писали о росте преступности, чему способствовала сеть частных питейных

[1] Баландин С. Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893—1945 гг. Новосибирск, Западно-Сибирское кн. изд-во, 1978, с. 17, 19, 41.

заведений и тайных притонов — надежное укрытие для всякого рода уголовных элементов. Жители молодого поселка нуждались в полицейской охране. Бугринский каталажный дом на левом берегу Оби (поселок не имел соответствующего учреждения) никогда не пустовал. Но административного аппарата для управления жизнью населенного пункта не было, все наиболее существенные вопросы решались на общих собраниях домовладельцев. Такие сходы, столь необычные для городов того времени, действовали вплоть до 1907 г.

Первое собрание, созванное по инициативе купцов, состоялось 3 декабря 1895 г. На нем было решено ходатайствовать перед губернскими властями о преобразовании поселка (здесь он впервые назван Новониколаевским) в посад или город. Просьба мотивировалась многонаселенностью, широкой торговлей и отсутствием «торгово-промышленного центра». Ходатайство, подписанное 1075 жителями, вручили губернатору, а несколько позже и начальнику Алтайского округа. Губернатор в просьбе отказал. Начальник же горного округа, напротив, поддержал ее, желая перебросить «беспокойное детище» в систему губернского правления и таким образом избавиться от расходов на содержание полиции, школ, больниц и т. п., арендную же плату с жителей за пользование землей он намеревался взимать по-прежнему. И, видимо, долго пришлось бы ждать решения вопроса об административном управлении (между ведомствами началась интенсивная переписка), если бы жители не взялись за дело сами.

12 августа 1896 г. они созвали очередное собрание для выборов поселкового старосты. Прибывший по этому случаю уездный исправник поспешил выдвинуть Яренского и Попова, кандидатуры которых поддерживали местные богачи, но многочисленные бедняки (их на сходе присутствовало свыше 1,5 тысяч человек) выбрали старостой Илью Григорьевича Титлянова, «как человека хорошо им известного и также крестьянина, всем весьма доступного», а его помощником Дмитрия Налимова, крестьянина из Сузунской волости, работавшего на строительстве моста. Бывший старший писарь Кавказского окружного артиллерийского управления, крестьянин Бердской волости И. Г. Титлянов отлил по поручению собрания «должностную печать» и незамедлительно приступил к своим обязанностям. Начав реализацию плана межевщика Кузнецова, он организовал прорубку просеки будущего Николаевского проспекта. Согласно решению схода от 15 августа,

староста собрал с владельцев усадебных участков по рублю на нужды управления и по 30 копеек со всех жителей на строительство «анатомического театра» — поселкового морга. Но денег оказалось мало, и Титлянов решил собрать дополнительно по 3 рубля с жителей, не имевших арендных земельных участков. Это коснулось зажиточных разночинцев и вызвало их недовольство. На старосту посыпались жалобы и угрозы, вмешалась губернская администрация, и сбор денег был сорван.

В поисках средств Титлянов, основываясь на решении собрания, попытался открыть общественные питейные заведения, доход от которых предполагалось использовать на содержание пожарной команды, устройство школ и больниц, постройку какого-либо здания для канцелярии и проведения сходов. Возможный годовой доход определялся в 50 тысяч рублей. Но кабинетское начальство решительно выступило против: оно еще раньше предоставило монопольное право торговли спиртными напитками за соответствующую плату винозаводчику Алюнину.

Четыре месяца исполнял свои нелегкие обязанности искренний и добросовестный Титлянов, день и ночь стремясь, по его словам, «к правильной постановке всего дела». Он изыскивал необходимые средства и выезжал для ходатайства о них в губернский город Томск, организовал «канцелярию» и перепись населения в поселке, построил «анатомический театр», закрыл «шинки» и преследовал содержателей притонов, учредил ночные обходы, урегулировал работу извозчиков, разбирал всевозможные конфликты и при этом «перед народом был честен», что «все общество может подтвердить».

Благодаря усилиям старосты поселок «с постепенностью встал было на правильную ступень общественного порядка». Бесхитростным словам бердского крестьянина, волей судеб оказавшегося первым «мэром» будущего города, нет оснований не верить. Но губернское правление не утвердило Титлянова в должности старосты, заявив, что он был избран «самочинно». 24 декабря 1896 г. поступила телеграмма, предлагавшая старосте сдать все дела полицейскому чиновнику Ржевскому. Взволнованный Титлянов хотел было апеллировать к сходу, но ему не позволили это сделать. Полицейский пристав заявил, что, если он будет сопротивляться и собирать сход, с ним поступят как «с бунтовщиком и подстрекателем». Губернское правление предписало: впредь сходов не проводить и старост не выбирать. 7 января 1897 г. возмущенные жители обратились

к губернатору с письмом, в котором просили «возвратить Титлянову прежние его права», ибо «без общественного правления оставаться находим положительно невозможным». Через две недели пришел отказ, губернатор подтвердил упразднение старосты и запрет новых выборов.[1]

Все дела в поселке вершили полицейские: пристав, его помощники и 12 стражников, которые выступали «в лице администраторов и общественных заправил». Вновь возросла преступность, поселок не имел средств на устройство больницы, не хватало школ, не было библиотеки, зато лавок и питейных заведений было множество, и все это преследовало цель «увеличить более торговлю спиртными напитками».

Мировой судья 3-го участка Томского уезда, которому подчинялся поселок в судебном отношении, отказывался разбирать мелкие дела жителей и направлял их в волостной суд. Но и там дела не принимались, так как поселок, не имевший прав сельского общества, не был приписан к ближайшей Кривощековской волости. К тому же последняя подчинялась судье 4-го участка. Таким образом, новониколаевцы были лишены возможности предъявлять судебные иски. Поселок оказался на положении «беспризорного», он не имел определенного статуса и права прописки проживающих в нем жителей. Имея дома и работу в Новониколаевском, многие из них оставались прописанными в городах и селениях, откуда приехали на стройку. Во время воинских призывов мужчины выезжали в места их прописки, иногда за сотни и тысячи верст, чтобы там явиться в воинские присутствия (никуда не причисленный поселок не имел призывного пункта). Не приходится говорить, сколь разорительными были эти поездки для выходцев из Центральной России, особенно для малоимущего населения. Кроме того, многие вносили подати по месту их прежнего жительства и вынуждены были ежегодно обновлять там свои временные паспорта, что порождало ненужные дорогие поездки, бесконечную переписку и волокиту, многочисленные штрафы за неявку и недоимки за несвоевременную уплату податей. Приписаться же к соседним крестьянским обществам не удавалось из-за высокой платы за приемный приговор (прописку), достигавшей свыше 30 рублей с человека.[2]

---

[1] Весь Новониколаевск. Адресно-справочная книга на 1924—1925 гг. Новониколаевск, 1924, с. 8—10.

[2] ЦГИА, ф. 1285, оп. 38, д. 3561, лл. 13—17.

«Дело о преобразовании поселка Новониколаевского в город», начатое в Томском губернском правлении, пухло от прошений, однако все оставалось по-прежнему. Стремясь пробить стену равнодушия к их нуждам, 20 января 1897 г. жители подали жалобу царю. Они писали об упразднении должности старосты и запрете собирать сходы, неудачных попытках изыскать средства на общественные нужды, сообщали, что «обращались во все ближайшие учреждения», но до сих пор «нет помощи ниоткуда» и местное население находится «без всякого управления». В заключение следовала просьба дать поселку права посада или города. Царь отказал в просьбе, заявив: «Когда значение поселка и виды на будущее выяснятся, тогда обсудить вопрос о переустройстве в посад или город». Лишь расходы «на первоначальное благоустройство и содержание полиции» в Новониколаевском с ноября 1897 г. были отнесены на счет Кабинета.

Между тем поселок быстро рос: в 1898 г. в нем насчитывалось 14 тысяч жителей, значительное развитие получила торговля, зарождалась промышленность. На почве торгово-капиталистической эксплуатации, тяжелых жилищных условий и отсутствия элементарного благоустройства усилилось недовольство городской бедноты. Еще в мае 1896 г., в дни празднования коронации Николая II, в поселке вспыхнул бунт, участники которого разгромили палатки и погреба торговцев. Эта своеобразная местная «ходынка» закончилась расправой над участниками выступления, в результате которой было убито 2 и ранено 8 человек.

Вспышки недовольства населения проявлялись и в последующее время. Не случайно в конце 1896 г., в дни проезда царя через поселок Новониколаевский, совпавшие с отстранением от должности И. Г. Титлянова, полиция заключила всех «подозрительных» в барак, чтобы «не подвели». Их освободил ночью скрывшийся от полиции Титлянов. Полиция жестоко расправилась с бывшим старостой: его сбросили с моста, но Титлянов успел ухватиться за балку и повис вниз головой. Спасенный родственниками, от пережитого потрясения он тяжело заболел. Как память о событиях тех лет на улице Большевистской под номером 37 до недавнего времени стоял сосновый одноэтажный дом в виде буквы «Г», принадлежавший И. Г. Титлянову.

Подозрения властей вызывали и стихийные собрания жителей, которые продолжались после упразднения должности старосты. В связи с этим томский губернатор дважды — в 1897 г. и 1898 г.— высказывался за предоставление

поселку упрощенного посадского самоуправления. Но не интересы жителей беспокоили губернатора. Это предложение вносилось во избежание «разного рода нежелательных недоразумений не только в хозяйственном, но и в административном отношении». При этом жители по-прежнему должны были вносить Кабинету арендную плату за пользование землей. Отказав поселку в правах города, царь усилил в нем власть полиции. Все острее заявлял о себе нерешенный земельный вопрос.

2

Собственниками земель в Сибири выступали государство (казна) и царская корона в лице монархов, менявшихся на престоле. Землями коронного ведомства управлял Кабинет Его Величества. В Западной Сибири владения Кабинета охватывали Алтайский округ, занимавший территорию нынешних Алтайского края, Новосибирской, Кемеровской, а также часть Томской, Семипалатинской, Павлодарской и Восточно-Казахстанской областей (42 миллиона десятин). На кабинетских землях располагались Новониколаевский поселок, а также Барнаул, Бийск и другие города Алтайского округа. Земельная собственность короны, как крупный пережиток феодализма, тормозила рост производительных сил в Сибири.

Огромные пространства лучших по качеству земель, находившихся в непосредственном владении Кабинета, могли использоваться лишь за арендную плату. Переселенцы, самовольно занявшие ее, выселялись. Это сдерживало освоение края и порождало безземелье среди неприписанного населения. Коронное ведомство, сохранявшее право распоряжения земными недрами на любой территории края, могло в любое время отобрать у арендаторов землю и передать ее более выгодным съемщикам или использовать для разработки полезных ископаемых.

Земельная собственность Кабинета мешала развитию сибирских городов. Ее отрицательное влияние в полной мере испытал и Новониколаевск, возникший на кабинетской земле. За участки под усадьбы, строительство домов или торгово-промышленных заведений жители вносили арендную плату, которая с ростом поселения катастрофически быстро повышалась. Этим пользовались различного рода дельцы и земельные спекулянты. В мае 1894 г. чиновник, ведавший арендой земли, писал, что сельский предприниматель А. Кондратьев, имея усадьбу в Кривощеко-

ве, куда он незадолго до этого поселился «с корыстной целью», захватил на правом берегу несколько арендных участков. На одном из них он построил «торговую баню», а остальные продал под торговые заведения купцу Е. А. Жернакову, С. А. Толоконскому и др.[1] Неудивительно, что в 1900 г. усадьбу размером 10 на 25 саженей арендовали за 100—200 рублей, а в 1903 г.— за 1500—2000 рублей. Земля сдавалась в аренду сроком на 24 года и более, через каждые 6 лет Кабинет мог увеличивать плату на 10 процентов. При этом жители, не имевшие прав «городских обывателей» (поселок не добился статуса посада или города), вносили как арендную плату за землю по месту жительства, так и подати по месту их прописки.

Торговцы и промышленники кроме аренды платили Кабинету за право торговли или владения промышленным объектом. Предприятия, созданные на арендованной земле, не могли расширяться ввиду высокой арендной платы, а также потому, что без особого разрешения управления Алтайским округом предприниматель не мог принять в «дело» новых компаньонов и таким образом расширить производство. К тому же арендатор жил «под постоянным страхом, что его могут во всякое время заставить очистить свои постройки за бесценок». Об этом подробно писали жители Новониколаевского поселка в письме от 22 февраля 1901 г. томскому губернатору.

Нерешенность земельного вопроса сдерживала развитие в поселке кредитных операций. Отделения банков избегали давать ссуды предприятиям, расположенным на арендной земле, так как не были уверены в прочности их существования. По той же причине они не давали кредиты и под крупное домостроительство. Все это осложняло, а нередко и сдерживало развитие промышленности и торговли в молодом поселке.

В упоминавшемся письме томскому губернатору от 22 февраля 1901 г. жители справедливо отмечали, что сохранение арендных отношений «не обещает ничего, кроме упадка в жизни поселка».[2] В нем изложены соображения об условиях выкупа земли в собственность поселка. Аренда усадебных участков, базарной площади и перевоза через Обь, питейные и другие заведения приносили Кабинету 14 тысяч рублей чистого дохода. Капитализируя эту сумму из расчета в 4 процента годовых, жители определили

[1] ГААК, ф. 3, оп. 1, д. 320, л. 108.
[2] ГАТО, ф. 3, оп. 45, д. 184, лл. 17—19.

выкуп в 350 тысяч рублей. Они просили у Кабинета около 10 тысяч десятин земли. 28 февраля 1901 г. уполномоченные, вернувшиеся из Томска, доложили собранию арендаторов, что губернатор не возражает против преобразования поселка в посад или город и выкупа земли в собственность.

Дело оставалось за кабинетской администрацией. Обеспокоенная тем, чтобы закрепить за собой как можно больше поселковой земли «для вящего обеспечения будущего хозяйства Алтайского округа», она в два раза урезала просимую жителями площадь. Наиболее ценные земельные участки — центральные кварталы поселка, берег Оби, территории, занятые складами и промышленными предприятиями,— оставались в собственности Кабинета.

Сумму же выкупа кабинетская администрация предлагала увеличить почти в два раза, до 630 тысяч рублей, чтобы таким образом «вознаградить Кабинет Его Величества за отказ от прав владения поселком Новониколаевским». В январе 1902 г. в письме к начальнику Алтайского округа жители выразили несогласие с грабительскими условиями, выдвинутыми коронным ведомством, и потребовали передать им выгонную землю без каких-либо урезок, ибо через поселок перегонялось с Алтая большое количество скота и здесь ежегодно забивалось его до 10 тысяч голов. Новониколаевцы подавали несколько прошений в управление Алтайского округа, ездили в Барнаул, обращались с жалобой «на стеснительное положение промышленности на арендной земле» даже к министру финансов С. Ю. Витте, воспользовавшись его проездом через поселок. Тем не менее добиться решения вопроса о выкупе земли не удалось.

К 1901 г. в поселке проживало около 23 тысяч человек, числилось свыше 200 различных торгово-промышленных заведений с годовым оборотом около 2,5 миллионов рублей. Здесь ежегодно проводилась крупная ярмарка, действовали почтово-телеграфная станция, военно-остановочный и переселенческий пункты, различные правительственные учреждения (податная инспекция, акцизное ведомство и др.), транспортные и торгово-промышленные конторы. Грузооборот ст. Обь приблизился к 5 миллионам пудов. Затягивать решение вопроса о предоставлении поселку Новониколаевскому городских прав и выкупа земли становилось бессмысленным: поселок в процессе экономического развития фактически уже стал городом, довольно крупным по тому времени.

И только 13 февраля 1903 г. царь дал согласие на преобразование Новониколаевского поселка в город и утвердил условия наделения его землей. Территория общего пользования в 4881 десятину (выгоны, площади, улицы и т. п.) передавалась в собственность будущего города безвозмездно, а 582 десятины усадебной земли — на правах выкупа.

28 декабря 1903 г. Николай II утвердил положение Комитета министров, предлагавшее Новониколаевский поселок «возвести на степень безуездного города» Томского уезда с упрощенным городским управлением. После опубликования царского указа в Новониколаевске состоялись первые выборы в городское управление, в ходе которых избрали 15 уполномоченных и 7 кандидатов, а те выдвинули старосту. Им стал крупный торговец И. П. Суриков. С образованием городского самоуправления Кабинет освободился от финансирования Новониколаевска, взвалив расходы по содержанию города на самих жителей.

Однако основную доходную статью бюджета — арендную плату за землю — он оставил за собой впредь до выкупа усадебных участков. В царском указе подтверждалось право безвозмездного наделения города выгонной землей и выкупа усадебных участков в размерах, установленных 13 февраля 1903 г. Просьба жителей передать им территорию в 10 тысяч десятин, таким образом, отклонялась, и принимались условия, худшие даже по сравнению с теми, на которых настаивал Кабинет[1].

А город продолжал расти, в нем образовался целый район самовольных поселенцев, избегавших непосильной для них арендной платы за участки в пользу Кабинета. Район этот располагался между линиями железной дороги и берегом Оби, недалеко от станции. За ним закрепилось название «Нахаловка», а у самих жителей бытовало другое название — «Порт-Артур».

В августе 1905 г. городские уполномоченные, исходя из предполагаемой выкупной суммы в 350 тысяч рублей, наметили плату за усадебные участки в различных районах города. В Вокзальной части она составляла в среднем 33 копейки за квадратную сажень земли, в центре города, между районом вокзала и Каменкой,— 35 копеек за квадратную сажень. Но коронное ведомство не случайно тянуло с решением земельного вопроса в Новониколаевске, оно решило получить гораздо большую выкупную сумму

[1] ЦГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 3561, лл. 39—42.

и уже подготовило соответствующие расчеты. Наконец, 18 февраля 1907 г. администрация Кабинета предъявила грабительские по своему характеру условия выкупа. Она сократила площадь, подлежащую безвозмездной передаче городу, до 171 десятины, а территорию, которая отдавалась за выкуп, увеличила до 3184 десятин. Таким образом, общая площадь земли была намного уменьшена: если жители просили 10 тысяч десятин, а указами царя было официально обещано 5463 десятины, то фактически кабинетская администрация передала Новониколаевску безвозмездно и за выкуп 3355 десятин.

Большое количество городской земли Кабинет оставил в своей собственности: в Вокзальной части — два квартала, занятые под склады управления Алтайского округа, в Центральной — пять, в Закаменской — два квартала. Кабинет захватил также более 2443 десятин по Большой и Малой Ельцовкам, часть Инской оброчной статьи близ д. Ини, береговую полосу Оби в черте города, участок, занятый под переселенческий пункт, и проезд по логу к Оби с примыкающей к нему площадью. Огорченные захватом наиболее доходных земель в центре города и по берегу Оби, городские власти уныло констатировали, что это лишит город «будущего процветания в промышленном отношении».

Выкуп увеличился до 600 тысяч рублей, которые городское управление обязано было внести в течение 20 лет с уплатой 4 процентов годовых с непогашенной суммы (исправность платежей город обеспечивал своим бюджетом, а также деньгами, получаемыми с жителей за усадебные и другие участки). К 1917 г. жители внесли примерно половину указанной суммы, и лишь Великая Октябрьская социалистическая революция избавила их от уплаты оставшегося долга.

3

Нелегкими были первые шаги молодого города. Но, как ни препятствовали его развитию кабинетское землевладение и самодержавные порядки, жизнь брала свое. Новониколаевск довольно быстро вошел в число ведущих торгово-транспортных центров Сибири. Этому способствовали два обстоятельства: резко усилившийся после сооружения Сибирской железной дороги процесс народной колонизации, сопровождаемый массовым притоком в Сибирь переселенцев из Европейской России, ростом посев-

ных площадей и поголовья скота в результате хозяйственного освоения новых территорий, и выгодное месторасположение города. Он возник на пересечении важнейших транспортных путей — железнодорожной магистрали и реки.

Это определило его роль как важнейшего распределительного пункта в торговле между центром и окраиной, а также внутри Сибири. С Алтая в Новониколаевск поступали хлеб, масло и другие сельскохозяйственные продукты, водным путем из северных районов — лес, пушнина, рыба, из восточных по железной дороге — скот, мясо, пушнина, полезные ископаемые. По этим же направлениям через Новониколаевск расходились промышленные товары, в первую очередь сельскохозяйственные машины, ввозимые в Сибирь из Европейской России и заграницы.

Грузооборот ст. Обь увеличился с 1,8 миллионов пудов в 1897 г. до 11,2 миллионов пудов в 1907 г., то есть в 6 с лишним раз. Уже в 1899 г. ст. Обь почти в 2,5 раза превосходила по грузообороту Омск и Томск и вышла по этому показателю на первое место среди станций Сибирской железной дороги. Более половины всех грузов составлял хлеб, поступавший по Оби главным образом с Алтая, на втором месте стояли лесные материалы, и третье место в грузообороте занимало сливочное масло. Большое количество грузов поступало и отправлялось водным путем, а Новониколаевская пристань в конце девяностых годов стала одной из самых оживленных на Оби.

Новониколаевск, еще будучи поселком, заявил о себе как о месте интенсивного пассажирского движения. С 1896 г. по 1905 г. в Томскую губернию и далее на восток переселились 642 тысячи человек. Многие из них прошли через Новониколаевский переселенческий пункт, образованный в 1897 г. Там всегда можно было видеть десятки и сотни крестьянских семей с домашней утварью и скарбом, ожидавших отправки во все концы Сибири. Почти половина переселенцев направлялась на Алтай, многие оседали в самом городе, образуя Переселенческую улицу в районе ст. Обь или пополняя Закаменку.

Преимущественное развитие в экономике Новониколаевска получила торговля. Накануне 1905 г. в городе действовало 6 крупных торговых фирм, в том числе братьев Маштаковых, Кагана и др. Всего насчитывалось до 350 торговых заведений, особенно активно возникавших после преобразования поселка в город. Ежегодно в декабре проводилась Никольская ярмарка, самая крупная в Том-

ской губернии. Торговые заведения обслуживались крупными транспортными конторами (в 1905 г. их было 4). В Новониколаевске находились отделения Государственного и Сибирского торговых банков, предоставлявших кредиты владельцам торгово-транспортных и промышленных заведений.

По сравнению с торговлей гораздо слабее была развита промышленность Новониколаевска. Одно из первых промышленных заведений в городе — лесопильный завод Кабинета, построенный на берегу Оби в мае 1895 г. Но самым крупным предприятием города было железнодорожное депо с различными мастерскими. Они имели современное по тому времени оборудование и концентрировали большую массу индустриальных рабочих. Зарождавшаяся промышленность специализировалась на обработке сельскохозяйственной продукции. Три четверти ее давало мукомолье. Основателем мукомольного дела стал гласный городской думы предприниматель И. М. Луканин. В 1900—1906 гг. в Новониколаевске и его окрестностях возникло 6 крупных мельниц. Они объединялись в «Новониколаевское крупчато-мукомольное товарищество», основанное в 1903 г., и «Южно-Алтайскую мукомольную компанию» (1906).

Кроме того, переработкой сельскохозяйственной продукции занимались сухарный завод и многочисленные мелкие заведения полукустарного типа (маслодельные, хлебобулочный, колбасный и другие заводы). Активно развивалось ремесло, представленное столярными, швейными, сапожными, шорными и другими мастерскими. Металлообрабатывающей промышленности в городе не было, если не считать нескольких кузнечных и слесарных мастерских да небольшой завод «Труд», открытый в 1906 г., на котором выпускали запасные части к механизмам мельниц, маслозаводов и несложным сельскохозяйственным машинам. Все оборудование завода состояло из парового двигателя и 5 станков. На нем работало около трех десятков рабочих.

В 1900 г. начала действовать типография, принадлежавшая Н. П. Литвинову, владельцу книжного магазина и первой новониколаевской газеты «Народная летопись». Сумма промышленного производства города в 1908 г. превысила 5,3 миллиона рублей, или примерно одну треть производства всех городов Томской губернии. С первых шагов Новониколаевск развивался главным образом как торгово-транспортный пункт. По темпам роста он обгонял

другие городские поселения Сибири. По сравнению с крупными индустриальными центрами страны того времени промышленность в городе была развита значительно слабее. Но это не значило, что она находилась преимущественно на стадии ремесла и мануфактуры, а индустриальные рабочие в городе отсутствовали.

При численном преобладании мелких промышленных заведений большую часть обработанной продукции давали мельницы и предприятия фабрично-заводского типа. Общая численность занятых в обрабатывающей промышленности составляла около тысячи человек. На Новониколаевском участке железной дороги, в депо, мастерских, службах пути и тяги, телеграфе, вспомогательных и других работах трудилось до 3 тысяч рабочих, многие из которых имели опыт революционной борьбы в Европейской России. Вместе с грузчиками, строителями и торговыми служащими городской отряд рабочих накануне Первой русской революции насчитывал примерно 5 тысяч человек, занятых в значительной части на предприятиях фабрично-заводского типа.

4

С подписанием выкупной сделки злоключения Новониколаевска отнюдь не кончились. Последствия этого грабительского акта еще долго лихорадили город, сказываясь на всех сторонах его жизни. После заключения договора с Кабинетом городское управление приступило к сбору средств для выкупа земли. Всей тяжестью он пал на плечи трудового народа. Стоимость каждого участка определялась в зависимости от его размера, удобства и местоположения. Свободные усадебные участки, расположенные главным образом на окраинах и по берегам Каменки, сдавались городской управой в ежегодную аренду. Они заселялись малообеспеченными семьями, ибо арендная плата за них была ниже, чем в центральных районах.

Здесь устраивались бедняки, в том числе временные жители, застраивая овражные берега Каменки лачугами и бараками. Не имея средств на покупку участков, многие занимали их самовольно, а затем выселялись в судебном порядке. Примеров тому немало. Перед нами прошение в городскую управу переселенца из Пермской губернии И. П. Радостева, отца шестерых малолетних детей. Мировой судья 8-го участка Томского уезда прислал ему исполнительный лист с требованием очистить самовольно заня-

тую под барак усадьбу на левом берегу Каменки. Будучи не в состоянии купить участок, Радостев просил дать разрешение на его аренду.

Дороговизна участков способствовала скученности строений, что сказывалось на санитарном состоянии города, а в условиях деревянной застройки делало его уязвимым в противопожарном отношении. Михайловский лог (на его месте ныне стоит Дом культуры имени Октябрьской революции) и глубокий овраг Каменки рассекали город на три неравные части. На первых порах наиболее интенсивно застраивался привокзальный поселок, затем Центральная часть и Закаменка.

Улицы города тянулись вдоль Оби и железнодорожной линии; берег занимали пристани, серые коробки складов, срубы подсобных помещений и дощатые времянки, отделявшие жилой район от реки. Сплавляемый лес здесь перегружали на железнодорожные платформы. Место его перевалки тонуло в грязи и мусоре, в жаркую погоду клубы пыли уносились ветром на жилые кварталы, заселенные преимущественно рабочими и мелкими служащими ст. Обь. В подавляющей части город состоял из одноэтажных домов и землянок, улицы и площади не мостились. На Николаевском проспекте (он тянулся на две версты) размещались дома зажиточных горожан, магазины и различные подсобные помещения, плотно прижатые друг к другу.

Главную улицу пересекали забитые навозом и грязью рыночные площади — Старобазарная (близ устья Каменки) и Ярмарочная (в центральной части города). К проспекту примыкали тихие, похожие на сельские улицы с небольшими домами и приусадебными участками, окруженные бревенчатыми заборами. Лес на территории города вырубался для строительства и отопления, и лишь в центре — на Николаевском проспекте и ул. Телеграфной (ныне ул. Кирова) — сохранялись деревья. В Закаменке, как и прежде, строились хаотично. В этом районе долго не было не только названий улиц, но и номеров домов. Здесь жила беднейшая часть городского населения: чернорабочие, грузчики пароходных пристаней, крестьяне-переселенцы.

В связи с дороговизной земельных участков и пренебрежением властей к судьбам жителей город уже на первых порах своего развития страдал от недостатка жилья. Первая перепись в Новониколаевске, проведенная 23 октября 1905 г., зафиксировала в городской черте 22708 жи-

телей, в том числе около 12 тысяч квартиросъемщиков. В действительности их число было гораздо больше: свыше 2 тысяч человек проживало на территории предприятий (мельниц, мастерских, складов и т. п.), в помещениях, не приспособленных для жилья. «Спят прямо на полу, всегда грязном. Коек нет, нет матрацев»,— писала газета «Сибирская жизнь» 5 февраля 1906 г. о жильцах, ютившихся в одной из мастерских. Вся тяжесть невыносимых жилищных условий падала на рабочих. Они пользовались тесными наемными квартирами частников, ставили дощатые домики, бараки и землянки, не отвечавшие минимальным требованиям санитарии.

Строили их на окраинах, где ощущалась нехватка воды, или в оврагах — вдоль Каменки и Ельцовки, рядом с водосточными канавами и выгребными ямами. Вот характеристика жилищных условий рабочих в дореволюционном Новониколаевске: «В нем нет неиспользованных зданий: люди живут не только там, где можно жить, но и там, где жить нельзя без явного ущерба для здоровья. Люди живут в сырых без света подвалах и полуподвалах, в землянках, которые растут как грибы, в банях и даже неотапливаемых помещениях — конюшнях и сараях». Вместе с воинскими частями, стоявшими в городе, общее число его жителей в 1905 г. превышало 26 тысяч человек. По численности населения Новониколаевск занимал третье место в губернии, уступая лишь Томску и Барнаулу.

Большие земельные платежи сказывались и на городском бюджете. Основную доходную статью в 1905 г. составляли поступления с городского имущества и земельных оброчных статей. Свыше половины всех средств расходовалось на содержание воинских частей, городских общественных учреждений и полиции. Расходы на воинский постой, падавшие тяжелым бременем на горожан, в 1905—1907 гг. превысили 43 тысячи рублей, из них большую часть военное ведомство так и не возвратило городу. Наряду с задолженностью за землю это обусловило дефицит городского бюджета, который с 1906 г. начинает расти. К 1910 г. вместе с долгом по неуплате очередного взноса за землю он превысил 242 тысячи рублей.

На развитие народного образования в Новониколаевске отпускались мизерные средства. В 1905 г. они составляли 2 процента всех расходов. Не приходится удивляться тому, что школьное дело находилось в жалком состоянии. В докладной записке губернатору уполномоченные Новониколаевска, аргументируя просьбу о беспроцентной ссуде

на строительство школ, писали: «При открытии города в 1904 г. в Новониколаевске было 2 училища под названием сельских — мужское, находившееся в полугнилом, частично ушедшем уже в землю здании, с одним учителем и сорока учениками, и женское, помещавшееся в одной комнате, с одной учительницей и 20 учениками».[1] По всей вероятности, городу дали просимую ссуду, потому что с 1906 г. финансирование школ увеличилось. Но и после этого Новониколаевск значительно отставал по развитию народного образования от других городов Томской губернии, хотя по количеству населения опережал большинство из них. На 1 января 1909 г. учащиеся составляли в Томске 16,7 процента всего населения, в других городах губернии — 7, а в Новониколаевске — 4,5 процента.

В городе появляются первые библиотеки. При школе, открытой Г. М. Будаговым в 1893 г., была организована воскресная читальня, в которой насчитывалось 127 томов. Ввиду незначительного количества книг едва ли можно говорить о сколько-нибудь массовом обслуживании читателей. В 1902 г. основана библиотека имени Н. В. Гоголя, которой пользовались железнодорожники ст. Обь, учителя и учащиеся местных школ. Библиотеку часто навещали местные революционеры. К. С. Полянская вспоминала: «У нас была своя подпольная библиотека запрещенной политической литературы, мы получали «Искру», но мы, все учителя, являлись читателями гоголевской библиотеки. Брали оттуда художественную литературу. Революционеры Гирш, Багашев, Кислый, Заводовский были частыми посетителями библиотеки. Беря литературу для чтения из библиотеки, они конспирировали свою собственную. За библиотекой был установлен полицейский надзор».[2]

В конце 1905 — начале 1906 гг. открылась библиотека Общества приказчиков (так называли горожане Новониколаевское общество взаимопомощи торговых служащих), которая находилась на углу улиц Кабинетской (ныне Советская) и Болдыревской (Октябрьская). Позже ее перевели на улицу Асинкритовскую (ныне ул. имени Чаплыгина). Общество приказчиков и библиотеку возглавлял молодой социал-демократ Илья Карнаухов, служащий магазина купца Маштакова. Эта библиотека, располагавшая произведениями П. Лафарга, Г. В. Плеханова и другой социал-демократической литературой, имела свой круг чита-

[1] ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 1841, л. 23.

[2] Воспоминания К. С. Полянской хранятся в библиотеке райпрофсожа Новосибирского отделения Западно-Сибирской железной дороги.

телей, ее услугами пользовались революционеры Александр Петухов, писатель Владимир Бахметьев, во время пребывания в Новониколаевске ее посещал С. М. Костриков (Киров).

30 марта 1906 г. новониколаевцы держали в руках первый номер городской газеты «Народная летопись» (редактор и издатель Н. Литвинов) — небольшой листок размером в четверть современного газетного формата, непривычно пахнущий типографской краской. На страницах газеты, появившейся в годы Первой русской революции, находили отражение революционные события в городе. Городской голова А. Г. Беседин неоднократно обращался к губернатору с жалобами на прессу, просил ее «обуздать». В заметках «Так жить нельзя» и «Только станет смеркаться» газета рассказывала о господствовавшем в городе полицейском произволе. За «недозволенное цензурой» сообщение полиция конфисковала 25-й и 26-й номера «Народной летописи». Не отвечала требованиям цензуры и статья «Государственный переворот» по поводу роспуска II Государственной думы. Дело закончилось закрытием газеты 14 июля 1906 г. на 52-м номере ее издания.

В то же время начинает выходить газета «Обь» под редакторством А. Аргунова. Но, не успев окрепнуть, она прекратила свое существование после штрафа в 500 рублей. Редактор газеты был подвергнут трехмесячному заключению. С 1 апреля 1907 г. владелец типографии Н. Касьянов стал издавать «Сибирскую речь». В свет вышло лишь 7 номеров: в связи с выборами во II Государственную думу местные власти закрыли и эту газету.

Средства на содержание библиотек собирались путем пожертвований и сборов со спектаклей, которые осуществлялись любительскими силами. В октябре 1900 г. любители показали комедию Ленского «Кто в лес, кто по дрова» и водевиль Черепанова «Невольный двоеженец». Большой вклад в развитие театральной культуры Новониколаевска внес Георгий Алексеевич Соколов, один из первых профессиональных актеров города. Под его руководством в 1902 г. силами любителей были поставлены пьесы «Шельменко-денщик», «Не в свои сани не садись», «Чародейка» и др. За неимением театрального здания спектакли ставились в помещениях школы при ст. Обь и общественного собрания. На гастроли в Новониколаевск приезжали отдельные артисты и театральные коллективы. В 1904 г. здесь выступали труппы под руководством И. Ф. Каневского и А. И. Гая, в следующем году — труппы М. А. Макарова и

Е. И. Щербаковой. Революционная обстановка в стране сказалась и на их репертуаре: наряду с бесцветными пьесами показывались «Лес» А. Н. Островского, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «На дне» А. М. Горького и др.

Часто любители и заезжие профессионалы играли в совместных постановках. Газета «Народная летопись» в 1906 г. писала об одном таком спектакле: «4 июня в летнем театре общественного собрания в ознаменование исполнившейся 2 июня с. г. 20-й годовщины со дня смерти творца русской бытовой комедии А. Н. Островского товариществом драматических артистов с участием любителей была поставлена комедия «Без вины виноватые». Спектакль прошел очень удачно. После спектакля на сцене был поставлен бюст А. Н. Островского, перед которым был прочитан краткий очерк его деятельности. На бюст был возложен венок под звуки оркестра и при долго несмолкающих аплодисментах. Не можем не отметить, что чествование памяти А. Н. Островского прошло незамеченным в большинстве городов Сибири, и Новониколаевск в этом отношении является исключением».

Безрадостную картину представляло медицинское обслуживание. Небольшая амбулатория со стационаром на 10 коек (врачи А. А. Бакун и А. А. Щепетельников), организованная в 1897 г., обслуживала только переселенцев. В поселке действовала одна маленькая лечебница при ст. Обь, открытая в 1897 г. для железнодорожных служащих и рабочих. В ней работал врач Е. Е. Игнатов, приехавший сюда в начале строительства моста. В 1900 г. был открыт сельский врачебный участок, который обслуживал жителей Новониколаевского поселка и 20 близлежавших сел и деревень. Крохотная амбулатория и больница на 10 коек, составлявшие участок, помещались в конце Гудимовской (ныне Коммунистической) улицы, недалеко от Каменки, в деревянном доме, арендованном у частного владельца. Участком заведовал Михаил Павлович Востоков, выпускник Томского университета, удостоенный в годы Советской власти звания заслуженный врач РСФСР.

Если учесть, что в 1900 г. в поселке насчитывалось около 19 тысяч человек, и допустить, что в селениях проживало как минимум 5—6 тысяч человек, то на одну больничную койку приходилось примерно 2,5 тысячи человек. Фельдшер Д. С. Бирюков вспоминал: «Больных часто приходилось класть по 2 человека на кровать и даже на пол». Не хватало аптек. Неудивительно, что смертность, особенно среди детей, была высокой. В 1904 г., когда в городе свирепствовала

ствовала холера, при 767 родившихся умерло 475 человек, в том числе более 330 детей в возрасте до 5 лет.

Новониколаевск стал городом. Однако это не принесло желаемого облегчения его жителям. По-прежнему тяжелым бременем давили на плечи тружеников выкупные платежи за землю. Рабочие, ремесленники и мелкие служащие города страдали не только от нехватки жилья, школ и больниц, но и от беззастенчивой эксплуатации владельцами промышленных и торговых заведений, произвола властей. Все более накапливался и зрел среди горожан протест против нищеты и бесправия, все чаще звучал их голос в защиту своих социальных и политических прав. Трудящиеся Новониколаевска вместе со всей страной поднялись на борьбу с самодержавием и капиталистическим гнетом под пролетарскими знаменами Первой русской революции.

В ОГНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

С середины девяностых годов XIX в. начался пролетарский этап освободительного движения в России, характеризуемый усилением революционной борьбы. Создание В. И. Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», зачатка социал-демократической партии, послужило могучим импульсом для формирования марксистских рабочих организаций по всей стране. В этот процесс активно включились трудящиеся массы Сибири, в том числе и Новониколаевского поселка. Большая часть рабочих здесь концентрировалась в депо и мастерских ст. Обь. Железнодорожные рабочие, в основном приезжие, прошедшие революционную закалку в Европейской России, активно включились в пропаганду марксизма.

Большую роль в распространении марксизма и организации социал-демократических кружков в Сибири сыграли политические ссыльные во главе с В. И. Лениным. В Сибирь Владимир Ильич прибыл «вождем, признанным многими», вспоминала А. И. Ульянова.[1] Здесь же отбывали

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Том первый. Воспоминания родных. М., Политиздат, 1968, с. 58.

ссылку его соратники Я. М. Ляховский, Ф. В. Ленгник, П. А. Красиков, Л. Б. Красин, Л. Н. Скорняков, Г. М. Кржижановский и др. С этого времени и возникают первые рабочие кружки в железнодорожных депо и мастерских Красноярска, Иркутска, Читы, Омска, ст. Обь, Тайги и др.

Огромная теоретическая работа В. И. Ленина по разоблачению российского и международного оппортунизма в сочетании с разработкой практических задач социал-демократии способствовала подъему революционного движения в стране и формированию кадров профессиональных революционеров. К их числу принадлежал Евгений Александрович Грознов[1] — организатор первого марксистского рабочего кружка на ст. Обь.

Е. А. Грознов родился в 1869 г. в Камышловском уезде Пермской губернии. Обучался в народном училище Каменского завода. На этом же заводе, став мастером, испытал всю тяжесть подневольного труда. В начале девяностых годов кадровый рабочий Грознов, уже знакомый с марксистской литературой, становится опытным пропагандистом. В связи с постоянной угрозой ареста революционер часто менял место жительства и работы. В 1895—1898 гг. он побывал во многих городах Урала и Сибири: в Челябинске, Перми, Омске, Новониколаевске, Красноярске. В Челябинске, в железнодорожных мастерских, вел агитационную работу среди местных рабочих-транспортников, организовывал подпольные рабочие кружки.

В марксистский кружок, созданный им на ст. Обь в 1898 г., вошли кузнец Я. Н. Овчуков, знавший Грознова по совместной работе в челябинских мастерских, столяр М. И. Полунин, слесари Ф. И. Корчагин, А. Ф. Меринов, литейщики С. Ф. Катковский, И. С. Галунов и другие наиболее политически зрелые рабочие станции. Это был один из первых социал-демократических кружков в Сибири. Вот что рассказывал о начале его деятельности старейший рабочий-революционер Я. Н. Овчуков: «В майские дни пятьдесят лет назад мы, маленькая группа рабочих депо — всего 5 человек, собрались невдалеке от депо, где был тогда густой кустарник и глубокие удобные воронки.

Собрал нас Егор Грозный. Мы были друзьями с ним еще с Челябинска. Грозный и среди кузнецов выделял-

[1] В некоторых источниках и публикациях встречаются имена Григорий или Егор.

ся — высокий, плечистый, крепкий, будто слитый из железа. Он стоял на голову выше нас и по своему развитию. Мы не знали тогда, что он был членом одного из уральских Союзов борьбы за освобождение рабочего класса. Но для каждого, кто общался с ним, было ясно, что он — непримиримый враг царского правительства, царских чиновников, полиции. ...В тот же вечер в горячей и взволнованной беседе перед нами раскрылась вся хитрая механика капиталистического общества, мы услышали о борьбе рабочих и революционеров России и во всем мире. Грозный говорил просто, понятно, и жизнь, которую мы раньше принимали как должную и обыкновенную, раскрывалась перед нами по-новому. Мысль о революционной борьбе, о социализме, который предстоит завоевать рабочему классу, увлекла, захватила нас.

Грозный недолго проработал с нами. Жандармы изгнали его из депо. И так было везде: он исколесил всю Сибирь, но везде оставлял свой след революционной пропаганды. Нас он не забывал и не раз приезжал в Новониколаевск. Мы и сами начали почитывать с тех пор нелегальные брошюрки, листовки».[1] В память о возникновении кружка на здании локомотивного депо ст. Новосибирск-Главный 5 ноября 1973 г. установили мемориальную доску: «Здесь в 1898 году рабочими железнодорожного депо и мастерских ст. Обь был создан первый подпольный социал-демократический кружок, положивший начало городской партийной организации Новониколаевска (Новосибирска)».

После отъезда Е. А. Грознова из Новониколаевского поселка работу кружка возглавили рабочие М. И. Полунин и И. С. Галунов. Современники вспоминали о них: «Оба были уже немолодые, имели детей юношеского возраста и самых маленьких. Несмотря на многосемейность и даже болезнь одного из них (Полунин страдал туберкулезом легких), оба были очень ценными работниками, так как были вполне сознательными социал-демократами. Молодежь невольно поддавалась влиянию старших товарищей. Всем было ясно, что эти люди работают не из-за каких-либо выгод, а исключительно из-за идейной преданности делу. Благодаря влиянию этих сознательных рабочих, вовлечение в революционную работу шло сравнительно успешно».[2] Как и Е. А. Грознов, они познали изнури-

[1] Советская Сибирь, 1948, 1 мая.
[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 117, л. 3.

тельный физический труд с детских лет. И. С. Галунов примерно с 12 лет работал на Каслинском заводе в Екатеринбургском уезде Пермской губернии литейщиком и слесарем. В 1898—1899 гг. прибыл в Новониколаевск и трудился до конца жизни (1917 г.) на железной дороге. М. И. Полунин и И. С. Галунов умерли от туберкулеза легких.[1]

Довольно быстро в революционную деятельность втягивались рабочие мельниц, торговые служащие, интеллигенция Новониколаевского поселка. Вот что об этом писал в своих воспоминаниях М. К. Евграфов: «Позднее (после организации кружка Е. А. Грознова.— *Авт.*) на нашем горизонте появился переселенческий пункт, где активно начали работать медицинские работники. Кто персонально там начал работу, я не скажу. Они имели непосредственно связь со школой, педагогическими работниками. В числе педагогических работников была некто Корсакова, фельдшеричка, человек с высшим образованием. Она была приобщена к организации».[2]

Среди работавших в то время на переселенческом пункте находились агроном В. Солдатов, высланный из Казани за участие в революционном кружке марксистского направления, и М. И. Дубровина, которую выслали из Санкт-Петербурга за транспортировку в Россию из-за границы нелегальной литературы.[3] По всей вероятности, оба поднадзорные участвовали в работе марксистского кружка на переселенческом пункте. Несколько позднее подобный кружок возник и среди торговых служащих поселка, в почтово-телеграфной конторе. В. И. Ленин подчеркивал, что «...социалистическая рабочая партия *не могла* развиваться иначе, как из кружков. Кружки... были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России. По мере роста этого движения

---

[1] АНОКМ, № 16646/6 осн. фонд.

[2] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 63, лл. 21—23.

[3] Марфа Ивановна Дубровина была тесно связана с членами ленинского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В томскую ссылку прибыла в конце мая 1901 г. после отбытия тюремного заключения. Но оставаться в губернском городе, где было много студенческой молодежи, ей не разрешили, и после кратковременного пребывания на ст. Тайга М. И. Дубровина 22 февраля 1902 г. переехала в поселок Новониколаевский. В полицейском рапорте в Томское жандармское управление сообщалось, что она поддерживала «постоянную связь с томскими социал-демократами путем поездок и переписки».

встала задача объединения этих кружков, создания прочной связи между ними, установления преемственности».[1]

Такая задача стояла и перед социал-демократическими рабочими кружками поселка Новониколаевского, не имевшими достаточной организационной связи друг с другом. В 1903—1904 гг. кружки слились в Обскую группу РСДРП. При формировании группы и в дальнейшей ее деятельности большую помощь оказал Томский комитет РСДРП, в который она входила на правах низшей парторганизации, а последний — в Сибирский союз РСДРП. Немаловажную роль сыграла также искровская группа, сложившаяся в Томском комитете с весны 1902 г., в составе А. И. Ульяновой-Елизаровой, Н. Н. Баранского, Н. Н. Баранской, В. М. Броннера, Г. М. Кржижановского и др. Нити их связей тянулись к В. И. Ленину, пристально следившему за событиями в Сибири. В декабре 1902 г. он писал Г. В. Плеханову: «Томичи переиздали наш проект программы с предисловием-дифирамбом «Искре» — «Заре» и всей ее работе».[2]

Томский комитет РСДРП первым из социал-демократических организаций Сибири перешел к широкой политической агитации в массах. По заданию Сибирского социал-демократического союза в поселок Новониколаевский приезжали из Томска профессиональные революционеры Н. Н. Баранский, Г. Минский, А. Г. Фортов и др. Здесь работали Александр Иосифович Петухов, близкий товарищ С. М. Кирова, и Николай Иванович Самойлович, один из организаторов Томского комитета РСДРП.

В Новониколаевский поселок поступала нелегальная социал-демократическая литература. По свидетельству бывшего токаря железнодорожного депо ст. Обь М. К. Евграфова, «источником поступления литературы были Томск и Красноярск, но главный источник — Томск». В своих воспоминаниях М. К. Евграфов отмечал, что новониколаевцам пересылалась из Женевы отпечатанная на папиросной бумаге «заграничная литература». Несомненно, старый подпольщик имел в виду ленинскую «Искру».

Томская организация РСДРП получала газету «Искра», как писал в своих воспоминаниях Н. Н. Баранский, «с самых первых номеров». При этом экземпляры общепартийной газеты приходили в поселок Новониколаевский в «весьма потрепанном виде», что свидетельствует о много-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 105.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 242.

кратной пересылке очередного номера «Искры» из одного пункта в другой. В мае 1902 г. в редакцию «Искры» был сообщен конспиративный адрес для пересылки газеты в Новониколаевский поселок. Сохранилось письмо, отправленное из Кореиза (Крым) в редакцию «Искры» в мае того же года, в котором социал-демократ В. Г. Шкляревич сообщал о посылке денег в редакционный фонд и просил выслать газету на ст. Обь.

Ленинская «Искра», давая широкую информацию, стала своеобразным политическим учебником и организатором революционного движения. До ноября 1903 г. в 51 номере газеты было опубликовано более 50 статей Владимира Ильича. В их числе работы «Насущные задачи нашего движения», «Революционная партия и крестьянство» и др. В Новониколаевске распространялись и отдельные издания работ В. И. Ленина. В 1957 г. при ремонте дома на Владимировской улице, где до революции жили железнодорожные рабочие, был найден бережно завернутый пакет с нелегальной литературой из библиотеки Обской группы РСДРП. Среди брошюр — одно из изданий работы В. И. Ленина «К деревенской бедноте» и книга Н. Саблиной (Н. К. Крупской) «Женщина-работница».

Под руководством социал-демократов новониколаевские рабочие проводили свои первые тайные собрания и маевки, начали забастовочное движение. В 1902 г. в поселке состоялась первая нелегальная маевка. Остерегаясь полиции, собрались 30 членов социал-демократического кружка ст. Обь. Ораторы говорили о значении первомайского праздника, знаменующего солидарность пролетариата всех стран, призывали к революционной борьбе. Маевка 1902 г. положила начало ежегодному празднованию Первого мая в городе. В последующие годы маевки проводились регулярно, становились все более массовыми и организованными. Для охраны выставлялись пикеты из членов боевой дружины. В суровых условиях царского режима маевки обеспечивали связь Обской группы РСДРП с трудящимися города.

По свидетельству бывшего члена Обской группы РСДРП Т. В. Соколова, новониколаевские революционеры к 1904 г. значительно активизировали свою деятельность. «Литературой усиленно снабжали проходящие войска и солдат местного гарнизона. Группа организовала боевую дружину из старых испытанных членов — добровольцев в числе 7-8 человек... Первую партию оружия дружина похитила со склада полицейского управления —

10 берданок, 6-7 трехлинейных винтовок, несколько тесаков и до 15 штук револьверов системы «Смит-Вессон». Оружие было сдано на хранение члену организации тов. Шамшину.

В этом же году дружина достала большое количество типографского шрифта. Из полицейского управления добыли достаточное количество старых паспортных бланков. Организовали паспортный отдел для членов группы, выдавали разного рода документы, освобождавшие от военной службы, а за это получали иногда от солдат оружие и патроны».[1] На квартире учительницы К. С. Полянской[2] оборудовали подпольную типографию.

В 1904 г. новониколаевские революционеры организовали десятидневную объединенную забастовку печатников, мукомолов и строителей. Она охватила почти все крупные предприятия обрабатывающей промышленности. Бастующие добились частичной победы над предпринимателями. В мае того же года в Новониколаевске произошла первая в Сибири забастовка торговых служащих. Приказчики торговых заведений города подвергались жестокой эксплуатации: для них не существовало выходных дней, трудиться приходилось по 12—15 часов в сутки, заработок урезался штрафами.

Городская группа социал-демократов провела большую разъяснительную работу среди приказчиков, в ходе которой определились главные требования забастовщиков: установление дней отдыха и сокращение рабочего дня в будни. В стачке участвовало подавляющее большинство торговых служащих города. Хозяевам пришлось уступить: для приказчиков были введены праздничные дни и девятичасовой рабочий день. Вскоре появилось Новониколаевское общество взаимопомощи торговых служащих, построившее для себя специальное здание — «Дом приказчиков» на Асинкритовской улице (ныне ул. имени Чаплыгина, 65).[3] В здании имелись библиотека и читаль-

---

[1] Советская Сибирь, 1973, 9 июня.

[2] К. С. Полянская родилась в Красноярске, где окончила гимназию. Для продолжения учебы уехала в Петербург, поступив на Высшие женские (Бестужевские) курсы. Участвуя в революционном движении, выезжала за границу, нелегально вывезла оттуда работу В. И. Ленина «Что делать?». Преследуемая полицией, вернулась в Сибирь, жила в Новониколаевске и активно работала в Обской группе РСДРП. Скончалась в семидесятые годы на 93-м году жизни.

[3] В настоящее время этот дом взят под охрану как исторический памятник. На его фасаде установлена мемориальная доска.

ный зал. В фондах библиотеки среди фолиантов с жизнеописанием царей, верноподданнических журналов и газет хранилась и нелегальная литература новониколаевских революционеров. Здесь же они проводили свои собрания.

Решения II съезда РСДРП оказали огромное влияние на развитие революционного движения в России и в отдельных ее регионах. В числе почти 50 социал-демократических групп, возникших после съезда в 1903—1904 гг., развернула свою работу и Обская группа РСДРП, созданная в Новониколаевске. Она сумела сплотить наиболее сознательных рабочих и служащих города, проводила решения партии в жизнь.

Во время русско-японской войны Сибирская железная дорога, по которой беспрерывно следовали на восток воинские эшелоны, стала важной зоной революционной пропаганды. Лишь за декабрь 1904 г. большевистская экспедиция по транспортировке литературы отправила в города Поволжья, Урала и Сибири свыше 32 тысяч экземпляров листовок и брошюр. Они несли слова правды в солдатские массы, трудящимся сибирских городов и сел. Новониколаевские революционеры активно участвовали в антивоенной пропаганде, выступая за поражение самодержавия в войне и его свержение. Россия стояла на пороге революции.

2

Весть о кровавых событиях 9 января 1905 г. в Петербурге разнеслась по всей России, подняв волну забастовок, демонстраций и собраний. Активно реагировали на эти события и рабочие Новониколаевска. Один из руководителей Обской группы РСДРП М. К. Евграфов вспоминал: На день 9 января (имеется в виду отклик на расстрел рабочих у Зимнего дворца.— *Авт.*) помимо собраний, которые проходили в квартирах рабочих, прокламаций, в депо во время перерыва был проведен митинг, которым руководил один из приезжих интеллигентов. Митинг прошел бурно».[1]

Царское правительство запретило какие-либо публикации о событиях в Петербурге. Но быстрому распространению в Сибири подробностей расправы над петербургскими рабочими способствовали листовки, выпущенные местными комитетами РСДРП, имевшими подпольные типогра-

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 63, л. 14.

фии. Уже 10 января Красноярский комитет РСДРП опубликовал листовку «В России революция!», в которой обращался к рабочим Сибири: «В России начата революция. Ее поддержат сибирские рабочие. В районе Сибирской железной дороги находится масса войск. Солдаты рвутся домой. Отказывайтесь же, товарищи рабочие, везти своих братьев на войну. Бросайте работу! Объявляйте стачку! Останавливайте поезда, братайтесь с солдатами, призывайте их отказываться идти на войну, зовите их на свои собрания, оказывайте отпор полиции, арестуйте жандармов!»[1]

В эти же дни с призывом к демонстрации и всеобщей стачке по линии Сибирской железной дороги обратился к трудящимся Томский комитет РСДРП. Эти листовки выражали настроение рабочих и Новониколаевска. Стачка протеста против расстрела 9 января прошла в 11 городах и железнодорожных станциях по линии Транссибирской магистрали — в Красноярске, Тайге, Иланской, Нижнеудинске, Иркутске и др.

После 9 января 1905 г. революционное движение в Сибири усилилось. В Томске 18 января произошла вооруженная политическая демонстрация, во время которой черносотенцы убили Иосифа Кононова. Похороны его вылились в яркое политическое выступление томских рабочих под лозунгом «Долой самодержавие!» В демонстрации участвовал представитель Обской группы РСДРП Н. И. Самойлович. За это он был заключен в тюрьму. В числе 109 арестованных оказался также Е. А. Грознов, прибывший в Томск в конце 1904 г. после очередной ссылки. В Красноярских мастерских состоялась стачка рабочих городских предприятий и депо.

Б. А. Блюм вспоминал: «После январских событий стали появляться снимки расстрела рабочих в Петербурге и еще чаще прокламации»[2]. По сибирским городам прокатилась волна забастовок, собраний и митингов, в организации которых руководящую роль играли социал-демократы. Лозунг всеобщей стачки находил поддержку со стороны рабочих. Сибирский союз РСДРП в январской листовке призывал: «Всеобщая стачка сибирских рабочих — первый шаг к революции... Повсюду, по всей линии Сибирской до-

---

[1] Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905—1907 гг. Документы и материалы. Новосибирск, Новосибирское кн. изд-во, 1958, с. 42.

[2] ПАНО, ф. 5, оп. 4, д. 83, л. 6.

роги, Сибирский союз будет помогать Вам готовиться к стачке. На призывы Сибирского союза разом бросайте работу, смело выходите из мастерских, останавливайте поезда».[1]

В Новониколаевске, как и в других городах Сибири, в авангарде революционной борьбы шли железнодорожники. По призыву Обской группы РСДРП 1 мая 1905 г. они собрались в здании депо на митинг, а затем с красными знаменами двинулись в город. Со всех сторон стекался народ, по пути к железнодорожникам присоединились рабочие местных промышленных предприятий и торговые служащие магазинов и складов.

Демонстрацию разогнали казаки и полиция, но большая часть участников шествия успела собраться в Заельцовском лесу на маевку. Проводилась она за Второй Ельцовкой. Пикетчиками были С. Катковский, С. Теличко и А. Галунов, направлявшие участников на место сбора. Паролем служили слова «штык» и «винтовка». Людей шло много: деповские, мельничные рабочие, кожевники, печатники, плотники. Вдруг возникла тревога. Выяснилось, что на массовку, минуя пикет, проник шпик. Его опознали и отвели в сторону, а потом он исчез навсегда.

Демонстрация в Новониколаевске в мае 1905 г. показала растущую революционную активность трудящихся города. Газета Сибирского союза «Сибирский демократический листок», сообщая о положении в Новониколаевске, отмечала: «За последнее время расшевелились рабочие и в здешнем депо... 10 июля было собрание в 32 человека. Говорилось о всеобщей стачке и о том, как к ней готовиться. Настроение у рабочих в высшей степени приподнятое. Все говорят: чуть где начнется забастовка — мы бросаем работу».

К осени 1905 г. Обская группа численно выросла. Ее ряды пополнили как вновь принятые в члены партии, так и прибывшие в Новониколаевск из других организаций. По решению Томского комитета РСДРП для укрепления Обской группы был направлен слесарь томского телеграфа В. И. Бушуев. Он вошел в состав руководящего ядра группы и активно подключился к подготовке забастовки железнодорожников, был избран членом забастовочного комитета.[2]

---

[1] Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции, с. 38—39.

[2] АНОКМ, № 16646/1 осн. фонд.

Большевики в своей деятельности по организации сибирских рабочих руководствовались решениями III съезда РСДРП(б) и указаниями ЦК, изложенными в открытом письме местным комитетам РСДРП «К нашим тактическим задачам». В письме указывалось: «Самой видной формой протеста (борьбы) является, конечно, демонстрация. Всякое серьезное политическое событие в стране должно непременно вызвать со стороны организованного пролетариата уличный протест в виде демонстрации. Всякой демонстрации должна предшествовать широкая массовая агитация при помощи листовок и особенно массовых собраний».[1]

Только за два месяца (май — июнь 1905 г.) Сибирский комитет РСДРП выпустил 10 листовок с призывами к всеобщей стачке и участию солдат в революционном движении и вооруженной борьбе. В Новониколаевске распространялись в основном листовки Томского и Омского комитетов РСДРП. В октябре 1905 г. в Иркутске состоялся первый съезд Сибирского союза РСДРП, на который Обская группа РСДРП послала своего делегата. Съезд утвердил Обскую группу как уставную организацию.

Новониколаевские революционеры строго придерживались ленинской формулировки первого параграфа Устава РСДРП. «Членом партии признается всякий принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию»,— говорилось в Уставе Обской группы РСДРП.[2] Организация строилась по принципу демократического централизма. Высшим органом группы было общее собрание. На нем тайным голосованием избирался руководящий состав.

Периодичность созывов собраний — не реже раза в месяц, а в случае угрозы полицейских преследований собирались только руководители десятков. Десятки состояли из 7—15 членов партии. Десятники избирались тайным голосованием. Десятки социал-демократов делились в Обской группе РСДРП на два района: городской и железнодорожный. В городской район входили члены партии, работавшие на предприятиях Центральной и Закаменской частей Новониколаевска, а в железнодорожный — рабочие и служащие депо и мастерских ст. Обь.

Идейным и тактическим руководителем Обской группы

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 3, лл. 12—13.
[2] ГАТО, ф. 411, оп. 1, д. 311, л. 141.

РСДРП считалась центральная группа из 9 человек, которая избиралась сроком на три месяца. Центральная группа редактировала печатные издания, контролировала поступление и распределение членских взносов, созывала общие собрания или собрания десятков, причем повестка дня доводилась до членов партии за пять дней до собрания. Прием в члены партии проходил при обсуждении на собраниях руководителей десятков. При поступлении требовались рекомендации от трех членов партии.

Обская группа РСДРП, в которой преобладали большевики, своими активными выступлениями и хорошей организацией рабочих доставляла много хлопот царской администрации. Томский губернатор называл Новониколаевск «революционным гнездом», грозя его разгромить. По свидетельству Н. И. Самойловича, летом 1905 г. Обская группа вела пропаганду не только среди рабочих и служащих, но и солдат Московско-Звенигородского полка, присланных для охраны железной дороги. Под влиянием социал-демократов находилась также рота солдат железнодорожного батальона, прибывшая из Красноярска на случай замены забастовщиков.

Следуя ленинскому призыву и выполняя решения второго Всероссийского съезда железнодорожников о немедленной агитации за всероссийскую политическую забастовку, 49 рабочих и служащих ст. Обь в августе 1905 г. обратились с письмом к товарищам по линии Сибирской железной дороги, «в котором призвали организовать всеобщую стачку и превратить ее в восстание, чтобы освободить Родину от царского ига, а потом освободиться от власти хозяев — капиталистов».

Всероссийская октябрьская политическая стачка стала самым массовым выступлением трудящихся в революции 1905—1907 гг. Она началась организованным выступлением московских железнодорожников 6 октября 1905 г. В стачке участвовало более 2 миллионов человек. *«Всероссийская политическая стачка* охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подъеме самого угнетенного и самого передового класса *все народы* проклятой «империи» Российской»[1],— писал В. И. Ленин. Стачка проходила под революционными лозунгами: «Да здравствует вооруженное восстание!», «Долой булыгинскую думу!», «Долой царское правительство!», «Да здравствует демократическая республика!» Большевики особо важную

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 2.

роль отводили железнодорожникам, так как их забастовка неизбежно должна была парализовать экономическую жизнь страны и втянуть в движение широкие массы.

Активно включились в забастовочное дело и железнодорожники Новониколаевска. А. И. Галунов в своих заметках писал: «Накануне вечером на заседании группы было решено добиться остановки движения узла какой угодно ценой. Тогда же решили создать боевую вооруженную дружину, поручив это дело двум членам группы — «Голове» и «Каменотесу». «Голова» был исключенным студентом Томского технологического института, «Каменотес» — рабочий-каменщик Андрей Полторыхин... Всю ночь напролет работал гектограф, печатая прокламации, призывающие к забастовке. Эти прокламации сразу же разбрасывались по городу и в депо».[1] Заседание группы, о котором упоминает А. И. Галунов, состоялось 16 октября.

На следующий день утром по гудку рабочие собрались в мастерских. Президиум митинга расположился на передней площадке ремонтируемого паровоза. С той же площадки выступали ораторы из Обской группы и беспартийные рабочие. Решение о стачке было единогласным. На митинге избрали стачечный комитет, состоявший в основном из членов Обской группы РСДРП — рабочих станции М. К. Евграфова, Я. Н. Овчукова, М. И. Полунина и др. Деятельное участие в работе комитета принял Г. Минский. Кроме того, в стачечный комитет вошли представители солдат Московско-Звенигородского полка, расквартированного в Новониколаевске. Митинг продолжался около часа, после чего колонна с лозунгами «Долой царя-убийцу!», «Долой ненавистную войну с Японией!», «Да здравствует революция!», со знаменем и песнями направилась на ст. Обь, а затем на лесопильный завод и мельницы. Рабочие предприятий присоединялись к демонстрантам и шли дальше. Всего в шествии участвовало около 800 человек.

19 октября демонстрация повторилась и отразила недовольство манифестом 17 октября. Новониколаевский полицмейстер сообщал в Томское жандармское управление об одном из вожаков этого выступления рабочих Новониколаевска, члене Обской группы РСДРП Дмитрие Федоровиче Рыжикове: «Рыжиков принимал самое активное участие в октябрьской забастовке служащих и рабочих

---

[1] Галунов А. И. Заметки о революционном прошлом Новосибирска. 1900—1912 гг. Новосибирск, Новосибирское кн. изд-во, 1956, с. 16.

ст. Обь... 19 октября на перроне ст. Обь он поднял красный флаг и двинулся во главе демонстрантов в город. Во всех бывших демонстрациях Рыжиков принимал самое деятельное участие... В декабре распространял в общественном собрании прокламации».[1]

В июле 1905 г. Рыжиков энергично участвовал в организации митинга близ ипподрома в Новониколаевске. На всех митингах и сходках выступал как оратор, причем агитировал за продолжение стачки до полного удовлетворения требований рабочих. Первым поднял вопрос о введении явочным порядком четырехсменного дежурства телеграфистов и содействовал его проведению в жизнь. Рыжиков настоял на присоединении телеграфистов к Всероссийскому съезду почтово-телеграфных чиновников.

Забастовщики отстранили администрацию от руководства железнодорожным узлом, и только по указанию комитета разрешалось движение поездов, работа связи. Железнодорожники выдвинули в основном экономические требования: восьмичасовой рабочий день, увеличение заработной платы, отмена штрафов и др. Во время октябрьской стачки в Новониколаевске, продолжавшейся в течение недели, возник профсоюз железнодорожников, который входил в «Профессиональный союз рабочих мастерских и депо от ст. Иннокентьевская до ст. Обь». Основу его устава составлял проект аналогичного документа, разработанный съездом «Организованных рабочих Забайкальской железной дороги» в сентябре 1905 г.

При Обской группе действовала вооруженная дружина. Небольшая по своим размерам (35—40 человек), она обладала значительным количеством оружия, похищенного из полицейского участка, крепкой организацией и высокой дисциплиной. Дружина состояла из пятерок, возглавляемых уполномоченными. Общее руководство осуществлял штаб в составе А. Фортова, А. Полторыхина, М. Евграфова, В. Бушуева и С. Катковского. Задача дружинников заключалась в охране демонстраций и защите населения от черносотенных погромов. Дружина держала тесную связь с рабочими, особенно с мастеровыми депо. По чертежам А. Фортова (кличка «Голова») рабочие литейного цеха отливали оболочки бомб. Дружина, сыгравшая большую роль в революционных событиях, пользовалась большим авторитетом не только в Новониколаевске, о ней знали и в других сибирских городах.

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 48, лл. 1—2.

Стачка на Сибирской железной дороге проходила успешно, и только после того, как стало известно о прекращении ее в центральных районах России, рабочие решили организованно закончить выступление. Прекращая стачку, они готовились к вооруженному восстанию, сбору средств для приобретения оружия, к созданию и обучению боевых дружин. Обские железнодорожники, по решению общего профессионального союза рабочих и служащих Сибирской железной дороги, принятому в ноябре 1905 г. в Томске, явочным порядком установили рабочий день в 8,5 часов, ввели полный праздничный отдых и очередные отпуска, создали лечебный и школьный фонды.

В это бурное время рабочие станции стали тем ядром, вокруг которого сплотились революционные силы Новониколаевска. Передовые учителя при железнодорожной начальной школе открыли воскресную школу для рабочих, но впоследствии по приказу городского полицмейстера этот «рассадник революции» закрыли. Большую помощь в доставке и хранении нелегальной литературы оказали служащие переселенческого пункта и члены городского общества приказчиков.

Новониколаевск поддерживал тесную революционную связь с другими городами и станциями Сибирской железной дороги. Такая связь, установленная еще в 1902—1903 гг., привела к созданию на дороге своеобразной подпольной линии между городами и станциями. По ней шла транспортировка нелегальной литературы, поддерживались контакты между социал-демократическими организациями. Это во многом помогало сибирским большевикам преодолевать огромные расстояния и добиваться оперативности и единства в своих действиях.

По словам Н. Н. Баранского, «Сибирская железная дорога создавала особенно тесную связь внутри массы сибирских рабочих... и с нашей сибирской точки зрения, Омск и Красноярск отстояли друг от друга не дальше, скажем, чем Владимир и Шуя для наших текстильщиков».[1] Во время октябрьской стачки эта связь усилилась, между сибирскими городами даже курсировали специально сформированные агитпоезда. Многочисленные рейсы таких поездов с рабочими-агитаторами стали одним из действенных методов сплочения пролетариата и вовлечения народных масс в общесибирскую стачку. Так, 16 и

[1] Баранский Н. Н. Социал-демократическое движение в Сибири в эпоху революции 1905 г.— «Северная Азия», 1923, № 5—6, с. 83.

21 октября со ст. Тайга на ст. Обь было отправлено 2 агитпоезда. Томский уездный исправник в рапорте от 23 октября 1905 г. доносил томскому губернатору, что «с этими поездами отправились и мастеровые для агитации в Боготол и Обь и вывоза оттуда подкреплений для Тайги».[1]

Напуганная невиданным ранее размахом революционного движения и не в силах подавить его, контрреволюция перешла к экономическим методам борьбы — локаутам. В Новониколаевске в числе уволенных оказались активисты октябрьской забастовки почтово-телеграфной конторы Н. Ф. Большанин, Е. К. Волощенко, Г. А. Чулков и др.

В Сибири Всероссийская октябрьская политическая стачка имела важную отличительную черту: из Маньчжурии по Транссибирской магистрали возвращались демобилизованные солдаты. Царская администрация, стремясь любыми средствами опорочить и разгромить революцию, распространяла слухи о том, что забастовщики, останавливая поезда, специально задерживали воинские эшелоны, враждебно относились к солдатам. Своими провокационными действиями власти пытались добиться разгрома стачечных комитетов руками демобилизованных. Но сибирские большевики сделали все возможное для своевременной отправки воинских составов.

На всех крупных станциях создавались железнодорожные стачечные комитеты по содействию перевозке войск, которые устанавливали дежурства своих представителей для обеспечения быстрой отправки солдатских эшелонов. Газета «Сибирский вестник» 14 декабря 1905 г. сообщала: «Выборные от рабочих и служащих железной дороги на ст. Обь, желая содействовать беспрепятственному продвижению воинских поездов, постановили учредить дежурства для разъяснения солдатам проходящих эшелонов обстановки действий, предпринятых для наиболее быстрой перевозки войск». Вместо шести пар поездов при «законном» начальстве железнодорожники в эти дни стали пропускать по 15—20 пар. По пути следования воинских эшелонов на станциях дороги устраивались совместные митинги рабочих и солдат. На вокзале ст. Обь состоялось несколько таких митингов.

Большое влияние на революционные события 1905 г. в Сибири оказали солдатские массы. В это время в Новониколаевске находилась 3-я рота 2-го железнодорожного

[1] ГАТО, ф. 215, оп. 9, лл. 13, 49; ф. 3, оп. 18, д. 1200, л. 45.

батальона. Солдаты, отказавшиеся подчиняться начальству, самовольно возвратились в Красноярск, где с оружием в руках встали на защиту Красноярской республики. Командир же одного из батальонов Звенигородского полка, стоявшего на ст. Обь, не препятствовал этому, так как не был уверен в своем батальоне. Декабрьские вооруженные восстания в центре и на местах представляли вершину революции. С их поражением революционный подъем постепенно сменился спадом.

3

Карательная экспедиция генерала Меллер-Закомельского, посланная для подавления революционного движения в Сибири, прибыла в Новониколаевск в январе 1906 г. Каратели арестовали почти весь стачечный комитет и многих членов Обской группы РСДРП, в том числе Я. Н. Овчукова, М. К. Евграфова, Д. Ф. Рыжикова, А. Ф. Полторыхина. Революционеров держали в качестве заложников для обеспечения безопасности пути «кровавого генерала». В случае покушения на генеральский поезд им грозил расстрел. Жандармы, подержав арестованных некоторое время в камере, отправили их в ссылку.

11 января 1906 г. после обыска полиция арестовала слесарей депо ст. Обь Брылина, Крутикова и Меринова, токарей того же депо Евграфова, Демидова, телеграфистов ст. Обь — Иванова, Цыпленкова, Скрыпника, помощника начальника ст. Обь Михайлова и главного начальника кондукторских бригад Тутуболина. 12 числа их отправили в Томский тюремный замок. В марте 1906 г. среди членов Обской группы прошла новая волна арестов. В результате обыска у подпольщиков изъяли два гектографа, всю «преступную литературу» и приспособления для изготовления взрывчатых веществ. Согласно сообщению ротмистра Леонтовича в томскую прокуратуру, при обыске квартиры А. Г. Фортова полиция обнаружила «около двух пудов воззваний Томского комитета РСДРП, документы, значительное количество воззваний Обской группы социал-демократов». Арестованными оказались руководители и активные члены Обской группы РСДРП В. И. Шамшин, А. Г. Фортов, В. И. Бушуев, И. С. Казанин, Я. К. Чернышов, Г. С. Кирков и др. Всего в январе — марте 1906 г. жандармы схватили около 80 человек.

В описи вещественных доказательств, приложенных к дознанию по делу Обской группы РСДРП, значится 333

наименования, в том числе брошюра «Песни революции», «Программа партии», принятая на II съезде РСДРП, издания Сибирского союза и Обской группы РСДРП. Арест серьезно сказался на работе организации. В ее деятельности наступил временный спад, но не надолго. Уже в мае 1906 г. вновь оживилась революционная пропаганда среди рабочих.

В целях консолидации сил в сентябре 1906 г. в Омске состоялась нелегальная Западно-Сибирская конференция РСДРП. Один делегат представлял 50 членов партии. На конференции присутствовало два делегата от Новониколаевской партийной организации, представлявших 120 ее членов. На заседаниях рассматривались острые вопросы социал-демократической партии: текущий момент и предстоящие задачи, о Совете рабочих депутатов, о V съезде партии, о выборах в Думу, организации побегов и помощи ссыльным, централизации профессиональных союзов, о работе среди казаков и крестьян. Участники конференции приняли большевистские резолюции.

Об активной деятельности Обской группы РСДРП в этот период свидетельствует содержательный отчет одного из новониколаевских делегатов, зачитанный на конференции. Всей работой новониколаевской партийной организации ведала выборная центральная группа из 8 человек, текущие дела в городе и на железной дороге вели 2 группы. Кроме этого, существовала коллегия пропагандистов, которая вела 7—8 кружков. Три-четыре раза в неделю в городе устраивались массовки отдельно для города, депо и солдат.

Организация располагала революционной дружиной в 60 человек. В октябре 1905 г. Обская группа насчитывала около 80 человек, а к зиме 1906 г.— 180 человек, занимая третье место среди западносибирских организаций, после Омской (300 человек) и Томской (225 человек). В 1906 г. томский губернатор писал: «Сильно развившееся осенью прошлого года революционное движение нашло себе в Новониколаевске особо благоприятную почву и сделало ее очагом движения и центром самых крайних революционных партий».[1]

Революция отступала с боями. В 1906—1907 гг. в Сибири по-прежнему не прекращались стачки и выступления рабочих. В августе 1906 г. рабочие новониколаевского завода «Труд» под руководством Обской группы РСДРП

[1] ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3994, л. 8.

Верхний ряд
слева

Н. Г. Гарин-Михайловский — автор «кривощековского» варианта перехода Оби

справа

Н. А. Белелюбский — создатель проекта железнодорожного моста через Обь

внизу

Н. М. Тихомиров — инженер-путеец

Г. М. Будагов — главный инженер на строительстве моста

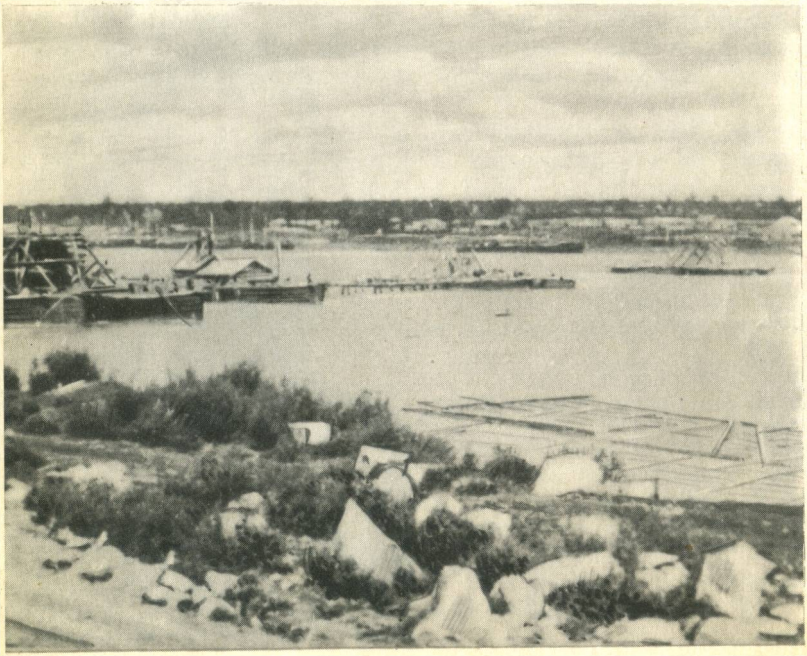
Сооружение моста началось

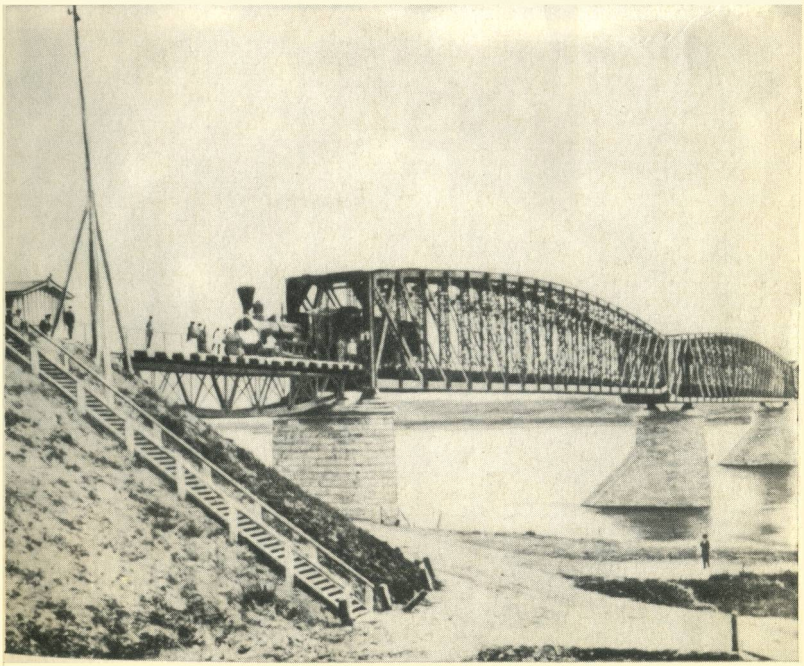
На развороте
вверху

Группа инженеров-строителей Западно-Сибирского участка Транссибирской магистрали

внизу

Движение открыто



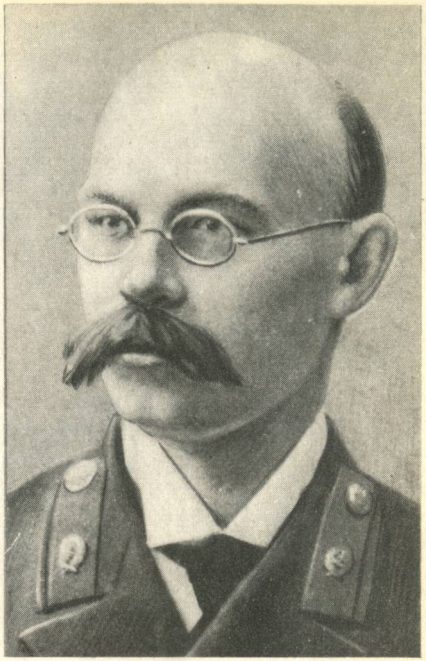


На развороте
вверху

Просека на месте будущего Николаевского (Красного) проспекта

внизу

Вокзал ст. Кривощеково

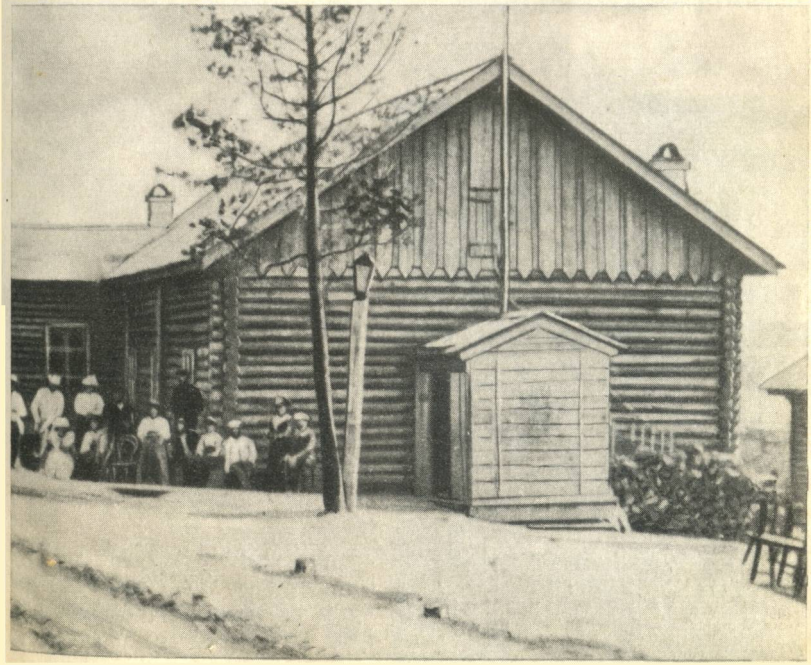


На этой странице
вверху

Н. В. Козлов — первый штатный учитель Новониколаевского поселка

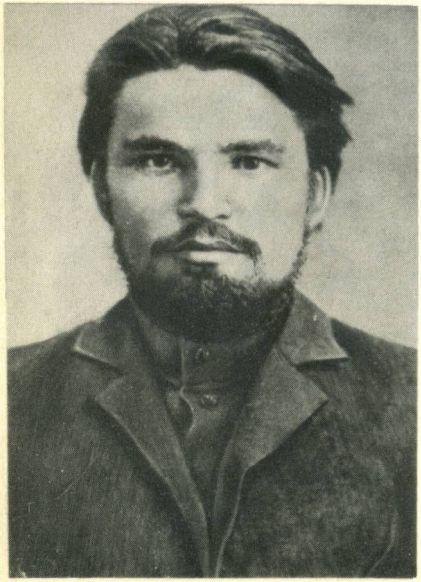
внизу

Здание школы, открытой Г. М. Будаговым в 1893 г.

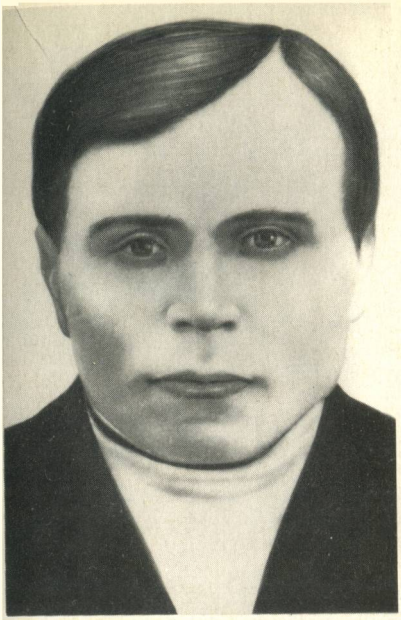


Е. А. Грознов — организатор марксистского кружка на ст. Обь

И. С. Галунов — член Обской группы РСДРП

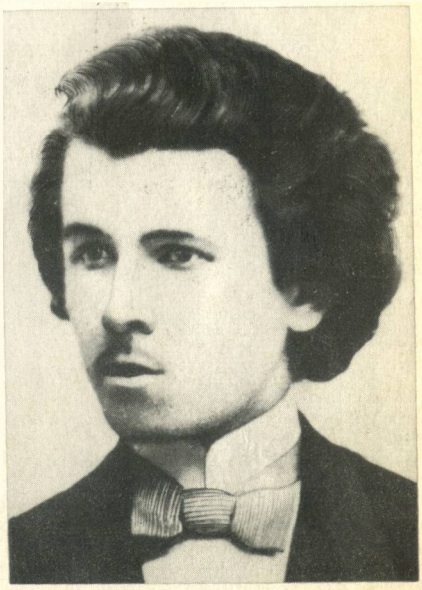


С. М. Костриков (С. М. Киров)



В. И. Шамшин —
один из руководителей новониколаевской организации РСДРП

А. И. Петухов —
активный участник революционного движения в Новониколаевске



А. Г. Фортов —
руководитель боевой дружины рабочих города в 1905—1907 гг.

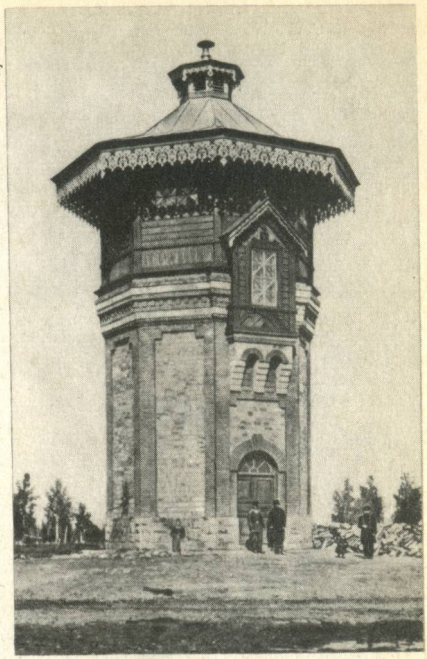
На развороте

вверху

Николаевский (Красный) проспект зимним днем

внизу

Вид города с Новобазарной площади



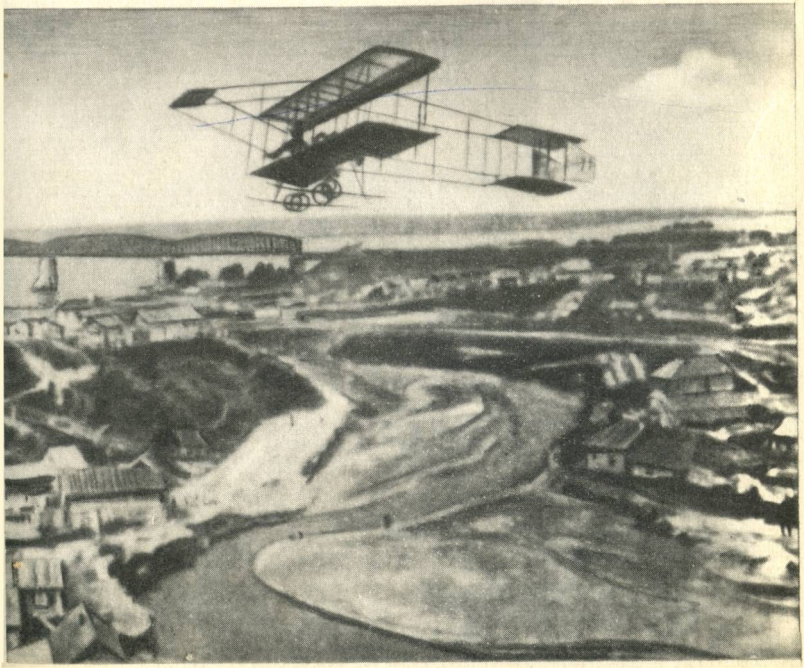
На этой странице

вверху

Каменная водонапорная башня на ст. Обь

внизу

Полеты биплана над Новониколаевском



На развороте
вверху

Пожар в Новониколаевске. 1909 г.

внизу

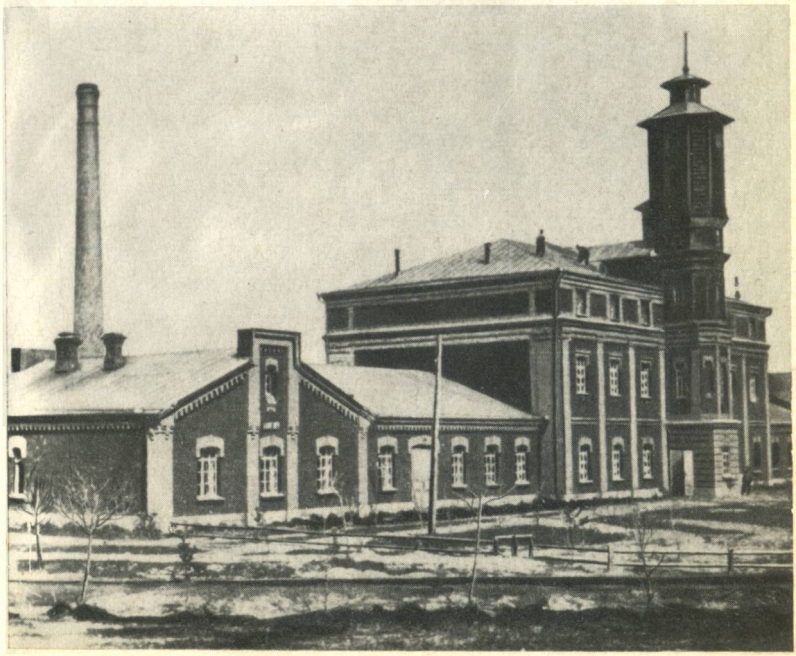
Группа рабочих завода «Труд»

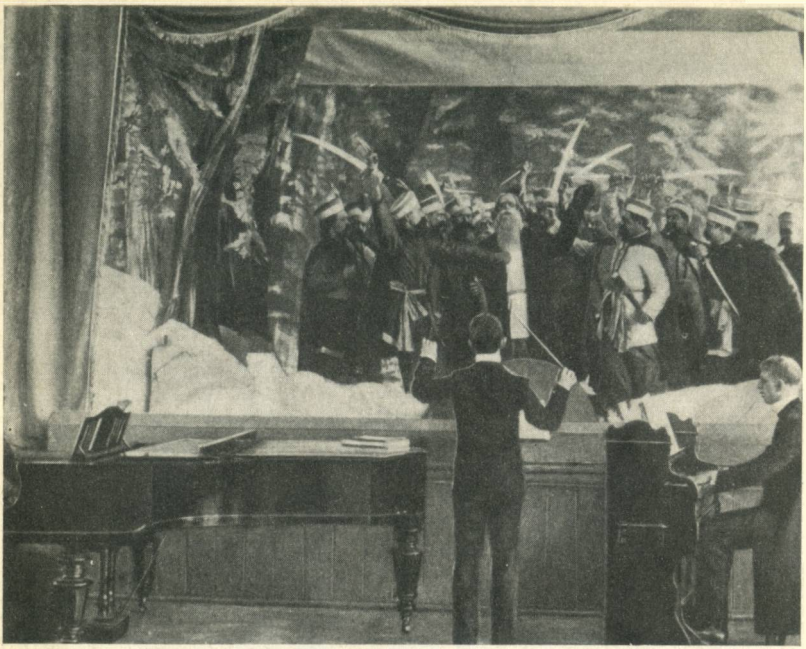
На этой странице
вверху

А. Д. Крячков — выдающийся сибирский архитектор

внизу

Сухарный завод





На развороте
вверху

Опера М. И. Глинки «Иван Сусанин» в любительской постановке на сцене реального училища

внизу

Танцевальная группа женской учительской семинарии

На этой странице
вверху

Евдокия Борисовна Ковальчук в кругу семьи

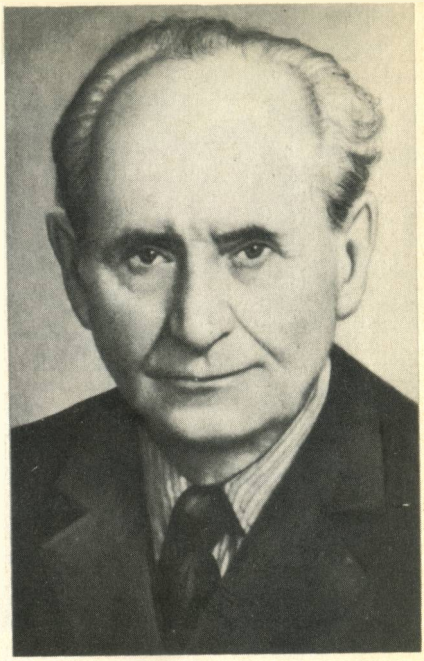
внизу

Дом Дуси Ковальчук, где находилась подпольная квартира новониколаевских большевиков

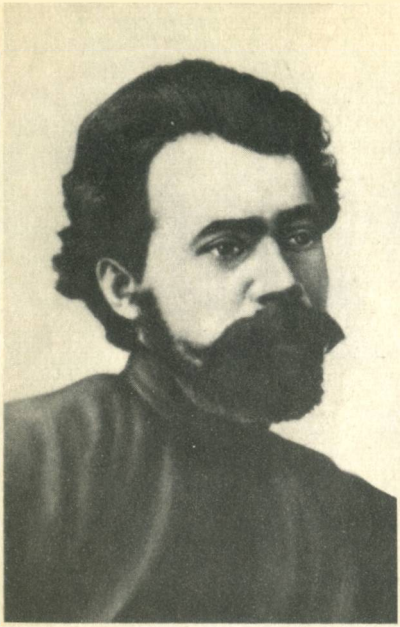
Г. Е. Дронин — секретарь новониколаевской партийной организации в 1917 г.

В дни Февральской революции

В. М. Бахметьев —
редактор городских газет



Свежая листовка
в новониколаевском гарнизоне.
Март 1917 г.



В. Р. Романов —
активный борец за власть Советов

Ф. И. Горбань —
активный борец за власть Советов

Ф. П. Серебренников —
активный борец за власть Советов

провели забастовку. В ноябре 1906 г. в Таммерфорсе состоялась первая конференция военных и боевых организаций, которая приняла решение о полном подчинении всей военно-боевой работы политическому руководству общепартийных организаций. События Первой русской революции показали всю важность и значимость агитационной работы среди солдат.

Новониколаевские большевики, исходя из указаний В. И. Ленина о важности привлечения армии на сторону восставшего народа, активизировали работу подпольной воинской организации местного гарнизона. Типография Обской группы РСДРП поставляла солдатам прокламации и газеты. Выпускались листовки-обращения к солдатам с призывом свергнуть самодержавие. В них широко использовался местный материал. Так, в одной из листовок вскрывались злоупотребления командования гарнизона в снабжении солдат продовольствием.

Подпольной воинской организацией социал-демократов Новониколаевского гарнизона руководило центральное бюро из трех человек — И. Семенова (председателя), С. Хотимского и А. Мейера. Организация поставила задачу обеспечить полный отказ солдат «от всякого выступления против забастовок рабочих, прежде всего на железной дороге, в каком бы масштабе таковая ни возникала... и не только гарантировать невмешательство и солидарность, но и иметь безусловную возможность поднять вооруженное восстание, когда потребуется».[1]

Воинская организация к 1907 г. настолько окрепла, что начала издавать газету «Орган военной организации Новониколаевского гарнизона» под девизом «Солдаты, объединяйтесь с народом!» Газета доставлялась в гарнизон специальными связными, а в самом гарнизоне ее распространяли около 50 человек. В ней существовал постоянный отдел гарнизонной хроники, состоявший из злободневных материалов. «Даже секретные документы и факты не ускользали от внимания, если они имели интерес для дела»,[2] — вспоминал руководитель организации И. Семенов. В конце 1907 г. газета перестала выходить в связи с провалом подпольной типографии Обской группы РСДРП, где она печаталась.

Обская группа возглавила пропагандистскую работу среди солдат. На конспиративных квартирах проводились

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 8, д. 56, л. 18.
[2] ПАНО, ф. 5, оп. 8, д. 56, лл. 1, 2, 15, 19.

нелегальные солдатские собрания, на которых заслушивались доклады о положении в стране и задачах текущего момента. Первого мая 1907 г., несмотря на препятствия, чинимые жандармерией и полицией, удалось собрать на массовку более 350 человек. Среди собравшихся распространялись листовки Обской группы РСДРП. «Пусть ликуют, пусть празднуют временную победу над исстрадавшимся народом...— говорилось в листовке,— недалек тот день, когда русский народ свергнет могучей рукой подлую свору опричников, когда громко и властно скажет: «Долой самодержавие! Да здравствует социализм!»[1] В период временного спада революции, в условиях надвигавшейся реакции новониколаевские большевики в полной мере использовали различные легальные организации — профсоюзы, в том числе Общество приказчиков, местную прессу.

Вторая половина 1907 г. началась под знаком растущего террора царизма против революционного и демократического движения. Силы реакции совершили третьеиюньский государственный переворот, развеяв последние иллюзии о демократизации России. В ответ на этот акт Обская группа РСДРП в обращении «К гражданам» призвала не прекращать борьбу против самодержавия и поднять вооруженное восстание вместе с рабочими. Призыв к вооруженному восстанию в этот период был ошибочным, так как революционные организации к концу 1907 г. оказались значительно ослабленными, а в условиях начавшейся реакции массы не могли подняться на открытую борьбу.

Обская группа много сделала для создания в Новониколаевске профессиональных союзов. Организаторами легальной Новониколаевской группы Всероссийского учительского профсоюза выступили члены Обской группы РСДРП Н. Самойлович, П. Майлов, учителя А. Александров, В. Ястребова, К. Полянская. На общих собраниях учителей, членов союза, вырабатывались профессиональные требования, заслушивались доклады на педагогические темы. Нелегальные чтения запрещенной литературы проходили в школе, где работал А. Александров. В июле 1907 г. группа выпустила листовку тиражом в 1500 экземпляров с призывом к мельничным рабочим объединяться в профсоюз. В воззвании подчеркивалась важность организации в революционной борьбе. Листовка заканчивалась словами: «Мы проложим себе дорогу к той светлой обетованной земле, имя которой — социализм».

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 303, л. 4.

Еще в сентябре 1906 г. Западно-Сибирская конференция РСДРП, на которой присутствовали два делегата от Обской группы РСДРП, приняла решение об участии в выборах во II Государственную думу. В условиях революционного затишья такое участие «могло как нельзя более способствовать осуществлению основных задач с.-д. в текущий момент». По положению о выборах в III Государственную думу Новониколаевск посылал одного выборщика в Томск. Большевики города решили широко использовать предвыборную кампанию для разъяснения задач партии и ее платформы. В Новониколаевске было выставлено три кандидатуры: от эсеров — бывший ссыльный народоволец В. А. Померанцев, от городской буржуазии — заведующий водоснабжающей станцией Н. Р. Мелехов. Социал-демократическая партия выдвинула Н. И. Самойловича — одного из организаторов Обской группы РСДРП. Один из старейших революционных деятелей Новониколаевска Дмитрий Афанасьевич Шамшурин вспоминает: «Перед выборами было объединенное собрание городской и железнодорожной организаций (общее собрание Обской группы РСДРП.— *Авт.*), собирались подряд несколько дней и сидели от зари до зари, собирались в семь часов вечера и уходили, когда уже на работу идти, все спорили — идти или не идти в Думу. Меньшевики возмущались — старую бойкотировали и сейчас бойкотируйте. Тогда, когда у нас не было директивы, у нас шли споры, а когда получили указание, спорить было нечего, а надо проводить. Районы были разбиты на три части — железнодорожная, центральная и закаменская. В каждый район была выделена группа товарищей — человек 30—40».[1]

В годы Первой русской революции Обская группа РСДРП, как и многие партийные организации Сибири, объединяла большевиков и меньшевиков. Организационно между ними не было раздела, но основные события совершались под руководством большевиков. Во время выборов социал-демократы развернули активную агитацию за избрание своего кандидата, распространяли листовки и плакаты, выпущенные подпольной типографией: «К гражданам избирателям», «Голосуйте за социал-демократов!», «Голосуйте за Самойловича!» и др. Обращает на себя внимание листовка под названием «Кого выбирать в Государственную думу?» Это был почти полный текст ле-

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 63, лл. 40, 41.

нинской статьи такого же названия (без раздела «Социал-демократы и трудовые партии»).

В. И. Ленин напечатал свою работу-плакат, как он ее назвал, 23 ноября 1906 г. в виде приложения к газете «Пролетарий». Текст статьи пользовался широкой популярностью у рабочих России. Ее переиздавали в Харькове, Костроме, Иванове-Вознесенске и других городах. В этой работе В. И. Ленин в доступной форме раскрыл роль трех партий — черносотенцев, кадетов и социал-демократов — в революционном движении, ответил на животрепещущие вопросы того времени: о наделении крестьян землей, о переходе власти в руки народа, о завоевании демократических свобод. В конце статьи приводится лозунг: «Граждане! Голосуйте на выборах за кандидатов Российской социал-демократической рабочей партии».[1]

В результате широкой агитации среди рабочих города на выборах победил кандидат социал-демократов. Губернские власти, взбешенные таким исходом, фактически запретили жителям Новониколаевска голосовать. Тот, кто хотел участвовать в дальнейших выборах, должен был ехать для голосования в Томск. В период выборов в III Государственную думу Обская группа на страницах газеты «Обской рабочий» поместила ряд статей с разъяснением политики партии, призывала голосовать за кандидатов социал-демократов. В статье «Голосуйте за кандидатов РСДРП» газета писала о ведущей роли пролетариата в борьбе с самодержавием. В статье «Почему нельзя голосовать за социал-революционеров» резко критиковалась эсеровская программа. «Обской рабочий» публиковал также хронику революционных выступлений рабочих Западной Сибири.

Обская группа широко использовала газету для организации профсоюзов и массовых выступлений рабочих. Газета откликалась на каждый факт активного сопротивления, раскрывала случаи обмана рабочих предпринимателями. Ввиду усилившейся слежки типография вынуждена была несколько раз менять свое местонахождение. Осенью 1907 г. она находилась во флигеле дома на углу улиц Семипалатинской (ныне ул. Орджоникидзе) и Каменской. Несмотря на все предосторожности, типография в октябре 1907 г. была раскрыта жандармами, ее оборудование захвачено, а подпольщики арестованы.

Как явствует из секретного рапорта новониколаевского

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 132—138.

пристава прокурору Томского окружного суда, наблюдение и обыск дома, в котором помещалась типография, были вызваны подозрением, возникшим при осмотре фальшивых паспортов подпольщиков З. В. Печеркиной и Г. А. Мучника.

Один за другим следовали обыски и аресты. Новониколаевские большевики были вынуждены уйти в глубокое подполье. В труднейших условиях полицейского преследования они продолжали работу среди народных масс и стали подлинными организаторами революционных выступлений трудящихся города против самодержавия и капиталистического гнета. Путь к желанной свободе и народовластию лежал через годы реакции и нового революционного подъема.

ТРАНСПОРТНО-ТОРГОВЫЙ И ПРОМЫШЛЕННЫЙ ЦЕНТР СИБИРИ

1

На втором десятилетии своего существования Новониколаевск стал играть заметную роль во всех областях социально-экономической жизни края. Возникнув как одно из связующих звеньев между огромной сельскохозяйственной окраиной и промышленными районами Европейской России, он быстро становится транспортно-торговым центром Сибири. Уже в 1909 г. грузооборот железнодорожной станции в городе превысил грузооборот ст. Омск в 2 раза, ст. Томск — более чем в 4 раза, ст. Красноярск — почти в 6 раз. Объем грузов, транспортировавшихся через ст. Обь, увеличился с 16 миллионов пудов в 1907 г. до 35 миллионов пудов в 1913 г. и составил 11,3 процента грузооборота всей громадной магистрали от Челябинска до ст. Иннокентьевская.

Основную часть грузов составляли продукты сельского хозяйства: хлеб, сливочное масло, мясо, невыделанные кожи и шкуры, шерсть, кедровый орех, рыба, древесные материалы. Среди прибывавших грузов — хлеб в зерне, железо не в деле, каменный уголь, керосин, земледельческие машины, сахар, чай, гастрономические товары и мануфактура. Треть всех грузов приходилась на хлеб. Преимущественно в зерне он прибывал в Новониколаевск с западного участка Сибирской железной дороги и Алтая, отправлялся же в перемолотом виде главным образом на вос-

ток — в Енисейскую, Иркутскую губернии и Забайкальскую область. С началом строительства Амурской железной дороги увеличился вывоз муки в Забайкалье.

Новониколаевск занимал первое место по экспорту масла. Через него вывозились также продукты маслоделия из Барнаула, Бийска и Камня. К 1913 г. вывоз масла составил 2 миллиона 38 тысяч пудов, или около половины всех отправлений его из Сибири. По вывозу лесных материалов Новониколаевск уступал только ст. Тайга.

Большое количество грузов поступало и отправлялось водным путем. Новониколаевская пристань была самой оживленной на Оби после Омской и относилась к числу перворазрядных. В 1913 г. ее грузооборот превысил 20 миллионов пудов. Почти половину объема водных перевозок занимал хлеб, поступавший из Алтайского округа, затем следовали древесные материалы и сливочное масло. По Оби город отправлял муку, соль, мануфактурные и бакалейные товары, машины и другие грузы. В Новониколаевске обосновалось более 12 частных судовладельческих фирм. Наиболее крупным из них были пароходства В. Е. Ельдештейна, Е. И. Мельниковой, Г. И. Фуксмана, И. Н. Корнилова. Плотовый грузообмен пристани не превышал одной четверти всех перевозок. На плотах в основном доставляли древесные материалы.

В среднем за пятилетие с 1908 по 1913 гг. Новониколаевская пристань принимала и отправляла ежегодно около 114 тысяч пассажиров и была самой большой пассажирской пристанью в Западной Сибири. За ней следовала Барнаульская. Перевозом в городе занималось более десятка транспортных контор. Накануне первой мировой войны Новониколаевск стал важнейшим распределительным центром самых разнообразных грузов.

В Новониколаевске вели свои дела многочисленные отечественные торговые фирмы по продаже хлебных, жировых, мануфактурно-галантерейных, аптекарских, посудо-хозяйственных и прочих товаров. Наиболее крупными из них были торговые дома Жернаковых и Лапшина, Кухтерена с сыновьями, а также Сафронова, Собенникова и Молчанова, Фоменко, товарищества «Россия» и др. В 1912 г. в городе насчитывалось свыше 1,5 тысяч торговых заведений, более 300 складов с товарами, около 90 постоялых дворов. Денежные обороты городских торговых предприятий в 1913 г. достигли 25 миллионов рублей.[1]

[1] ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3994, л. 143.

Крупные торговые операции были связаны с массовой переработкой и вывозом из города хлеба. Осенью 1907 г. местные коммерсанты подняли вопрос об открытии в городе товарной биржи. Комиссия в составе директоров местных отделений банков и купцов выработала биржевой устав. Биржа открылась в начале 1909 г. и вскоре приобрела общесибирское значение. Пунктами оживленного товарообмена между городом и деревней были ярмарка, длившаяся ежегодно с 6 по 20 декабря, городской товарный рынок и многочисленные торжки в близлежащих селах. Крестьяне привозили на продажу хлеб в зерне, жировые товары (мясо, сало, масло), яйца, пушной товар, кожи. Закупали галантерею и мануфактуру, железо-скобяные изделия, керосин и другие товары. Новониколаевский товарный рынок пополняли продуктами скотоводства и сами горожане. В 1914 г. из 3933 городских дворов свыше половины имели лошадей, около 213 — крупный рогатый скот, многие жители держали коз и свиней.

Активность деловой жизни города отразила деятельность местного почтового отделения и история его развития. В 1896 г. оно называлось просто Кривощековским почтовым отделением. В 1897 г. стало почтово-телеграфной конторой 5-го класса, в 1901 г.— 4-го класса, в 1906 г.— 3-го класса, в 1909 г.— 2-го класса. В связи с выросшим объемом поступлений и отправлений разных почтовых грузов в мае 1913 г. Новониколаевской почтово-телеграфной конторе присвоили 1-й класс. Между предприятиями, магазинами и конторами существовала телефонная связь. Согласно «Справочнику по городу Новониколаевску» насчитывалось более 300 абонентов из числа самых именитых и зажиточных людей. Среди экспонатов областного краеведческого музея можно видеть телефонный аппарат производства шведской фирмы «Эриксон и К⁰», некогда служивший одному из горожан.

Промышленное значение Новониколаевска было гораздо скромнее его торговой роли. Развивались преимущественно отрасли по обработке сельскохозяйственных продуктов. За короткое время (к 1912 г.) Новониколаевск обогнал в промышленном развитии многие старые сибирские города — Барнаул, Тобольск, Томск, Тюмень и др. Самым крупным предприятием в городе считалось местное железнодорожное депо с мастерскими.

В них сосредоточивалась наиболее квалифицированная и сознательная часть рабочих. В 1907 г. в городе насчитывалось 18 сравнительно крупных предприятий по обра-

ботке сельскохозяйственного сырья. К 1912 г. их число увеличилось более чем в 6 раз, а сумма производства составила 11 миллионов рублей. Кроме того, при обследовании городского ремесла выявлено свыше 600 мелких промышленных заведений. В целом более 90 процентов промышленной продукции выпускали предприятия фабричного типа (крупчатые мельницы, пивоваренный завод, винный склад, лесопильный завод и др.).

Около 70 процентов производства местной промышленности приходилось на мукомолье. Первую сравнительно крупную мельницу в городе основал И. М. Луканин с братом.[1] В 1913 г. в Новониколаевске действовало 8 паровых мельниц с годовой производительностью 12 миллионов пудов, что составляло половину губернского и треть всего западносибирского помола. Крупнейшей мукомольной фабрикой в Западной Сибири и перворазрядной в системе мукомольных предприятий в России была мельница «Алтайской фабричной компании», построенная в Новониколаевске в 1905 г. К крупным относились также мукомольные фабрики «Южно-Алтайской мукомольной компании», «Новониколаевского мукомольного товарищества», И. М. Луканина, компании «Сибирский мукомол».

Мукомольная промышленность города, как и всей Сибири, отличалась от мукомолья Европейской России. В Новониколаевске эта отрасль возникла в период господства монополий. В ней широко использовались готовые приемы переработки зерна и передовая техника, в частности, вальцовые станки, при которых выход муки из сырья был выше, чем на жерновах. В 1911—1912 гг. в городе находилась почти половина всех вальцов, действовавших на мельницах Западной Сибири. Мельницы строились многоэтажными. Это позволяло распределять в них машины так, что все продукты переходили к другой операции полуавтоматически или автоматически. Для подъема продукции на верхние этажи строились самотаски, а для горизонтального перемещения применялись винты.

В Новониколаевске выпускалось до 7 сортов муки, в том числе крупчатка, манная, первач нескольких сортов, сеянка и др. Мука городских мельниц получала высокую оценку у знатоков. Например, «Новониколаевское муко-

[1] Братья Луканины участвовали не только в промышленной, но и в общественной жизни города, будучи гласными городского управления. И. М. Луканин был членом двух депутаций по ходатайству о наделении города землей и отдаче ее Кабинетом на выкуп, содействовал развитию культурной жизни города.

мольное товарищество» имело несколько наград: в 1907 г. на выставке в Брюсселе оно получило Большую золотую медаль и «Почетный крест»; в том же году на сельскохозяйственной выставке в Ростове-на-Дону — золотую медаль. Фирма И. М. Луканина получила на Омской выставке 1916 г. Большую серебряную медаль.[1]

Успехи мукомольной промышленности города могли бы быть более значительными, но в угоду помещикам центральных губерний царское правительство искусственно сдерживало промышленное развитие Сибири. Для успешного ведения мукомольного дела требовались элеваторы. В центре страны они появились еще в восьмидесятых годах XIX века, в Сибири же почти не было элеваторного хранения хлеба, а имевшиеся хлебные склады были мало приспособлены для длительного хранения зерна.

Выстроенное Министерством внутренних дел зернохранилище в Новониколаевске емкостью в 100 тысяч пудов из-за неудачной конструкции и местоположения бездействовало. Проект его оказался настолько непродуманным, что не предусмотрел механические приспособления для сушки и очистки зерна, погрузочно-разгрузочных работ. Само хранилище даже не было соединено веткой со станцией железной дороги. Развитие мукомолья в Новониколаевске, как и во всей сибирской окраине, сдерживалось также высокими тарифами на вывозимые из Сибири хлебные грузы.

Накануне первой мировой войны в развитии мукомольной промышленности города наметились монополистические тенденции. В 1914 г. возник синдикат под названием «Алтайские мукомолы». В него вошли крупные промышленные фирмы Западной Сибири — «Южно-Алтайская мукомольная компания», «Новониколаевское мукомольное товарищество», «Алтайская фабрично-промышленная компания» и др., всего более 10 промышленных фирм. Мукомолье в городе стало ведущей отраслью обрабатывающей промышленности, которую возглавляли представители крупной промышленности и финансовой буржуазии. С 1913 г. Русско-Азиатский банк входил в правление и вкладывал капиталы в мукомольное предприятие «Алтайской фабрично-промышленной компании». Представители банка были также и в составе Новониколаевского биржевого комитета.

На переработке хлеба основывалась пивоваренная про-

[1] Сибирь, 1909, 24 января; Обский вестник, 1911, 22 октября.

мышленность. В Новониколаевске действовали 2 завода, принадлежавшие фирме «Бр. Елинек и К⁰» и товариществу «Прогресс» (с 1911 г. завод товарищества фигурировал под названием «Вена» и принадлежал жене томского купца Рейхзелигмана). Новониколаевские заводы по размерам производства относились к средним. Оба завода имели до 30 рабочих, были оснащены специальным оборудованием и механизмами. На заводе «Прогресс» кроме парового двигателя имелись механическая мешалка, 12 бродильных чанов, сусловаренный котел, центробежный насос и холодильный аппарат. Мастер-пивовар окончил Королевскую Баварскую сельскохозяйственную академию.

Сырьевым материалом для пивоварения служил ячменный солод и хмель. В 1910 г. в Новониколаевске построили солодовенный завод В. А. Пастухова, единственный тогда в Сибири. Хмель в основном использовался сибирский, но до 20 процентов его поставлялось из Рязанской губернии и Польши. Ассортимент пива по тем временам был достаточно широким: приготовлялось пиво пильзенское, мартовское, венское, портер, столовое, а также лимонад и квас.

Винокуренных заводов в Новониколаевске не было до 1914 г., но здесь находился казенный винный склад с ежегодной суммой производства в 2 миллиона рублей. Продажа вина была монополией казны и осуществлялась через систему казенных лавок и непосредственно из складов. В 1911 г., например, от реализации спиртных напитков казна получила в Сибири 50 миллионов рублей чистого дохода. Новониколаевский винный склад считался одним из крупнейших хранилищ в Сибири после Барнаульского и Курганского.

В Новониколаевске действовал сухарный завод военного ведомства производительностью 1 миллион пудов сухарей в год. Строительство завода началось 23 мая 1902 г. на кабинетском земельном участке, который стал называться «сухарным». 27 ноября 1903 г. он был пущен в эксплуатацию. Проектирование и руководство строительством осуществил комиссионер инженер Фон-Дершау. Предприятие представляло собой солидную каменную постройку. Два параллельно поставленных одноэтажных кирпичных корпуса соединял третий, высотой в два этажа и с башней. Ансамбль завода дополняла 35-метровая кирпичная труба. В отличие от других аналогичных предприятий заводские печи имели выдвижные поды, что ускоряло загрузку и выгрузку хлеба. В годы первой мировой войны

на заводе трудилось 280 рабочих. Многие из специалистов были командированы из Европейской России — из Минской военной пекарни, Барановического и Брянского продовольственных интендантских управлений, из технических заведений Московского округа.[1] Среди них были Н. Круглов, С. Салимгареев, А. Сафронов, С. Сайранов, Д. Перевозчиков.

В городе имелись предприятия по обработке металла: чугунолитейный завод товарищества «Петерс и Верман» и завод «Труд». Первый из них находился в Закаменской части и представлял собой предприятие с десятком рабочих. На нем выпускалось чугунное и медное литье, валы и шкивы для трансмиссий, подшипники, а также производился ремонт насосов, паровых и нефтяных двигателей.

Строительство завода «Труд» началось в 1904 г. В прошении на имя томского губернатора об открытии завода мещане В. М. Глотов и А. Б. Гардашников писали: «...мы арендовали у управления томским имением Кабинета Его Величества участок земли за р. Каменкой по Трактовой улице, квартал 53, место 4-е, выписали необходимые машины, возвели надлежащие заводские постройки и вообще оборудовали все дело, так что в данное время завод вполне готов к правильному своему функционированию»[2]. На основании акта осмотра от 18 октября 1906 г. завод был пущен в эксплуатацию (действует и поныне). Это было небольшое предприятие с основным капиталом в 40 тысяч рублей. Заводская контора находилась долгое время на Базарной площади при магазине М. Е. Луканина, где продавались заводские изделия и принимались заказы.

Здание завода разделялось деревянными перегородками на литейный, кузнечный и механический цеха. Все заводское оборудование состояло из 8 станков и парового двигателя мощностью 10 л. с. В цехах отсутствовали грузоподъемные механизмы, и, когда возникала необходимость переместить тяжелую деталь, по воспоминаниям старейших рабочих, хозяин объявлял «шабаш», после чего ставилась четверть ведра водки. Годовая производительность предприятия не превышала 12,5 тысячи пудов чугунного литья общей стоимостью 30 тысяч рублей. Завод выпускал запасные части к сельскохозяйственным машинам,

---

[1] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 499, оп. 4, д. 165, лл. 94, 199, 432; д. 167, л. 45, 95; д. 527; л. 5.

[2] ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 6046, лл. 1, 24, 25, 27.

нее значительными по объему заказов были печатни Н. М. Пономарева и К. Г. Арцимовича. Все остальные промышленные заведения представляли собой полукустарные мастерские. Губернская статистика в 1912 г. учла среди них 5 маслобоен, 5 мыловарен, 4 кожевенных, 4 колбасных, более 30 кондитерских и хлебных заведений, 2 заводика искусственных и минеральных вод с числом рабочих от 3 до 15 человек на каждом.

Однако этим круг подобных заведений не исчерпывался. В 1910 г., как уже упоминалось, обследование ремесла выявило более 600 мелких владельцев каретно-экипажных, столярно-паркетных, шорно-седельных, кузнечно-слесарных и других заведений. Выяснилось, что с 1900 г. их число удвоилось. Заведения такого рода основывались зачастую без разрешения властей и отличались крайней примитивностью производства и антисанитарией.

Развитие промышленности в городе сдерживалось высокой арендной платой за землю. За два десятилетия она увеличилась в среднем с 7 до 80 копеек за квадратную сажень. Арендаторы не были ограждены от произвола собственников — городского управления и Кабинета. «Случаи конфликта между промышленниками и городской управой стали обыкновенным явлением», констатировала в январе 1910 г. газета «Обская жизнь». Арендаторы испытывали затруднения с кредитом в банках, не имели права продавать строения на арендованной земле и т. д.

Желая привлечь в Новониколаевск предприятия фабрично-заводской промышленности, городская дума в 1910 г. постановила уступать землю под них на льготных условиях вплоть до бесплатной сдачи в собственность. Решение опубликовали в столичных газетах, «Известиях Биржевого комитета» крупных фабричных центров и в прессе европейских государств. Однако это не дало ожидаемых результатов. В 1913 г. состоялась лишь одна крупная сделка: землю в городской черте купил купец Злоказов. В 1914 г. городская управа уступила землю для постройки корпуса Богородско-Глуховской текстильной мануфактуры.

Выгодное географическое положение, возросшее транспортное значение Новониколаевска, а также хорошо развитая мукомольная промышленность города превратили его в крупнейший в Сибири опорный пункт русского и международного капитала. В Новониколаевске находились отделения Сибирского торгового банка, Государственного банка, Русско-Азиатского банка, Русского для внеш-

ней торговли банка, агентуры Нижегородского и Ярославско-Костромского земельных банков. Все они были связаны с международным капиталом. Например, Русско-Азиатский банк с участием французского капитала финансировал мукомольную промышленность Сибири, в том числе и новониколаевскую.

Иностранные фирмы «С.Х. Рандруп», «Лунд и Петерсон», «Осборн» и др. через сеть своих контор в Новониколаевске занимались экспортом сибирского масла. Крупнейшее монополистическое предприятие американских капиталистов «Международная компания жатвенных машин», созданная Морганом, имела в Сибири до 200 складов и агентств. В Новониколаевске обосновалась ее главная контора и большой склад сельскохозяйственной техники. В город поступало до одной трети всех поставок американских сельскохозяйственных машин, ввозимых в Сибирь. Из города машины направлялись на Алтай и в другие районы.

Новониколаевск развивался в основном как транспортно-торговый центр Сибири. Отсутствие целого ряда отраслей, таких, как машиностроение, станкостроение и др., придавало промышленности односторонний характер, ставило город в экономическую зависимость от центра страны. Эти черты были присущи экономике всех городов дореволюционной Сибири, на фоне которых Новониколаевск оказался даже более развитым. В 1908 — 1909 гг. по сумме производства он стоял на втором месте после губернского города Томска, а в 1912 г. стоимость его промышленной продукции превысила томскую вдвое.

2

Быстрый рост экономики Новониколаевска оказал влияние на численность и состав его населения. За 1908—1909 гг. население города выросло с 45 тысяч до 89 тысяч человек, т. е. почти удвоилось. По темпам роста населения Новониколаевск превосходил многие города не только Сибири, но и Центральной России. Однако естественный прирост не играл существенной роли в увеличении числа жителей Новониколаевска и составлял в среднем 700 человек в год. Население города пополнялось в основном за счет внешнего притока.

70 процентов жителей Новониколаевска составляли выходцы из крестьян. Прибывая в город на заработки, они оседали здесь на долгое время, порой навсегда, так

и оставаясь причисленными к крестьянскому сословию. Многие из них были недавними переселенцами. После Первой русской революции в Сибирь переселялись по преимуществу крестьяне-бедняки. Вместе с местными бедняками они составляли один из основных источников пополнения отряда сибирских, в том числе и новониколаевских, рабочих.

Гонимые нуждой и безработицей, ехали в Сибирь на заработки из центра страны также рабочие и ремесленники. По свидетельству местной прессы, в Новониколаевск прибывали целые поезда с рабочими, частью оседавшими здесь, а частью следовавшими дальше на восток на строительство Амурской железной дороги, в Харбин и другие города. Новониколаевские газеты пестрили заметками о толпах безработных, предлагавших за бесценок свою рабочую силу. У городской биржи труда ежедневно толпилось по 200—300 человек в ожидании нанимателей. Устроиться на работу было особенно трудно с прекращением навигации и строительного сезона. Газета «Алтайское дело» 14 декабря 1912 г. писала, что зимой в Новониколаевске «постоянно старики и молодые парни с печальным видом бродят по улицам в поисках работы и, не находя ее, просят милостыню».

Второй по численности группой населения города были мещане, составлявшие в 1912 г. четвертую часть всех жителей. В состав названных сословий входили и рабочие. Накануне войны в местном железнодорожном депо и мастерских трудилось около 700 машинистов и их помощников, слесарей, кузнецов и других рабочих. Рабочие депо и мастерских составляли примерно пятую часть всех занятых на Сибирской железной дороге. Следовательно, на новониколаевском участке было занято около 3,5 тысячи человек, в том числе в самом Новониколаевске до 3 тысяч человек, из них более 2,5 тысячи рабочих. Работников водного транспорта было, как минимум, тысяча человек. Так, только в «Соединенной пароходной компании и Федулова» и у местных судовладельцев Звягина и Ельдештейна работало более чем по 100 грузчиков. А таких пароходств в городе насчитывалось 12.

По материалам городского адресного стола, в 1912 г. в Новониколаевске работало до 1,5 тысячи рабочих-строителей. В обрабатывающей промышленности, в том числе и мелкой, по данным Томского губернского статистического комитета, сведениям промышленной переписи 1908 г. и материалам обследования ремесел, насчитыва-

лось 3,3 тысячи рабочих. При этом не учтена значительная часть подсобных рабочих, которые не фиксировались официальной статистикой. В целом можно считать, что к 1914 г. в Новониколаевске насчитывалось около 10 тысяч наемных рабочих, или 11 процентов городского населения. Это довольно высокий процент. Для сравнения скажем, что в Москве рабочие составляли 12,5 процентов населения этого крупнейшего в стране промышленного центра.

На общем собрании Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов, состоявшемся в марте 1917 г., присутствовавшие депутаты представляли 8 тысяч рабочих.[1] За годы первой мировой войны в городе свернули производство некоторые предприятия обрабатывающей промышленности, сократилось строительство, и в связи с этим могла сократиться и численность рабочих. К тому же многие новониколаевские рабочие были мобилизованы и находились в это время на фронте. Кроме того, в торговых заведениях Новониколаевска было занято 6 тысяч наемных служащих, которые по своему положению мало отличались от промышленных рабочих.

Господствующие классы в городе представляли купцы, промышленники, высшее чиновничество. В 1909 г. купцы составляли 1,8 процента всего городского населения Новониколаевска. В конце 1909 — начале 1910 г. наблюдается отлив купечества. Причиной послужил пожар 1909 г., нанесший большой ущерб городской торговле. Но уже в 1912 г. заметна тенденция роста этой части населения. С усилением торгово-промышленного значения Новониколаевска увеличивается и число «почетных граждан», преимущественно заправил местной торговли и промышленности, которых в 1912 г. насчитывалось свыше 700 человек. Развитие Новониколаевска преимущественно как транспортно-торгового центра и быстрый рост его населения не могли не сказаться на облике города и его хозяйстве.

3

Вид на Новониколаевск открывался с железнодорожного моста. Раскинувшись на высоком правом берегу Оби, молодой город стремительно рос. В общей городской панораме вырисовывались трубы немногочисленных корпу-

[1] Новониколаевск. Хроника событий 1917 г.— Новосибирск, Новосибирское кн. изд-во, 1967, с. 24.

сов промышленных предприятий. Среди множества деревянных построек сверкали на солнце крыши добротных купеческих особняков, а по обочинам и оврагам было рассыпано убогое жилье, напоминавшее собой птичьи гнезда.

Городская территория, пересеченная оврагами, разделялась на несколько частей, что при отсутствии надлежащих мостов существенно осложняло хозяйственное общение. Единственным видом внутригородского транспорта оставался гужевой. Извозчик был неотъемлемым компонентом новониколаевской жизни и гармонично вписывался в ее общий колорит. Нетрудно представить картину раннего летнего утра в Новониколаевске, когда паровозные и пароходные гудки перекликались с пением петухов, мычанием многочисленных стад, отправлявшихся на загородные пастбища. С первыми лучами солнца на улице появлялись чиновники и купцы, спешившие на службу и в лавки, толпы рабочих, державших путь на пристань, в депо и на мельницы, и извозчики — на своих экипажах, телегах и бричках.

Согласно обязательному постановлению, легковые извозчики носили черные кафтаны с кушаком, шляпы или шапки. Перворазрядные извозчики выезжали летом в рессорных экипажах, имевших крылья, кожаные фартуки и фонари, а зимой — в санях, так называемых «американках», с теплым меховым одеялом. Извозчики второго разряда ездили летом в полурессорных пролетках или коробках на железном ходу. В зимние вечера далеко был виден костер на углу Гудимовской и Кабинетской улиц, у которого грелись озябшие возницы. В 1910 г. городская управа выдала 289 знаков для легковых извозчиков, 1064 — для ломовых и 22 — для водовозных.

С ростом городской экономики расширялись связи Новониколаевска с окрестными селениями. Особенно быстро ощущалась необходимость взаимодействия с левобережной стороной Оби. До 1910 г. переправой через реку ведал Кабинет, сдавая ее в аренду. С лета 1908 г. на переправе работали два парома, но один из них из-за ветхости постоянно оказывался затопленным. Хлипкие мостки к парому, сгнившие от времени, зачастую не выдерживали нагрузки и проваливались. К тому же они были настолько узкими, что двум подводам порой не удавалось разъехаться и неудачник сваливался с возом в воду. Во время ночных перевозов мостки и паромы не освещались. Паром подходил к мосткам наугад, на отклик. Иной раз для определения места причаливания зажигалась свечка.

На мостках теснились люди, подводы, далеко разносились ржанье лошадей, брань паромщиков и извозчиков. Многим сельчанам сутками приходилось ждать, чтобы попасть в город или вернуться обратно. После задержки из-за переправы на несколько часов правительственной почты в августе 1909 г. городская управа обсудила вопрос о строительстве понтонного моста через Обь. Летом 1910 г. город приобрел собственный пароход и баржу и взял переправу в свои руки. Это немного улучшило перевоз, но так и не разрешило проблему местного сообщения.

Летом 1911 г. город взбудоражили сообщения газет о полете авиатора Я. И. Седова в Харбине, Владивостоке, Иркутске, Томске и предстоящем его появлении в Новониколаевске. Уроженец Киева Яков Иванович Седов был известным на Украине велосипедистом-гонщиком. Познакомившись с первыми русскими летчиками С. И. Уточкиным и М. Е. Ефимовым, он уехал вслед за ними во Францию, где работал механиком в ангаре Ефимова и неофициально учился летать. Вместе со своим учителем Седов возвращается в Севастопольскую авиационную школу, где совершает самостоятельные полеты, а весной 1911 г. выезжает в Сибирь и на Дальний Восток для пропаганды достижений авиации. После полетов в Иркутске местный филиал Всероссийского аэроклуба вручил ему диплом. Я. И. Седов стал первым дипломированным авиатором в Сибири. И вот «Обская жизнь» сообщила о его приезде в Новониколаевск.

Воскресенье 28 августа было теплым и безветренным. На расширенных по этому случаю трибунах городского ипподрома собрались новониколаевцы. Люди облепили крыши соседних домов и деревья, мальчишки взобрались на заборы. Взгляды всех прикованы к полю, где стоит летательный аппарат «Фарман», двукрылое сооружение из реек, рояльных струн и полотна с 60-сильным мотором и расположенными впереди него скамеечками для пилота и одного пассажира. К аэроплану подходит коренастый круглолицый человек в сером комбинезоне, пробковом шлеме и кожаных перчатках, легко взбирается на сиденье и, запустив мотор, взлетает под крики и дружное «ура» присутствующих. Описав над ипподромом несколько кругов на высоте 15—20 метров, авиатор приземлился. Повторный полет — на этот раз в сторону Оби — продолжался 6 минут. На следующий день пилот покружил над городом, его улицами и домами. Об этом напоминает фотография,

помещенная в книге. Полеты Я. И. Седова вызвали восторг и удивление горожан.[1]

С каждым годом Новониколаевск набирал силу. С 1 января 1909 г. он получил права полного городового положения и стал равноправным в системе российских городов. В декабре 1908 г. томский губернатор телеграфировал в Новониколаевск: «Государь император высочайше соизволил согласиться на применение к Новониколаевску городового положения 1892 г. в полном объеме. Рад об этом сообщить, уверенный, что городское общественное управление, пользуясь предоставленными ему правами, поведет город к дальнейшему процветанию».[2] Выразив царю свои верноподданнические чувства, местная верхушка приступила к избранию городских органов власти. Расширившийся состав управления стал более, чем прежде, буржуазным. В городскую думу вошли 24 купца, 2 подрядчика, 2 врача, присяжный поверенный, полковник действительной службы, машинист железной дороги, управляющий торговым предприятием, биржевой маклер и 5 домовладельцев. В городском управлении не оказалось места для трудящихся города. При подавляющем буржуазном большинстве роль вошедшего в состав думы машиниста сводилась к нулю.

Ввиду изменившегося городского управления и в связи с ростом революционного движения местная администрация поставила вопрос об увеличении штата полиции, утвержденного Министерством внутренних дел еще в 1897 г. С годами этот штат перерос принятые нормативы. В 1906 г. на службе состояли заведующий полицейской частью, пристав, 2 его помощника и 26 полицейских стражников. Для «поддержания порядка», особенно во время переброски войск с востока после русско-японской войны, «настоящий ничтожный штат полиции,— писал в докладной записке в 1906 г. томский губернатор,— оказывается совершенно несостоятельным».[3] К записке был приложен

---

[1] Обский вестник, 1911, 28 августа; Советская Сибирь, 1982, 16 апреля. Я. И. Седов-Серов (так значилась его фамилия на афишах) летал до 1923 г., был летчиком-испытателем. После тяжелой аварии работал на авиазаводе, вместе с которым в годы Великой Отечественной войны эвакуировался в Новосибирск. Здесь до конца 1945 г. работал в сборочном цехе. Встречался с трижды Героем Советского Союза А. И. Покрышкиным во время приезда прославленного летчика в наш город. Персональный пенсионер. Умер в 1964 г.

[2] Обь, 1908, 14 декабря.

[3] ГАТО, ф. 3, оп. 12, д. 3994, лл. 5—8.

проект полицейского управления в Новониколаевске в составе полицмейстера, секретаря, 2 столоначальников, журналиста, 2 участковых приставов, 6 околоточных надзирателей, 60 старших и младших городовых. Распоряжение о новом штате вошло в силу с 1 июля 1909 г. и должно было действовать до 1913 г., вплоть до окончания общегосударственной реформы полиции. Но уже в 1910 г. и этот штат оказался недостаточным, и новониколаевский полицмейстер, рапортуя об этом в Томск, просил еще 35 единиц.

С увеличением штатов полиции преступность в городе отнюдь не уменьшалась. И это не удивительно, если учесть, что сами полицейские находились в первых рядах преступников. В апреле 1914 г. выездная сессия Омской судебной палаты слушала уголовное дело верхушки городской полиции во главе с полицмейстером В. Висманом. Они обвинялись в изнасиловании, взимании незаконных штрафов, во взяточничестве и получении доходов от многочисленных тайных домов терпимости. Их содержатели платили преступникам по 300 рублей в месяц и отпускали девиц только в трактир Чиндорина, совладельцем которого был полицмейстер. На подобных операциях Висман нажил солидный капитал в 120 тысяч рублей.[1]

С ростом Новониколаевска расширяется его бюджет. С 1908 по 1914 г. денежные обороты города увеличились более чем в 2 раза. Основными статьями финансовых поступлений были сборы с торговых и промышленных заведений, с недвижимого имущества. Эти статьи принесли в 1912 г. почти две трети дохода. Новониколаевск занимал третье место среди городов Западной Сибири по сбору платежей с недвижимости, торговли и промышленности и второе место по доходам от оброчных статей и сборов с городских предприятий. Оценка недвижимого имущества, одного из важнейших показателей развития в указанные годы, увеличилась вдвое.

Расходная часть новониколаевского бюджета, начиная с 1912 г., опережала доход. К этому времени Новониколаевск занимал второе место среди городов Западной Сибири по затратам на управление, воинскую квартирную повинность, содержание городских предприятий и недвижимого имущества, четвертое — по расходам на образование и медицинское обслуживание населения. Сверх обычных расходов много средств поглотили воинские повинности

[1] Утро Сибири, 1914, 17 апреля.

механизмам мельниц и маслодельных заводов. В 1912—1914 гг. на заводе было занято 30 рабочих. Среди них имелись замечательные мастера-самоучки. Они изготовили, например, лоботокарный станок, который служил производству до середины пятидесятых годов.

Деревообрабатывающую промышленность Новониколаевска представляли 2 лесопильных завода, оборудованные передовой по тому времени техникой — пилорамами. Оба завода выпускали пиломатериалы для местных нужд и вывоза в другие районы Сибири. Лес поступал по Оби и хранился на берегу в складе, самом крупном на всем протяжении реки. Оживленное строительство в городе, особенно после пожара 1909 г., требовало большого количества строительных материалов. В связи с этим в Новониколаевске возникает множество мелких кирпичных заводов. В 1912 г. их насчитывалось более 40. В 1909 г. архитектор Западно-Сибирского учебного округа А. Д. Крячков, проживавший в Томске, и инженер-технолог М. И. Кошурников спроектировали и построили механизированный кирпичный завод с 18-камерной круговой гофманской печью. Завод выпускал 6—7 миллионов обожженного кирпича в год.

В городе действовало табачное предприятие Агеева, перерабатывавшее местный листовой табак низших сортов. Оно размещалось в одноэтажном дощатом доме с подвальным помещением. Переработка табака производилась двумя крошильными станками, приводимыми в движение керосиновым двигателем. Состояние этого предприятия, одного из немногих в Сибири, отражало положение всей этой отрасли промышленности в крае. Новониколаевск вместе с Петропавловском был основным пунктом переработки мяса в Западной Сибири. Его вывозилось более полумиллиона пудов. Назрела необходимость в обработке продукта на месте. Осенью 1912 г. городское управление возбудило ходатайство перед интендантом Омского военного округа о строительстве в Новониколаевске мясной консервной фабрики с производительностью до 15 миллионов банок консервов. В начале 1913 г. управление повторило просьбу, но положительного решения не добилось.

В городе имелись типография, несколько переплетных и мелких печатен. Наиболее солидный выход продукции обеспечивало предприятие, принадлежавшее торговому дому «Литвинов Н. П., Пономарев Н. М. и К°». В 1912—1914 гг. здесь трудилось до 100 рабочих, а печатные машины приводились в движение нефтяным двигателем. Ме-

во время русско-японской войны, эпидемии инфекционных заболеваний, выкуп городских усадебных участков, пожар 1909 г. До 1912 г. город на 80 процентов финансировал начальные школы. Доля государственных средств, отпускаемых на нужды образования, была значительно ниже, чем в других городах Сибири. На городские средства содержалась ночная охрана.

За 1908—1913 гг. город значительно расширил свои границы. В 1913 г. в Новониколаевске насчитывалось 102 улицы с 350 кварталами. По числу улиц он еще в 1910 г. занимал второе место в Томской губернии и четвертое в Сибири после Троицкосавска, Балаганска и Томска. Кварталы были застроены одноэтажными домами с размещением хозяйственных построек и огорода в глубине усадьбы. Фасад дома и глухой торец амбара и калитка между ними выходили на улицу. В процессе развития города характер кварталов изменялся, стиралось четкое разделение их на отдельные участки. Внутри кварталов сосредоточивались хозяйственные постройки, склады, кустарные мастерские. Многие дома возводились с первым каменным этажом и вторым деревянным. В Центральной, деловой, части города гнездилось множество магазинов, торговых лавок, правлений различных фирм и банков. Здесь же находились кинотеатры, библиотеки и городская управа. Наиболее крупные промышленные предприятия располагались ближе к линии железной дороги и побережью Оби, рядом размещались торговые и промышленные склады. В восточной части Новониколаевска выросли кирпичные казармы самого большого в Томской губернии военного городка, более чем на 3 тысячи человек.

Хотя количественно преобладали деревянные одноэтажные дома, к дореволюционному времени относится и начало каменного строительства: к 1910 г. в Новониколаевске кроме 6290 деревянных было возведено и 250 каменных построек. В отличие от других сибирских городов дома зажиточного населения Новониколаевска покрывались в основном железом и черепицей. До 1911 г. город не имел не только своего архитектора, но даже техника-строителя. Проектировали сооружения землемеры, техники-путейцы и агрономы. Архитектор приглашался лишь для исправления запутанного проекта или при обвале строения. Внешний облик зданий был строгим, без каких-либо излишеств и украшений. Эстетические моменты в архитектуре признавались лишь в тех случаях, когда они приносили дополнительный доход, способствуя рекламе товаров фирмы.

Проекты лучших каменных сооружений дореволюционного Новониколаевска принадлежат выдающемуся сибирскому архитектору Андрею Дмитриевичу Крячкову, бывавшему в городе наездами. Профессор А. Д. Крячков (1876—1950) — один из выдающихся зодчих России начала XX века, оставил неизгладимый след в архитектурном наследии Сибири. Он родился в деревне Вахарево Ростовского уезда Ярославской губернии в семье крестьянина Дмитрия Иосифовича Крячкова. Места эти славились мастерами-умельцами, и мальчик с ранних лет любовался их произведениями в древнем Ростове и Ярославле. После учебы в трехклассной школе и реальном училище он окончил Петербургский институт гражданских проектов и прибыл в Сибирь опытным специалистом.

По его проектам воздвигнуты десятки зданий в сибирских городах. Он участвовал во многих конкурсах и неоднократно получал премии за лучшие проекты. В годы Советской власти А. Д. Крячков получил степень доктора технических наук, удостоен звания заслуженного деятеля науки и техники. По проектам архитектора в городе построены торговый корпус (1910 г.), 12 типовых школьных зданий (1910—1912 гг.), здание коммерческого собрания (1911—1912 гг., позже перестроено для театра «Красный факел»), реальное училище (1912 г.), военные казармы (1910—1913 гг.) и др. Эти здания, сохранившиеся и поныне, возведены из кирпича со штукатуркой лицевой стороны или просто с разделкой швов и украшением из светлой облицовки.

Работам А. Д. Крячкова присущ рационализм. Привлекательный внешний вид зданий сочетался с удачным приспособлением их для намеченных целей, облегчением сооружений и экономией строительных материалов. В условиях быстро развивающегося города методы А. Д. Крячкова оправдали себя.

Самым примечательным сооружением архитектора в тот период стал городской (торговый) корпус, построенный в центре Ярмарочной площади по Николаевскому проспекту. Он имел два этажа с повышенной центральной частью и проездом под ней. На первом этаже разместились торговые помещения, на втором — городская управа, казначейство, отделение Государственного банка и городской зал на тысячу мест, самый большой и красивый в городе. В обширных подвалах здания находились склады товаров, котельная и местная электростанция для освещения корпуса. На больших картушах фасада находились

надписи: «Основано лета 1910» и «Городской торговый корпус».[1]

На лучших центральных участках Новониколаевска обосновывались купцы. Их дома были, как правило, добротными — двухэтажные, с резными карнизами и наличниками, просторными подвальными помещениями, широкими дворами и амбарами. Здание, типичное для каменной архитектуры начала XX века, сегодня можно видеть на ул. Ядринцевской, 25 (реставрировано строителями из РСУ-2 «Горремстрой»).

Каменные и деревянные этажные здания, словно небольшие островки, выделялись среди моря убогих приземистых домишек, сколоченных из старых досок, отходов лесопильных заводов. «Окраины города заселены преимущественно беднотой, ютящейся в дощатых бараках и даже землянках, вырытых в песчаном берегу реки Оби»,— писала 21 февраля 1910 г. «Обская жизнь». На окраины бедный люд гнали высокая арендная плата за землю и громадная стоимость квартир в центре города. На левом берегу Каменки сложился «явочным порядком» целый поселок под названием «Братолюбовка». Еще с 1894 г. там стали селиться прибывшие на заработки рабочие, а к 1908 г. в самовольном поселке проживало 213 домохозяев.

При обследовании летом 1909 г. городская управа установила, что большинство жителей «Братолюбовки» обосновалось в ней в революционные 1905—1907 гг. Нужда в квартирах особенно ощущалась с наступлением осени, когда, как констатировала газета «Алтайское дело», «местные домовладельцы, пользуясь стесненным положением квартиронанимателей, ставят самые невозможные условия при отдаче квартир».

С развитием города, особенно после утверждения полного городового положения (с января 1909 г.), стало больше внимания уделяться благоустройству. Городская управа добилась в 1910 г. права на взимание попудного сбора с проходящих и отходящих по железной дороге грузов и за счет этих средств начала мощение центральных улиц. Мостовые выкладывались по типу рижских — из грубых камней на песчаном основании. Николаевский проспект мостился шириной 6—8 саженей, остальные ули-

---

[1] В настоящее время по проектам, разработанным в мастерской «Новосибирскреставрация» и институте «Новосибгражданпроект», этот памятник истории и архитектуры реставрируется.

цы в 4 сажени. К началу 1913 г. замощенная площадь составила 21 тысячу квадратных саженей. Большая часть улиц оставалась по-прежнему грязной и труднопроходимой, особенно в дождливое время и по ночам.

Современники свидетельствовали, что ночью в городе «...не освещаются не только окраины, но даже и центр. Городская управа положилась на красавицу луну и совсем не думает освещать городские улицы...» Об антисанитарных условиях в городских кварталах много писали местные газеты: «Грязь на улицах стоит непролазная, переходить через улицы нет никакой возможности, и только в некоторых местах можно перебраться в глубоких калошах и то с риском заполнить их грязью». В весеннее время вдоль и поперек улиц вымывались рвы, которые заравнивались навозом.

В грязи утопала даже центральная улица — Николаевский проспект. Так, весной 1912 г. большая его часть оказалась непроходимой. «Рекорд побит!! Большая часть Николаевского проспекта загорожена, так как вследствие слишком глубокой грязи нет возможности ездить»,— с иронией писала газета «Голос Оби». По постановлению городской думы с 1910 г. начались работы по озеленению. Домовладельцев обязали засадить деревьями прилегавшие к дому части улиц. Вскоре появились и линейные посадки тополя, сохранившиеся в некоторых старых районах города и поныне.

В декабре 1912 г. в Новониколаевске была сдана в эксплуатацию первая электрическая станция мощностью в 158,25 кВт. В 1913 г. к ней подключилось 540 абонентов для освещения квартир, гостиниц, торговых помещений, контор, ресторанов и т. д. Понятно, что электричеством пользовались лишь зажиточные горожане, учреждения и промышленные предприятия. Город нуждался в более мощном источнике энергии. С этой целью в 1913 г. планировалось сооружение новой электростанции мощностью 670 кВт. Начавшаяся империалистическая война помешала осуществлению этого плана.

Жизненно важной проблемой для Новониколаевска стало снабжение населения водой. Многоводную Обь отделяло от большей части города полотно железной дороги, имевшее лишь 4 переезда, что затрудняло доступ к водоему. В центре горожане брали воду из водокачек и артезианских колодцев, на окраинах — прямо из Оби и Каменки, при этом наблюдалась крайняя антисанитария. «Масса отбросов попадает в реку вблизи водокачки, которая

обслуживает водой станцию»,— писала в 1907 г. газета «Обь». При проверке городских бань в 1909 г. выяснилось, что фильтровых колодцев не было и грязная мыльная вода, вытекая из ямы по подземной трубе, стекала около лесопилки в Обь, где жители переселенческого пункта и Вокзальной части брали воду для питья.

Город часто страдал от пожаров, приносивших огромные убытки. Бороться с огнем мешала не только отдаленность водоемов, но и нехватка противопожарного оборудования. Особенно трагическим оказался пожар 11 мая 1909 г. Газета «Томские губернские ведомости» так описывала это событие: «В 2 часа на Каинской улице, во дворе Гнусина, от плохой топки загорелась маленькая избушка. Пожар очень быстро перебросился на стоящий рядом сеновал, набитый сеном, и он вспыхнул. Потом пламя перебросилось на соседний склад сельскохозяйственных орудий Кислякова и Трифонова. Начали загораться одно за другим деревянные здания. Ветер разносил головни. Горело сразу в двадцати местах».

Вскоре огонь охватил большую часть городских деревянных строений. Бедствие продолжалось несколько дней и ночей. Когда пожар утих, предстала печальная картина почерневшего города, где «...вместо двадцати двух кварталов виднелась пустошь с безобразными остовами печей, с обгоревшими деревьями, с массой больших костров в волнах синего дыма». В результате гигантского пожара без крова осталось более 6 тысяч человек, выгорело 22 квартала — около 800 домов, много магазинов и складов, прервалась телеграфная связь. Общий убыток превысил 5 миллионов рублей.

19 мая в Новониколаевск приезжал томский губернатор, чтобы осмотреть пепелище. При его поддержке представители Новониколаевского управления подали ходатайство о выдаче городу из средств государственного казначейства долгосрочного пятипроцентного займа в размере 900 тысяч рублей. В случае отказа, по замечанию местной газетной хроники, «городу грозил полный упадок». Часть указанной суммы предполагалось выдать пострадавшим, часть — на оборудование пожарного обоза и устройство водопровода.

Одновременно была направлена телеграмма Николаю II следующего содержания: «Ваше Императорское Величество! 11 мая в 2 часа дня город Новониколаевск постигло ужасное бедствие: при сильном ветре вспыхнул пожар, уничтоживший 794 дома, населенных преимуще-

ственно беднотой. Свыше 6 тысяч человек осталось без крова, имущества и средств к существованию. Городская дума и обездоленные бедняки... умоляют оказать погорельцам Монаршую милость бесплатным отпуском строевого леса... и средств на постройку».[1] Городская дума просила также Кабинет о снятии с Новониколаевска оставшейся выкупной суммы за землю в размере 403622 рублей. Однако из казны под высокие проценты городу было выдано лишь 150 тысяч рублей возвратной ссуды, а в снятии выкупной суммы отказано.

Пострадавшие от пожара жители оказались в тяжелейшем положении. Лишившись крова, большинство их расположилось лагерем под открытым небом вдоль Каменки. «Среди погорельцев страшная нужда... Цены на первые предметы необходимости сильно возрастают... некоторые из новониколаевцев, желая извлечь из этого громадного бедствия возможно большую пользу, скупают в одни руки все строительные материалы»,— писали сибирские газеты. Общая помощь, оказанная городу казной, страховыми обществами и различными пожертвователями, покрыла с большим трудом только половину нанесенных убытков. Выгоревшую площадь застроили лишь к 1912 г.

Это усугубило и без того тяжелое материальное положение трудящихся. Гнет, эксплуатацию и социальное бесправие в полной мере испытывали на себе рабочие, служащие и городская беднота. Путь к своему освобождению они видели в непримиримой классовой борьбе. Несмотря на усиливающиеся репрессии самодержавия в годы реакции, среди трудящихся города росло влияние и авторитет социал-демократической организации.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ РЕАКЦИИ— К НОВОМУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПОДЪЕМУ

1

После поражения Первой русской революции наступила полоса реакции. Разогнав 3 июня 1907 г. II Государственную думу, царское правительство арестовало социал-демократическую фракцию и открыто перешло в наступле-

[1] Народная летопись, 1909, 20 мая.

ние на рабочий класс. По оценке В. И. Ленина, с 1908 по 1910 г. «...Россия пережила три года... черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны».[1] Многие тысячи трудящихся были осуждены по политическим делам, заключены в тюрьмы и сосланы на каторгу. В стране свирепствовали карательные экспедиции, объявлялись локауты, разгонялись профсоюзы, закрывались газеты.

Новониколаевск относился к разряду местностей, в которых вводилось «особое положение» — усиленный полицейский режим, подкрепляемый силой воинских частей. Реакция черной тучей нависла над трудящимися города. Уже 5 июня 1907 г. газета «Сибирская жизнь» известила их об «обязательном постановлении» томского губернатора, которое запрещало «оглашение или распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству». В городе были запрещены профсоюзы. Многие из них перешли на нелегальное положение. Легальным оставался только профсоюз торговых служащих, но и его деятельность постепенно замирала. В 1905—1907 гг. профсоюз добился установления шестичасового рабочего дня для конторских служащих и восьмичасового — для торговых, освобождения женщин на родовой отпуск и других уступок. Но по мере наступления реакции эти уступки все более урезались, а в начале 1908 г. были отобраны совсем.

В целях борьбы с «врагами политическими, религиозными» 21 февраля 1908 г. в Новониколаевске открылось отделение монархического «Союза русского народа», возглавляемое иеромонахом Игнатием — преподавателем Томской духовной семинарии. Каждое воскресенье «духовные отцы» проводили в одной из церковноприходских школ собрания, на которых поносили «крамольную деятельность», уделяя главное внимание нападкам на революционеров. Однако особого сочувствия у населения такие сборища не вызывали, на собраниях присутствовало не более 15—20 человек.

В 1908 г. были приняты меры, регламентировавшие труд рабочих. Управление Сибирской железной дороги ввело так называемые «черные списки», согласно которым на работу не принимались лица, уволенные за «проступки» на железных дорогах. Так, в августе 1911 г. забасто-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 72.

вавших рабочих Кривощековского карьера, который находился в ведении управления, уволили без права поступления на какую-либо другую работу на дороге. Строгие циркуляры и указания Министерства путей сообщения, самодурство управленческой верхушки дороги, произвол подрядчиков делали положение железнодорожных рабочих в годы столыпинской реакции сверхтяжелым. Продолжительность рабочего дня на службе пути специальной инструкцией устанавливалась с 5 часов утра до 9 часов вечера, но артельные старосты не без рукоприкладства умудрялись выводить рабочих в 4 часа утра.

Законы 1897, 1903 и 1912 гг. о страховании рабочих и продолжительности рабочего дня фактически не распространялись на Сибирь. Местное законодательство также не охраняло рабочих от произвола хозяев. «Обязательное постановление» томского губернатора от 9 апреля 1908 г., предусматривавшее 10—13-часовой труд на промышленных предприятиях, содержало ряд исключений и неопределенных формулировок, которые позволяли увеличить сверх того рабочий день в сезонное время и в некоторых других случаях. Продолжительный рабочий день, отсутствие элементарных производственных условий и низкая заработная плата (за исключением оплаты труда некоторых высококвалифицированных специалистов) — постоянный удел рабочего. Среднемесячная зарплата чернорабочего на железной дороге составляла 18—22 рубля, женщина за одинаковую работу получала в 3—4 раза меньше, чем мужчина.

В обрабатывающей промышленности месячный заработок колебался в зависимости от квалификации от 18 до 40 рублей, а прожиточный месячный минимум одного взрослого человека, по скромным подсчетам самих рабочих, определялся в 29—30 рублей. Заработная плата не обеспечивала жизнь рабочего даже без семьи. Из-за сезонности работы большинства предприятий рабочий некоторое время в году вынужден был искать другие источники дохода. Капиталисты безнаказанно нарушали условия найма, особенно те, что заключались в устной форме. Так, в типографии Литвинова по договору расчет рабочих должен был производиться 1 и 15 числа каждого месяца. В действительности это делалось по усмотрению хозяина, причем заработная плата полностью не выдавалась. Причиной тому были либо постоянные штрафы, либо просто задержка хозяином части заработанных денег. Как выяснилось вследствие судебного иска рабочих, некоторым

из них владелец годами не выплачивал часть зарплаты.

Рабочие страдали от произвола нанимателей. И без того тяжелые условия их труда и жизни ухудшились в годы реакции. Для постройки военных казарм в 1910 г. в город прибыли рабочие из западных областей Европейской России. При найме им обещали сдельную оплату, но, когда начались работы, объявили жалованье в 18 рублей при готовых харчах и квартире (барак, переполненный людьми). «Рабочие завода «Труд»,— читаем в газете «Обь» за 10 декабря 1908 г.,— как кроты, роются на земляном полу при температуре 10 градусов холода... Не лучше и в мастерской Верезубова. Это не мастерская, а какое-то средневековое подземелье. Днем рабочим приходится работать с факелами. Туда не проникает свежий воздух, и рабочие ходят, как тени, и только изредка слышится их удушливый кашель и проклятия».

Об условиях труда на табачном предприятии Агеева в 1909 г. ревизор писал, что «помещения как фабрики, так и конторы настолько сыры, тесны и темны, что продолжительное пребывание в них, несомненно, сопряжено с риском для здоровья». «Положение на мельнице Рудзинского,— писала газета,— оставляет желать очень многого. В рабочей хате, как в помойной яме, кормит (хозяин — *Авт.*) плохо, а работы наваливает точно на лошадь».[1] Рабочий день на предприятии начинался с 4 часов утра и продолжался до 6 часов вечера. После этого те же рабочие развозили по городу муку. При постоянно понижающихся расценках в оплате труда рабочий день на пивоваренном заводе фирмы «Бр. Елинек», находившемся в аренде у купца Курлянда, оставался равным 10,5 часам. «Рабочим приходится все время работать в сырости,— писала газета «Обская жизнь» зимой 1912 г.,— одежда вся мокрая, а отопления хорошего нет». Почти все рабочие жили в хозяйской квартире. «Грязный этапный барак для арестантов много лучше и чище, чем помещение для рабочих», констатировал корреспондент газеты.

Непосильный изнурительный труд рабочих часто приводил к смерти, увечью, преждевременной старости. Об одном из случаев, имевшем место на пристани Ельдештейна, читаем в газете «Обь».[2] Завербованных из центра страны рабочих заставили перенести из пакгауза большой ящик со стеклом. Перетащить его следовало «стоймя». Людей

---

[1] Народная летопись, 1909, 22 мая.
[2] Обь, 1908, 22 августа.

было мало, и рабочие сказали, что им работа «несподручна». Рассвирепевший хозяин пригрозил увольнением, а грузчики, имевшие у Ельдештейна залог, согласно договорным условиям уйти не могли. Во время переноски ящик придавил трех рабочих. Один из них — Матвей Шокин — получил перелом четырех ребер, грузчику Будову зашибло бедро, и он был не в состоянии ходить, третий получил ушиб и работать больше не мог.

Весной 1912 г. газета «Обская жизнь» в статье «Ужасный случай», опубликованной под рубрикой «Из мира труда», описала событие, происшедшее на кабинетском лесопильном заводе. В плохо огражденную ременную передачу затянуло на валы масленщика. «Тело его, обмотавшись вокруг вала, остановило действие машины,— свидетельствовала газета,— и несчастного сняли с вала совершенно мертвым». Из-за плохой техники безопасности подобное происшествие произошло и на лесопильном заводе Чернышева.

В случае получения инвалидности рабочий, как правило, подлежал увольнению. Сохранилась интересная на этот счет переписка рабочего казенного винного склада Ванеева с акцизным чиновником. Больной рабочий оказался выброшенным за ворота предприятия на произвол судьбы и при полной необеспеченности вынужден был выехать к родственникам в Россию. Рабочего Я. В. Щербакова, 7 лет проработавшего угольным мастером на том же складе, уволили без предупреждения, когда у него обнаружился порок сердца.[1]

На предприятиях города трудилось немало подростков и малолетних детей. За ничтожную плату они работали курьерами, погонщиками лошадей, на очистке помещений и находились в более беззащитном положении, чем взрослые. Не выдерживая ночной смены, дети часто получали травмы, становились калеками. Их наказывали за малейшую провинность и просто «под горячую руку». Газета «Народная летопись» в 1908 г. писала о зверском избиении мальчика, не успевшего поставить лампу после очистки стекла в фонарь до появления хозяина А. Пастухова, владельца паровой мельницы. «Подобные расправы и потоки площадной брани — обычное явление на мельнице Аполлона Пастухова, который почти всегда приговаривает: мерзавцы, еще говорят, что жалованье мало, а работают

[1] ГАТО, ф. 209, оп. 1, д. 766, лл. 16, 37; ГАНО, ф. 93, оп. 1, д. 33, лл. 121—123.

всего 15 часов в сутки, заставлю, так и 20 будете работать,— голод не тетка».

Множество голодных и оборванных детей бродило по улицам города, выпрашивая милостыню. Нередко жители находили у крыльца своего дома малышей, брошенных матерями, отчаявшимися прокормить ребенка. Заботу о подкидышах вынуждено было взять на себя благотворительное общество «Ясли», фонд которого складывался из пожертвований горожан. 29 мая 1906 г. члены общества при школе церковного попечительства организовали небольшой приют для младенцев. Он долгое время переезжал из одного неблагоустроенного наемного помещения в другое. Из-за плохих жилищных условий дети часто болели, многие умирали. Лишь к осени 1909 г., в основном на пожертвования, построили здание, вмещавшее более сотни сирот. С этого времени общество «Ясли» существовало отдельно от церковноприходского попечительства. Начальницей приюта стала М. В. Востокова. Со временем рядом с приютом построили баню, прачечную, амбар и т. п. Однако и тогда смертность среди малышей была чрезвычайно высока.

Большинство рабочих ютилось в тесных, непригодных для жилья лачугах и бараках. Городская перепись 1905 г. показала, что половина населения проживала в наемных квартирах. В последующие годы жилищный вопрос приобрел еще большую остроту. Плохие жилищные и производственные условия, недостаточная организация медицинской помощи приводили к большой смертности населения. Трудно назвать год, когда бы в городе не было эпидемий. В 1908, 1909, 1911 гг. свирепствовала холера (летом 1909 г., кроме того, была сильная эпидемия брюшного тифа), в 1913 г.— натуральная оспа.

Наиболее частыми жертвами эпидемий оказывались жители окраины. Больные нуждались в немедленной изоляции и лечении, но городская больница на 15 коек, открытая в 1906 г., не могла удовлетворить даже десятой части потребности. В 1908 г. в ней работал лишь один врач — М. А. Иволин, ему помогали фельдшера Е. Н. Носкова, Ф. Н. Кротов и акушерка А. С. Лоджевская. Из-за нехватки мест больных клали прямо на полу между кроватями. Примитивному оборудованию больницы были под стать и постельные принадлежности больных: подушки, набитые сеном, матрацы — соломой.

«Принимать в существующую больницу большое количество больных невозможно, и сейчас там воздух сперт,

тяжел, часть больных лежит на полу»,— сообщал городской врач. Теснота, большое количество пациентов, ожидавших очереди на лечение, заставляли преждевременно выписывать больных. Санитарный надзор осуществляли такие «специалисты», как полицейские околоточные. Неудивительно, что эпидемии распространялись быстро и широко.

В 1909 г. холера и брюшной тиф фактически парализовали жизнь города. Сократилась торговля, что в свою очередь задело интересы местных купцов. Городская управа вынуждена была организовать на Ядринцевской улице инфекционную больницу в составе врача А. А. Станкеева,[1] фельдшера и дезинфектора, предоставив в их распоряжение старый холерный барак, открытый в 1904 г. Но это не дало заметных результатов. В период холерной эпидемии в августе 1910 г. заболело 184 человека (это — число только зарегистрированных больных). За неимением достаточной медицинской помощи 83 из них умерли.

Холерная эпидемия 1911 г. застала город снова не подготовленным к борьбе с ней: строительство корпуса инфекционной больницы утвердили только в июле 1912 г., в городе не оказалось дезинфицирующих средств. Когда в Новониколаевске вспыхнула эпидемия натуральной оспы и выяснилось, что большинство населения не имело против нее прививок, городская управа пригласила одну оспопрививательницу на 86 тысяч человек. Почти все население рабочих окраин и после этого осталось без прививок.

К концу 1909 г. городскую больницу перевели в здание бывшего купеческого собрания. В этом одноэтажном деревянном доме барачного типа с небольшими окнами разместилось 40 коек, 10 из них предназначались для родильного отделения. Здесь же находилась небольшая амбулатория, кухня, квартира экономки и прислуги. «Помещение совершенно не приспособлено вообще под больницу, тем

---

[1] Александр Алексеевич Станкеев (1861—1926) родился в Енисейске, где работал врачом после окончания Казанского университета. Нелегально выполнял функции председателя подпольной организации Красный Крест по оказанию помощи политическим ссыльным, за что подвергался тюремному заключению. В 1908 г. переехал в Новониколаевск, где находился под надзором полиции. С начала 1916 г.— санитарный врач города. В 1917 г.— делегат первого съезда врачей Томской губернии. С 1920 г.— председатель научного общества врачей, организованного в Новониколаевске. Заведовал первой советской амбулаторией в городе, которой по решению горисполкома в 1925 г. присвоено его имя.

более под хирургическую; никаким ремонтом сделать его более или менее приличным нельзя»,— неоднократно сообщал в городскую думу врач больницы. В тесных палатах лежало по 8—10 человек с разными заболеваниями.

В том же году была открыта городская амбулатория с родильным отделением на 2 койки. Она помещалась на улице Будаговской (ныне Большевистская). Эта амбулатория была единственным медицинским учреждением, обслуживающим многочисленное население Закаменки. В 1913 г. инфекционная больница начала функционировать в каменном корпусе на 40 коек, специально построенном на территории бывшего холерного барака по ул. Ядринцевской. Кроме заведующего врача А. А. Станкеева в ней работали 2 фельдшера и 3 сиделки. Помощь в городских лечебных учреждениях оказывалась за плату, хотя и несколько меньшую, чем у частных врачей.

За сутки пребывания в частной лечебнице платили 5 рублей, за вызов на дом — 1 рубль. Из-за высокой платы медицинская помощь частных врачей для простых трудящихся была малодоступной. Здоровье женщин и детей фактически не охранялось. В городе было лишь 2 частных детских сада — З. И. Бутович и Софоновых — на несколько мест. Женские и детские консультации вообще отсутствовали. В 1909 г. во всех школах города работал один школьно-санитарный врач, да и тот больше занимался частной практикой.

Не велась борьба с венерическими болезнями и туберкулезом. В 1906 г. газета «Сибирская жизнь» писала: «В городе Новониколаевске множество номеров, меблированных комнат, частных трактиров, многие из которых больше похожи на публичные дома, надзор бессилен, сифилис процветает, венерических больниц нет». Все население города обслуживали 2 небольшие аптеки, не считая частной аптеки Ковнацкого, перегруженные донельзя. Затраты на здравоохранение, хотя и выросли, составляли всего 5—8 процентов городского расхода.

Тяжелые условия труда и быта, произвол хозяев промышленных и торговых заведений делали жизнь рабочих и мелких служащих Новониколаевска невыносимой. Против малейшего проявления недовольства существующим порядком обрушивались жестокие репрессии со стороны властей и полиции. С целью искоренения «крамолы» жандармы конфисковывали подозрительную литературу, громили нелегальные профсоюзы.

Так, за принадлежность к местному почтово-телеграф-

ному союзу были арестованы несколько служащих Новониколаевской почтово-телеграфной конторы, из них Шмаков, Мякишев и Цветков были уволены. В 1908 г. томский губернатор генерал-майор Нолькен сообщил премьер-министру «о полном успокоении, наступившем в крае, не требующем в данное время ни усиленной, ни чрезвычайной охраны».[1] Однако, как показали события, он глубоко заблуждался.

2

Докладывая правительству «о полном успокоении» в городах Томской губернии, губернатор выдавал желаемое за действительное. Поводом для столь оптимистического заявления был разгром весной 1907 г. Сибирского союза РСДРП, аресты среди руководящего ядра Обской группы РСДРП, проведенные в конце того же года. Но уже в январе 1908 г. социал-демократам удалось организовать открытый митинг трудящихся Новониколаевска во время похорон одного из банковских служащих, погибшего от случайного выстрела. Он был членом Обской группы и пользовался большим авторитетом у революционной молодежи. У гроба покойного, вспоминает И. И. Шеин, «появились венки с красными лентами от Обской группы РСДРП. На митинге ораторы призывали собравшихся, несмотря на наступившую реакцию, продолжать борьбу с царским самодержавием».[2]

В конце 1907 — начале 1908 г. в Новониколаевске вновь стали собираться, освобождаясь из тюрем, опытные революционеры, прошедшие боевую школу 1905—1907 гг.,— А. И. Петухов, В. И. Шамшин и др. В обстановке усиливавшейся слежки предстояло укрепить партийную организацию, упрочить связи с рабочими. В январе 1908 г. новониколаевские революционеры сумели организовать новую «технику». Для работы в типографии в город вызвали квалифицированных печатников — Г. Д. Потепина из Челябинска и С. Беду из Барнаула. Намечалось возобновить выпуск газеты «Обской рабочий» и листовок, но ввиду опасности провала (С. Беда оказался провокатором), работу типографии пришлось срочно свернуть.

---

[1] Сибирь, 1908, 18 марта.

[2] Шеин И. И. В рядах Обской группы РСДРП. В кн.: Воспоминания о революционном Новониколаевске. Новосибирск, Новосибирское кн. изд-во, 1959, с. 17.

В результате неоднократных полицейских налетов Новониколаевская партийная организация лишилась библиотеки. «Очень трудное положение было в нашей организации с социал-демократической литературой — ее почти не было»,— вспоминал А. Г. Фортов.[1] Теперь библиотеку предстояло создать вновь. Новониколаевские большевики стремились на деле осуществить решения V Общероссийской партийной конференции. На основе глубокого анализа соотношения классовых сил в стране конференция определила организационную политику партии в годы реакции.

В. И. Ленин указывал, что задачу дня составляют такие важные меры, как «укрепление нелегальной партийной организации, создание партийных ячеек во всех областях работы, создание в первую голову «чисто партийных, хотя бы немногочисленных, рабочих комитетов в каждом промышленном предприятии», сосредоточение руководящих функций в руках руководителей социал-демократического движения из среды самих рабочих... Каждая ячейка и каждый партийный рабочий комитет, подчеркивал В. И. Ленин, должны стать «опорным пунктом для агитационной, пропагандистской и практически-организационной работы среди масс».[2]

В новых условиях центр тяжести переносился на укрепление подпольной партийной организации, использование легальных и полулегальных организаций. Новониколаевские большевики руководствовались указанием В. И. Ленина «Каждый завод должен быть нашей крепостью».[3] Еще в начале 1908 г. было решено создать партийные группы непосредственно на предприятиях, работу которых возглавил только что созданный в городе комитет РСДРП.

Член Новониколаевского комитета РСДРП Б. А. Блюм вспоминал: «В январе — феврале 1908 г. главным образом по инициативе В. Шамшина, вернувшегося из тюрьмы, решено было реорганизовать организацию, построив ее на широких началах с полными выборами и с переименованием «Обской группы» в Новониколаевский комитет РСДРП, предприятия разбить на десятки, возглавляемые десятниками, по которым намечались кандидаты в комитет, через десятников проводились директивы».[4]

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 293, л. 2 об.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 363.
[3] Там же, т. 7, с. 15.
[4] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 27, л. 29.

К весне 1908 г. большевистская организация в городе окрепла. В ее состав входили рабочие железнодорожных мастерских, мельниц, пристани, телеграфа, печатники. Первого мая комитету РСДРП удалось организовать массовку за городом, на которую собралось не менее 70 рабочих и учителей. Во время массовки члены комитета разъясняли ее участникам программу партии, ближайшие задачи Новониколаевского комитета РСДРП. Первомайские массовки провели все школы города. Однако 2 мая начались аресты, было схвачено около 40 человек.

В обстановке распространения ликвидаторской приспособленческой идеологии в городе остро ощущался недостаток большевистской партийной литературы. Первоочередной задачей стало восстановление типографии Обской группы РСДРП и издание газеты. В июне 1908 г. после освобождения из томской тюрьмы в Новониколаевск приехал С. М. Киров и поддержал начатое дело.

Новониколаевцы были знакомы с С. М. Кировым по томской тюрьме и встретили его как друга и соратника по партии. «Радость встречи была беспредельна. До поздней ночи проговорили о состоянии нашей организации, о все усиливавшемся давлении охранки»,— вспоминает А. Г. Фортов.[1] С участием С. М. Кирова проводились тайные собрания, занятия в кружках и беседы на конспиративных квартирах, форсировалась работа по подготовке типографии, которую устроили в подполье, вырытом под домом, специально купленном для этих целей семьей Шамшиных на городской окраине. В конце июня помещение было в основном готово, оставалось сделать потайную дверь по примеру томской типографии. Но за подпольщиками велась неусыпная слежка. 19 июня 1908 г. В. И. Шамшин и П. Струнин выехали в Томск за печатницей С. Ледовской. На ст. Мегениновка их задержала полиция. Струнин пытался скрыться, но после двух выстрелов, сделанных унтер-офицером, сдался и предъявил паспорт на имя крестьянина Томской губернии Звонкова, а затем назвался Струниным. Он оказался провокатором, провалил уже типографию в Омске, Барнауле и теперь преследовал С. М. Костирикова (Кирова). Струнин и сообщил томскому охранному отделению, что в Новониколаевске на усадьбе Шамшиных закопаны деревянные ящики, в которых скрыты части техники Обской группы РСДРП, документы и воззвания. Незадолго до отъезда в

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 293, л. 5.

Томск Струнин ночевал у Шамшиных и видел, как Василий с отцом (И. Д. Шамшиным) и матерью (А. Ф. Шамшиной) прятали типографское оборудование и литературу.

25 июня в Новониколаевск был срочно командирован штаб-ротмистр Бакастов, а 27 вечером у Шамшиных произвели обыск. Один из очевидцев рассказывал: «Не успели заснуть, как окна оказались все освещены. Думали, пожар, вскочили. Дом был окружен конной и пешей полицией с нарядом пожарной команды с горящими факелами. Полицмейстер вызвал отца и мать, предложив им указать, где что зарыто. При отказе дал распоряжение копать».[1] И. Д. Шамшина и А. Ф. Шамшину арестовали. О содержании деятельности Новониколаевского комитета РСДРП в этот период можно судить по описи вещественных доказательств, составленной при обыске.

В одной из комнат дома Шамшиных был обнаружен сундук, в котором хранилось большое количество белой и несколько листов копировальной бумаги вместе с деревянным валиком для уравнивания набора. Во дворе полиция нашла три ящика, заполненных нелегальной литературой. В третьем лежали талонная книжка со сбором пожертвований, членских взносов с печатью Обской группы РСДРП и правления профсоюза рабочих ст. Обь Сибирской железной дороги. Здесь же хранился набор газеты «Обской рабочий», 42 экземпляра Устава Обской группы РСДРП и один экземпляр воззвания «К избирателям», 11 экз. программ РСДРП издания Обской группы, рукописи, шифр и другие вещественные доказательства.

В городе начались аресты членов комитета и руководителей нелегальных профсоюзов. (По воспоминаниям Б. А. Блюма и А. Г. Фортова, организацию предупредил о готовящихся арестах доктор Смирнов, у которого частенько гостил полицмейстер Висман.) Только 9 июля по дополнительному доносу арестовали 50 человек. В числе арестованных были К. А. Гедройц, Д. Х. Кофанов, Д. А. Шамшурин,[2] А. И. Галунов,[3] Б. А. Блюм и А. Г. Фор-

---

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 3, д. 155, л. 6.

[2] Д. А. Шамшурин — рабочий-кровельщик, большевик, активный деятель Обской группы и Новониколаевского комитета РСДРП. Был в ссылке, бежал в Новониколаевск, а затем в Барнаул. Работал под именем «Митяя» и «Малого Митяя». Погиб в годы Великой Отечественной войны. Его именем названа одна из улиц города.

[3] А. И. Галунов — активный участник событий 1905—1907 гг. в Новониколаевске. Член партии с 1908 г. После Октябрьской революции работал в партийных и советских органах.

тов. Преследуемый полицией, С. М. Киров уехал в Иркутск. Томское охранное отделение прилагало много усилий к тому, чтобы выяснить, «куда именно на Дальний Восток выбыл Костриков», но безуспешно.

Новосибирцы бережно хранят память о С. М. Кирове. Именем пламенного революционера названы улица и парк, Дом культуры, крупнейший промышленный район города. В 1947 г. в доме на бывшей Михайловской улице (ул. Ленина), где жил С. М. Киров, открыт мемориальный музей.

После нескольких допросов, как вспоминал Б. А. Блюм, новониколаевцев отправили в томскую тюрьму, сначала в губернскую пересыльную, а затем в так называемые исправительные арестантские роты № 1 у второго вокзала, где и разместили в одиночных камерах секретного барака. Это было мрачное каменное двухэтажное здание с небольшими окнами, из которых едва виднелся клочок неба. Барак был настолько переполнен заключенными, что даже в одиночных камерах содержалось по 2—4 человека.

Новониколаевская партийная организация понесла огромные потери, но до конца не была разгромлена. Избежавшие ареста, только что вышедшие из тюрем члены комитета РСДРП продолжили подпольную работу. Уже в 1908 г. жандармы доносили, что «новониколаевская организация вновь зашевелилась». Несмотря на жестокий полицейский режим, комитет имел связи с центральными организациями, о чем свидетельствует одна из агентурных сводок Томского жандармского управления по Новониколаевску за ноябрь 1908 г.

«Местная организация с.-д. (социал-демократов.— *Авт.*) большевиков,— говорилось в ней,— в настоящее время начинает только оправляться от июньских провалов. Ответственным организатором в данное время остается Александр Петухов. Из Уфы приехали двое или трое профессиональных организаторов и техник, все известны лишь по именам: «Степан», «Назар», «Иван», последний хорошо знает «Сашку» как партийного работника. Есть основание предполагать, что «Иван» — это бывший с.-д., участвовавший под именем Иван Иркутсков в экспроприации оружейного магазина Гамяшова в Кургане. Костриков уехал на Д. В. (Дальний Восток.— *Авт.*), Михаил Александров — в Томск на призыв, откуда очень скоро предполагал вернуться обратно. Борис Блюм вышел из тюрьмы и снова начинает работать в н-н (новониколаевской.— *Авт.*) организации».[1]

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 6, д. 51, л. 1.

Явка организации тогда находилась на улице Омской, № 16, в доме С. Н. Андреева. «Назар», вероятно, тот самый «товарищ Назар» — профессиональный революционер Н. Н. Накоряков, лично знакомый с В. И. Лениным, которого в 1911 г. Тюменская партийная организация выбрала представителем на VI Всероссийскую (Пражскую) конференцию РСДРП. В начале декабря 1909 г. в Томском окружном суде слушалось дело Новониколаевского комитета РСДРП, пять человек из шести, привлекавшихся судом, были приговорены к ссылке на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Из Томска осужденных отконвоировали первоначально в Красноярск. Но так как «штатная норма» заключенных там оказалась уже исчерпанной, новониколаевцев погнали в Иркутск, а затем в пересыльную тюрьму при Александровском централе. В условиях сибирской зимы это был невероятно тяжелый путь. «В морозное февральское утро заключенных выстроили во дворе Иркутской тюрьмы, сковали цепями попарно... чтобы в дороге не разбежались», и погнали,— вспоминает И. И. Шеин.— Мороз крепчал, ручные кандалы, не обшитые кожей, обжигали тело, из рук сочилась кровь. Конвойные прикладами подгоняли отстающих.[1]» В Александровском централе новониколаевцы попали в один барак и даже в тюремных условиях продолжали борьбу. Они создали коллектив политссыльных, избрали руководящую тройку, в состав которой вошел В. И. Шамшин.

Особая страница в истории революционного движения в Новониколаевске в эти годы принадлежит семье революционеров Шамшиных. Отец семейства Иван Дмитриевич в числе многих рабочих прибыл из Тамбовской губернии в 1893 г. на строительство железнодорожного моста через Обь и быстро зарекомендовал себя незаурядным мастером плотницкого дела. По воспоминаниям современников, он был среднего роста, крепкого сложения, подвижный, с небольшой светлой бородкой. Его умные глаза пытливо смотрели на мир, как бы изучая все происходящее вокруг. В семье и в среде единомышленников был добр, отзывчив, среди рабочих-плотников слыл умным и грамотным.

В партию Иван Дмитриевич вступил в 1906 г. под влиянием сына Василия и стал преданным бойцом рево-

[1] Шеин И. И. В рядах Обской группы РСДРП. В кн.: Воспоминания о революционном Новониколаевске, с. 19.

люции. Не случайно при ответе на вопрос, какая область теоретических знаний его интересует, он, не задумываясь, отвечал: «Революционное движение!» В 1906—1917 гг. И. Д. Шамшин — один из активнейших членов Обской группы, а затем Новониколаевского комитета РСДРП. В 1917 г. он руководил союзом строительных рабочих. Умер в 1924 г., будучи членом Сибирского суда.

Дом Шамшиных в 1905—1918 гг. был штаб-квартирой новониколаевских большевиков. Сюда прибывали бежавшие из мест заключения «политические», здесь им давали одежду, обеспечивали паспортами и пропиской. Теплом и материнской лаской согревала их хозяйка дома Анастасия Федоровна, простая русская женщина с добрым лицом, приветливыми карими глазами. «Матерью», «Сибирской Ниловной» называли ее те, кто знал. Эта женщина была знакома с горем и нуждой. С четырьмя ребятами добиралась она из Тамбовской губернии к мужу в Сибирь, по дороге собирая милостыню или работая поденно, чтобы прокормить их. Дети росли, а вместе с ними прибавлялось забот и хлопот. Мать нередко поругивала их за то, что они «не такие, как все». Но постепенно и сама стала участницей их революционных дел. Анастасия Федоровна хранила оружие, литературу и паспорта, была фактически связной Новониколаевского большевистского подполья. В 1919 г. А. Ф. Шамшину схватили колчаковцы и после жестоких пыток расстреляли вместе с сыном Иваном.

Второй из сыновей Шамшиных — Василий — стал профессиональным революционером. С 12 лет он работал маляром у частных подрядчиков, а потом стал торговым служащим у купца Смоленцева. А. И. Галунов запомнил его как «человека обязательного, наблюдательного, прямого». «Среди рабочей молодежи и служащих,— вспоминал он,— Вася Шамшин выделялся своей начитанностью и внутренней собранностью, много и упорно занимался самообразованием».[1] Он участвовал в революционных событиях в городе в 1905—1907 гг., возглавлял работу Новониколаевского комитета РСДРП. За революционную деятельность в разных городах Сибири В. И. Шамшин сидел в томской тюрьме и Александровском централе, находился в якутской ссылке. После Великой Октябрьской социалистической революции Василий Иванович работал в Томске губернским комиссаром труда. В конце мая

[1] Галунов А. Семья Шамшиных. «Советская Сибирь», 1957, 4 августа.

1918 г., возвращаясь из Москвы, он попал в руки белогвардейцев и чехословацких мятежников. Темной сентябрьской ночью под предлогом перевода в городскую тюрьму его вывели из помещения контрразведки и расстреляли на узкой глухой тропинке, спускающейся к Каменке.

В годы нового революционного подъема, подобно своим родителям и брату Василию, на путь революционной борьбы встали Иван, Евдокия, Григорий и Анна Шамшины. Ныне улица Логовская, где жили эти смелые и сильные духом люди, носит имя семьи Шамшиных.

Оставшиеся в подполье новониколаевские большевики постепенно восстанавливали связи с местными рабочими, с социал-демократическими организациями других сибирских городов, а через них поддерживали контакты с центром. Но силы были малы. В 1910 г. с трудом удалось собрать печатную технику, вынесенную из местных типографий Н. П. Литвинова и Н. М. Пономарева. Шрифты для набора доставлял В. Диков, разносчик газеты «Сибирский коммерсант», но жандармы напали на его след и арестовали. В развитии революционного движения в стране назревал перелом.

3

В 1910 г. началось оживление рабочего движения. Партия сплачивала свои ряды. «Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась,— писал В. И. Ленин в декабре 1910 г.,— начинается полоса нового подъема. Пролетариат... собирается с силами и начинает переходить в *наступление*».[1] Тенденция консолидации наблюдалась и в Сибири. С середины 1910 г. по инициативе омских социал-демократов началась работа по подготовке Западно-Сибирской партийной конференции, к которой подключились новониколаевцы. В июне 1910 г. в Новониколаевске состоялось организационное совещание, в нем участвовали представители из Омска, Барнаула и Новониколаевска.

В процессе подготовки конференции было создано организационное бюро, главным действующим лицом в котором, по сведениям охранки, был некто А. Васильев (под этим псевдонимом, как подозревали жандармы, скрывался Константин Попов, участник Лондонского съезда).

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 74.

Бюро выпустило обращение «К товарищам социал-демократам Сибири», содержавшее призыв к сплочению сил партийных групп и развитию нелегальной пропаганды. Но Западно-Сибирская конференция не состоялась, что, видимо, было связано с готовящейся общесибирской партконференцией РСДРП в Троицкосавске.

Постепенно Новониколаевский комитет РСДРП укреплялся. Согласно агентурной сводке по Иркутскому районному жандармскому управлению за декабрь 1911 г., городская партийная организация Новониколаевска, состоявшая преимущественно из рабочих, была разбита на кружки в 6—10 человек; таких кружков, проводивших регулярно занятия, было 4 или 5. 11 декабря состоялось общее собрание на квартире Ивана Ивановича Шамшина, где присутствовало 18—20 человек... Организация поддерживала связи с Томской и Барнаульской организациями. В 1911 г. один из партийных кружков принял в ряды большевиков Евдокию Борисовну Ковальчук, героиню революционного подполья Новониколаевска. Она родилась в 1881 г. в Нижегородской губернии в крестьянской семье, приехавшей в 1895 г. на строительство железнодорожного моста через Обь. В дни революционных событий 1905—1907 гг. Дуся Ковальчук познакомилась с запрещенной литературой, в том числе «Манифестом Коммунистической партии», она сблизилась с семьей Шамшиных и другими большевиками, а с 1907 г. включилась в работу подпольной организации: распространяла листовки среди солдат, вела политическую агитацию в посещаемой ею воскресной школе для взрослых. Ее дом стал подпольной квартирой большевиков.

Новониколаевский комитет РСДРП по всем вопросам отстаивал большевистские позиции. Об этом свидетельствует публикация за 20 апреля 1911 г. в газете «Обская жизнь» статьи под названием «Современные настроения», разоблачавшей ликвидаторов. Автор, писавший под псевдонимом «П. Е.», рекомендовал читателям для знакомства с ликвидаторством критические работы В. Ильина и Я. Градова, опубликованные во 2-м и 3-м номерах журнала «Мысль». Речь шла о статье В. И. Ленина «Наши упразднители», в которой он громил столпов ликвидаторства Потресова и Базарова, отрекшихся от гегемонии пролетариата.

Задачи РСДРП в годы нового революционного подъема четко определила Пражская партийная конференция. В марте — апреле 1912 г. большевики получили из-за

границы брошюру «Всероссийская конференция Российской социал-демократической рабочей партии 1912 г.». Новониколаевский делегат «Александр» присутствовал на совещании делегатов социал-демократических организаций Западной Сибири, состоявшемся в июне 1912 г. в Барнауле, где обсуждались материалы конференции.

В июле того же года состоялось обсуждение решений конференции в Новониколаевске. Собрание одобрило решения партии, но не поставило вопрос об изгнании меньшевиков-ликвидаторов из местной партийной организации. Большевики оказались не в состоянии решительно размежеваться с меньшевиками и остались в одних организациях до осени 1917 г. Однако борьба между ними обострилась и преобладающим в деятельности Новониколаевской организации было большевистское направление.

В годы нового революционного подъема заметную помощь большевикам города оказали центральные большевистские газеты «Правда», «Звезда» и «Социал-демократ», Они воспитывали трудящихся в духе пролетарской солидарности, мобилизовывали на борьбу. В «Правду» посылались корреспонденции о местных событиях, в фонд газеты собирались средства. Распространялась в городе и «Звезда». В апреле 1912 г. полиция конфисковала у торговцев 32-й ее номер. В своих воспоминаниях А. И. Галунов писал: «Большевистская «Правда» появилась у нас в городе в мае 1912 г., вскоре после выхода ее первых номеров. На углу Николаевского проспекта и Асинкритовской улицы (ныне Красный проспект и ул. Чаплыгина) каждый день стоял старичок газетчик с бородкой. Подойдешь к нему, и он испытующе смотрит на тебя. Узнал и торопливо достает из пачки многих названий драгоценный номер «Правды». Каждый номер «Правды» прочитывался от заголовка до самых маленьких заметок, читали и в одиночку и небольшими группами, где-нибудь в тесном кружке рабочих».

Новониколаевские большевики, возглавляемые в 1911—1912 гг. П. А. Коваленко, поддерживали связи с партийным центром через профессионального революционера И. В. Присягина, члена руководящего ядра Барнаульского комитета РСДРП. О прямых связях с заграницей свидетельствует постановление Томского окружного прокурора по делу о привлечении к судебной ответственности арестованных 6 августа 1912 г. новониколаевских социал-демократов. В нем отмечено, что Новониколаевская организация РСДРП «ведет переписку партийного характера с загра-

ничными деятелями партии и получает нелегальную социал-демократическую литературу из-за границы по адресу: Новониколаевск, редакция газеты «Обская жизнь», г-же Анали». Это подтверждает и И. Д. Шамшин, записав в автобиографии: «...Фамилия моя была известна даже в Париже».[1] Существовали контакты с большевиками, находившимися в нарымской ссылке. Ссыльные вели переписку с местными партийными организациями различными путями: через отдельных членов организаций, через родных, нередко отправляя письмо «на перекладных», т. е. оно посылалось сначала какому-нибудь «благонадежному лицу», а затем через него направлялось по назначению.

Большевики Новониколаевска широко использовали возможности легальной работы и превратили ее в одну из основных форм революционной борьбы. Они существенно влияли на местную печать. В составе издательского аппарата газеты «Обская жизнь» находились большевики во главе с А. Г. Новицким. В рубрике «Из мира труда» газета широко освещала положение зарубежного и российского пролетариата, в том числе сибирских рабочих, перепечатывала материалы из «Правды». При помощи газеты партийная группа Новониколаевска контактировала с заграничным центром партии. «Обская жизнь» высылалась также в Краков в организацию бывших политических ссыльных. Ее сотрудники, в свою очередь, получали заграничные политические издания.

Правильное сочетание легальной и нелегальной работы наиболее четко проявилось в предвыборной кампании в IV Государственную думу в 1912 г. Местные газеты смело отстаивали политическую платформу большевиков — «за революцию». Социал-демократы приложили много усилий для привлечения трудящихся на свою сторону. В статье «К предстоящей избирательной кампании», опубликованной 8 января 1912 г. в «Обской жизни», говорилось о том, что самой надежной опорой демократии является рабочий класс.

Статья «Понапрасну, Ваня, ходишь», опубликованная в 20-м номере той же газеты, разоблачала кадетские «хождения в народ», вскрывала сущность этой партии, ничего общего не имевшей с демократией. Газета подчеркивала антинародную суть царских избирательных законов, устранявших от выборов массы трудящихся. За подобные вы-

[1] Гузеева В. Т. Грядущей победе навстречу. «Советская Сибирь», 1982, 14 января.

ступления только в 1911—1912 гг. «Обская жизнь» оштрафована на 3700 рублей, а 18 ноября 1912 г. «за принадлежность к социал-демократической партии» газету закрыли, а ее редактора сослали в Нарым.

Новониколаевский комитет РСДРП активно участвовал и в работе газеты «Голос Оби». Публикуя материалы в специальном разделе «Отголоски», газета постоянно информировала читателей о ленских событиях. За передовую статью, помещенную в 23-м номере, ее редактор И. С. Шульга был оштрафован на 100 рублей. В знак солидарности с революционно-демократическим движением в России 25 марта 1912 г. газета поместила целый подвал, посвященный 100-летию со дня рождения А. И. Герцена, с подробной характеристикой его революционной деятельности.

За статью «Среди газет и журналов», в которой комментировалось сообщение, враждебное правительству, последовал очередной штраф редактора в 200 рублей (при «несостоятельности» ему грозил арест на 2 месяца). Едва закончилось это разбирательство, «Голос Оби» откликнулся статьей на избиение в Новониколаевске арестантов конвойными, и редакция получила еще штраф в 200 рублей. Вскоре газету оштрафовали на 300 рублей за перепечатку материалов о ленских событиях, а «за несостоятельностью» редактора арестовали.

Газета «Сибирская новь», как и «Обская жизнь», постоянно печатала материалы о положении рабочих под рубрикой «Из мира труда». В частности, на ее страницах подробно освещался ход забастовки служащих фирмы «А. Ф. Второва и сыновья» в 1913 г. Новониколаевский полицмейстер, донося губернатору о содержании корреспонденций, называл деятельность редакции газеты «агитацией в пользу бастующих, стремлением поддержать среди бастующих интерес к затяжной забастовке». Редактора газеты «Сибирская новь» большевика В. М. Бахметьева[1] обвинили в распространении через прессу «ложных, возбуждающих общественную тревогу, слухов о ходе забастовки». 19 мая 1913 г. губернатор предложил оштрафовать В. М. Бахметьева на 500 рублей, а при несостоя-

[1] Бахметьев В. М.— старейший советский писатель, член партии с 1909 г. По поручению Новониколаевского комитета РСДРП в 1912—1913 гг. редактировал местную газету «Сибирская новь», которая освещала общественную жизнь. За «политическую неблагонадежность» неоднократно подвергался административному штрафу и арестам.

тельности — арестовать на 3 месяца. В мае 1913 г. В. М. Бахметьева арестовали. Под угрозой дальнейшего лишения свободы он был вынужден заплатить штраф. «Крамольная» газета вскоре оказалась закрытой.

Большевики опирались в своей работе на местное Общество взаимопомощи торговых служащих. В помещении Общества проводились вечера с лекциями и докладами, работал подпольный кружок, наладивший тесную связь с рабочими промышленных предприятий — табачно-махорочной фабрики, типографий Литвинова, Пономарева и Касьянова, механического завода «Труд» и др. Кружком руководил председатель правления Общества большевик Ермаков, получавший задания непосредственно от Новониколаевского комитета РСДРП. На своих собраниях Общество нередко поддерживало большевистские решения.

В начале 1912 г. в Государственном Совете обсуждался проект закона об установлении для приказчиков и других торговых служащих пятнадцатичасового рабочего дня в будни и пятичасового в праздничные. Новый закон усиливал произвол хозяев, резко ухудшал и без того тяжелое положение торговых служащих. В связи с этим по всей стране прошла волна протеста. 11 марта 1912 г. общее собрание Новониколаевского общества взаимопомощи торговых служащих приняло резолюцию партийного собрания членов комитета РСДРП о направлении в Государственную думу (через социал-демократическую фракцию) протеста против введения нового положения о труде приказчиков и других служащих торговых заведений. Под прикрытием Общества члены комитета весной 1912 г. проводили забастовки и митинги рабочих и приказчиков города в ответ на ленский расстрел, вели работу по подготовке встречи с рабочими Ленских приисков, а также организовали митинги в 1913—1914 гг. в память жертв расстрела.

Новониколаевский комитет использовал и легальное Общество попечения о народном образовании. Через него выписывалась нужная марксистская литература, во всех частях города организовывались воскресные чтения. Руководил чтениями большевик В. М. Бахметьев. Особенно большой размах получили чтения в связи со смертью Л. Н. Толстого. На одном из чтений присутствовало около 700 человек. Оно закончилось, как и все другие, призывом к свержению самодержавия, «угнетающего народ, глушащего науки, искусство».

По воспоминаниям А. И. Галунова, тесные связи были установлены с солдатами гарнизона. Профессиональный

революционер Д. А. Шамшурин проводил работу среди служащих городской военной команды, строительных рабочих и воинской команды сухарного завода. Губернские власти в августе — сентябре 1912 г. отмечали в Новониколаевске «серьезные брожения» среди запасных чинов, призванных осенью на учебный сбор. Использование легальных организаций помогало большевикам в годы революционного подъема оказывать активное политическое воздействие на трудящиеся массы и вовлекать их в революционную борьбу.

Первомайские стачки и собрания рабочих в 1910—1911 гг. охватили многие промышленные предприятия. В июле 1910 г. забастовали рабочие, занятые на мощении улиц и строительстве мельницы для товарищества «Сибирский мукомол», предъявившие требования о повышении заработной платы. Под страхом расправы приказчик обратился в полицию. Зачинщиков арестовали. В сентябре того же года рабочие сухарного завода военного ведомства отказались работать в праздничные дни.

В майские дни 1911 г. в Новониколаевске распространялась первомайская прокламация, изданная Иркутским комитетом РСДРП на основании оттиска центрального органа партии — газеты «Социал-демократ». Прокламация призывала «идти в ногу с рабочими всего мира в бой за социалистическую революцию под славными простреленными знаменами Российской социал-демократической партии».[1] Кроме того, местная партийная организация выпустила от своего имени несколько прокламаций и воззваний революционного содержания. Газета «Сибирская жизнь» дважды сообщала о продолжавшейся с 20 июля по 5 августа 1911 г. забастовке 200 железнодорожных рабочих в Кривощековском карьере. В августе бастовали рабочие завода «Труд». С 25 по 27 апреля длилась забастовка 100 грузчиков «Соединенной пароходной компании и Федулова».

В. И. Ленин назвал 1912 г. «годом великого исторического перелома в рабочем движении России». В истории нового революционного подъема Сибири принадлежало особое место. Рабочие этой далекой окраины, руководимые местными большевиками, подготовили и провели на Ленских приисках массовую забастовку, всколыхнувшую всю страну. В ответ на ленские события новониколаевские ра-

[1] Кудрявцев Ф., Колодинский Г. Первые маевки в Сибири. Иркутск, 1940, с. 57.

бочие отметили Первомай 1912 г. стачками на ряде предприятий: на табачно-махорочной фабрике Е. А. Агеева, лесопильном заводе торгового дома «А. С. Чернышев с сыновьями» и механическом заводе. Произошла забастовка 132 рабочих в типографиях Литвинова, Пономарева и Касьянова.

Сообщение о последней опубликовала 4 мая 1912 г. «Правда»: «Новониколаевск. Вчера, 1 мая, бастовали рабочие 3 крупных типографий — Касьянова, Литвинова и Пономарева. По городу разъезжают наряды полиции». Рабочие требовали улучшения условий труда, сокращения рабочего дня, отмены штрафов. В начале мая прекратили работу грузчики на пристанях Плотникова и Фуксмана. С грузчиков в первый же месяц работы решили вычесть не только задаток и деньги, выданные на проезд, но и залог. В результате забастовки рабочие добились нового соглашения, по которому получили заработок без вычетов и повышение оплаты на 1 рубль за каждую переработанную тысячу пудов грузов.

В 1912 г. через ст. Обь должны были проследовать ленские рабочие, отказавшиеся работать и покинувшие прииски в ответ на расстрел их товарищей. Новониколаевский полицмейстер со страхом доносил губернатору, что среди рабочих города наблюдается «повышенный интерес к проезду рабочих с Ленских золотых приисков». Новониколаевская организация РСДРП готовила митинг на вокзале и выпустила специальные прокламации, а также организовала сбор денежных средств для помощи нуждающимся ленским рабочим. Вопросы организации встречи обсуждались на заседаниях комитета РСДРП с участием руководителей нелегальных профсоюзов строителей, металлистов, железнодорожников и на ряде собраний рабочих за рекой Обь. Примерно за две недели до готовящегося мероприятия комитет выпустил листовку, призывающую трудящихся города к организованной встрече ленских рабочих. Местные власти, понимая громадное политическое значение этого события, готовились сорвать его. «Шестого августа 1912 г. в Новониколаевске начата ликвидация Новониколаевской группы РСДРП»,— доносил начальник местной полиции томскому губернатору. В городе производили массовые обыски у А. Г. Новицкого, редактора газеты «Обская жизнь», главных сотрудников редакции, у служащих и рабочих типографии Литвинова. Полиция арестовала активистов Новониколаевского комитета А. Галунова, М. Евграфова, И. Шамшина и др., изъяла партий-

ную библиотеку. Из них 10 человек заключили под стражу и отправили этапом в томскую тюрьму, а в ноябре — в нарымскую ссылку.

Жандармам удалось воспрепятствовать встрече ленских рабочих в Красноярске и Тайге. Но в Новониколаевске, несмотря на предупредительные аресты большевиков и присылку на вокзал отряда полиции и регулярных войск, они не сумели полностью сорвать встречу. В день прибытия эшелона с бодайбинцами несколько групп рабочих города проникли на вокзал. В вагонах состоялись товарищеские беседы, трудящиеся Новониколаевска тепло встречали своих собратьев по революционной борьбе, проявив солидарность с рабочими Ленских приисков.

В первую годовщину ленского расстрела, вопреки «энергичным мерам к недопущению выступлений рабочих», их число увеличилось. В апреле бастовало 100 грузчиков пароходства Ельдештейна. Их поддержали рабочие механического завода, Кривощековского карьера, табачно-махорочной фабрики и других предприятий города. 2 марта началась забастовка рабочих типографии Касьянова. Об этом выступлении дважды писала «Правда», подчеркивая его наступательный характер. Только под угрозой арестов удалось заставить рабочих 8 марта приступить к работе. В конце апреля 1913 г. началась забастовка торговых служащих товарищества «А. Ф. Второв и сыновья», имевшего в Сибири 12 отделений, в которых работало до 2 тысяч человек. Забастовка вспыхнула в Иркутске из-за нарушения товариществом договора о восьмичасовом рабочем дне, были предъявлены также требования об отмене сверхурочных работ, учреждении третейского суда и др. 15 мая к забастовке примкнули приказчики Томска, днем позже прекратили работу торговые служащие Новониколаевска.

В целях предупреждения забастовки заведующий новониколаевским отделением товарищества «А. Ф. Второв и сыновья» 11 мая собрал служащих магазинов и объявил, что конфликт с администрацией товарищества улажен и все служащие вышли на работу. Но приказчики не поверили и для уточнения 12 мая сделали запрос в Иркутск. Ответ гласил: «Забастовка продолжается. Настроение великолепное. Не верьте ложным слухам». Между всеми отделениями товарищества поддерживалась тесная связь. Забастовщики избрали стачечный комитет, который находился в Иркутске. Местные власти пытались подавить забастовку неоднократными облавами и ареста-

ми. В ночь на 23 мая в городе начались обыски, был сделан налет на редакцию, типографию и контору Литвинова, нагрянули с обыском в правление библиотеки Общества приказчиков, где обнаружили телеграммы, полученные из Иркутска, а также копию требований, предъявленных Второву бастующими. Забастовка продолжалась более месяца. За участие в ней губернские власти 25 сентября приняли постановление о закрытии Новониколаевского общества приказчиков.

Под руководством большевиков Первого мая 1913 г. в Новониколаевске состоялись нелегальные собрания рабочих. Особенно дружно отметили Первомай типографщики. Они бастовали и в августе, требуя аккуратной выплаты жалованья, особенно за вечернюю работу, и повышения окладов на 30 процентов. С 1 по 8 мая 1914 г. продолжалась забастовка 175 грузчиков «Пароходной компании Звягина», с 14 по 21 мая — забастовка 175 рабочих, производивших погрузку и выгрузку пароходов «Соединенной компании и Федулова». Организованный характер носили выступления рабочих-мостовщиков.

10 июня 1914 г. забастовали 80 рабочих городской управы, 14 июня к бастующим подключились все рабочие города, занятые на строительстве мостовых, а также 56 рабочих городской каменоломни. Забастовкой руководили члены подпольного комитета И. Д. Шамшин, М. Батуев, Б. Блюм. Новая забастовка 128 грузчиков пароходства «Соединенной пароходной компании и Федулова» длилась с 18 по 23 июня. Рабочие требовали повышения заработной платы на 40 процентов и удаления подрядчика Щепочкина. Их требования были удовлетворены.

В результате забастовок возросла сплоченность рабочих разных профессий, окрепли связи с пролетариями других городов. Выступления становились все более упорными и продолжительными, нередко завершались удовлетворением требований бастующих — повышением заработной платы, признанием первомайских праздников и др. Вместе с тем революционная борьба в Новониколаевске имела черты, характерные для всей Сибири и связанные с немногочисленностью пролетариата, наличием множества мелких предприятий, малочисленностью большевистских кадров и отдаленностью от центра. Все это находило отражение в более слабой организованности рабочих города по сравнению с промышленными центрами страны и служило одной из причин столь долгого пребывания большевиков в единых организациях с меньшевиками, что в неко-

торой степени сковывало руководство рабочим движением. Но не специфические явления, а общие закономерности, характерные для революционной борьбы всего российского пролетариата, в конечном итоге определяли направление рабочего движения в городе. Да иначе и не могло быть, ибо революционная борьба в Новониколаевске была частицей общероссийской борьбы пролетариата. Реакция не сломила рабочих города, не затушила их тяги к освобождению от гнета самодержавия и капиталистов.

СТРАНИЦЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

1

В Новониколаевске в первом десятилетии XX века остро ощущалась нехватка учебных заведений. Общеобразовательная школа города состояла из нескольких звеньев. К разряду низших начальных школ относились церковно-приходские, городские одно- и двухкомплектные школы, часть которых находилась в ведении Министерства народного просвещения, а также одноклассные с двумя отделениями и двухклассные.

Высшими начальными школами считались четырехклассные училища. Общая тенденция вытеснения школ синода школами Министерства народного просвещения, усилившаяся в революционные 1905—1907 гг., объясняет незначительное число церковноприходских школ в Новониколаевске. Эти школы не пользовались авторитетом. Их учебная программа ограничивалась преподаванием «закона божия», русского языка, арифметики и чистописания.

Городские, частные и школы Министерства народного просвещения давали более расширенное элементарное образование.

В них кроме названных велось преподавание таких дисциплин, как геометрия, география и история, давались сведения из естественных наук, обязательными в учебной программе считались черчение, рисование, пение и гимнастика. По желанию родителей школьники изучали некоторые дополнительные дисциплины и ремесла. Количественно в городе преобладали одно- и двухклассные училища. Четырехклассные начальные училища были как бы промежуточным звеном между низшей начальной и средней школой.

К 1908 г. в Новониколаевске насчитывалось до десятка начальных школ, с большим трудом охватывающих обучением три четверти детей школьного возраста. Газета «Обь» сообщала: «на 2800 детей школьного возраста у нас более 700 человек, оставшихся за бортом школы». В 1908/09 учебном году в городские приходские училища не попали 957 человек. Принято было всего 364. Предполагалось открыть бесплатные воскресные школы. Но это не разрешало проблемы школьного образования. В начале 1909/10 учебного года за бортом школы осталось более 900 детей. Под давлением общественности городская управа составила ходатайство попечителю учебного округа, в результате чего удалось получить ассигнование на открытие нескольких школ «сельского типа». Но что это были за школы?

Даже попечитель учебного округа М. Елистратов, посетивший город зимой 1910 г., вынужден был признать: «Ни одна из вновь открытых школ не имеет хоть сколько-нибудь приспособленного к элементарным требованиям школьной гигиены помещения. Одно из училищ, именно Закаменское, приютилось в заброшенной кузнице, где температура доходит до 8 градусов и дети, занимаясь в шубах и валенках, не имеют возможности от холода писать, т. к. в рукавицах писать, конечно, неудобно.

Зимой при температуре от 27 до 30 градусов ниже нуля заниматься совсем было невозможно. Школы не имели специальных зданий, размещались в частных домах.

В них отсутствовало самое элементарное оборудование, не говоря уже о наглядных пособиях и библиотеках. «Ни в одной из местных школ, не исключая и двухклассных,— писала газета «Обь»,— нет не только учительских, но даже ученических библиотек. «Дайте что-нибудь почитать»,— пристают ученики. Подать нечего».[2] Расходы на аренду помещений поглощали до 25 процентов всех школьных расходов. Город неоднократно ходатайствовал о выдаче безвозвратной ссуды на капитальное школьное строительство.

Однако Министерство народного просвещения всякий раз под всевозможными предлогами откладывало решение вопроса, хотя по предложению Государственной думы правительство издало закон от 22 июня 1909 г. о создании школьно-строительного фонда всеобщего обучения, получившего наименование «фонда имени Петра Великого».

[1] Сибирская жизнь, 1910, 19 января.
[2] Обь, 1908, 17 сентября.

Согласно этому закону надлежало отпустить в фонд Министерства народного просвещения на строительные нужды 6 миллионов рублей, в виде ссуд сроком 20 лет в размере 80 процентов строительной стоимости школ.

В начале мая 1910 г. Новониколаевск получил столь желаемое безвозмездное пособие на сооружение школьных зданий в сумме 68 тысяч рублей. Городу дали и возвратную ссуду в размере 240 тысяч рублей, с рассрочкой погашения на 20 лет. Не откладывая дела, уже 24 мая городская управа заключила договор с архитектором А. Д. Крячковым, который приступил к составлению строительных смет и проекта 12 школьных зданий на 76 комплектов учащихся.

Большинство школьных зданий, построенных в 1911—1912 гг., сохранилось до наших дней.

Город с большой любовью растил эти детища. Несмотря на отсутствие общегородского водопровода и канализации, для школ завезли из Варшавы необходимое сантехническое оборудование, электрифицировали их. Новониколаевская школьная исполнительная комиссия одной из первых в Сибири подняла вопрос о совершенствовании преподавания путем привлечения кинематографа и постановки общеобразовательных сеансов для учащихся. При школах были созданы библиотеки. Много сил и энергии отдал этому делу бывший инспектор народных училищ П. А. Гуринович.[1] Однако с открытием новых школ школьный вопрос был разрешен далеко не полностью. К сентябрю 1912 г. вне школы осталось 900 детей. 14 вновь сформированных отделений разместилось в школьных зданиях, остальные — в наемных помещениях. Поэтому осенью 1913 г. дума вновь возбудила ходатайство о ссуде и пособии для постройки школьных зданий второй очереди.

В дореволюционное время в Новониколаевске функционировало несколько частных школ. Первая из них, как уже отмечалось, была открыта Будаговым в 1893 г. В 1904 г. учительница М. Б. Кандаурова открыла бесплатную школу для солдатских детей. Спустя 2 года начала действовать платная школа З. И. Бутович. Некоторое время в городе работали частные школы Е. Н. Смирновой, В. Титова, Д. Кулик. В 1915 г. группа учительниц открыла подготовительную школу. Все эти учебные заведения брали

---

[1] П. А. Гуриновии (1889—1943) — в советское время инспектор Новосибирского отдела народного образования, заведующий школой, автор многих педагогических статей в местном журнале «Просвещение Сибири».

на обучение по 30—40 детей, действовали периодически и не могли внести коренных изменений в состояние школьного дела в городе. Высокая плата за обучение была доступна в основном городской буржуазии.

По разным причинам в Западно-Сибирском округе отсев составлял пятую часть учащихся. Основная причина этого — материальная нужда. «Обская жизнь» отмечала в 1910 г., что «многие дети начальных школ редко имели возможность пользоваться мылом», а подчас «не имели куска хлеба». Комментируя выводы специальной комиссии, выяснявшей степень нужды в горячих завтраках учащихся городских приходских училищ в 1912 г., газета «Алтайское дело» сообщала: «Есть совершенно круглые сироты. Есть ребята, у которых отец слепой, а мать побирается... которых кормит дряхлый полуслепой дед кусками из своего нищенского кошеля и т. д. Подобных горемык, которым судьба оказалась злой мачехой, анкетой зарегистрировано около 400».

Преподавание велось по устаревшей программе 1897 г., дававшей большой простор формализму и неосмысленному зазубриванию. Большое место в программе отводилось изучению непонятного детям «закона божия» как обязательного предмета во всех классах. Эту «дисциплину», по словам инспектора народных училищ Томской губернии Злобина, проходили «удивительно бесцветно», текст молитв зачастую искажался, читался залпом, бессознательно. Инспектор М. Елистратов при осмотре 17 училищ Томской губернии в 1911 г. отмечал, что по русскому языку работы оказались плохими, так как дети не приучены к самостоятельному письму и к счету в уме.

О качестве педагогических кадров свидетельствуют материалы однодневной переписи начальных школ Западно-Сибирского учебного округа, проведенной 18 января 1911 г. Среди учителей-мужчин специальное педагогическое образование имели лишь 39 процентов, среди женщин — 1,3 процента. Низшее домашнее образование соответственно — 55 и 52 процента. В целом более половины учителей в округе не имели прав на преподавание.

В 1909 г. возникло благотворительное Общество попечения о народном образовании. Идея его создания родилась в 1902—1903 гг., когда общественность города подняла вопрос о необходимости оказания помощи начальным школам и выработала устав Общества попечения о народном образовании. Русско-японская война отодвинула это начинание на неопределенное время. Однако тяжелое поло-

жение школьного дела в Новониколаевске вынудило вернуться к идее создания благотворительной организации. 4 ноября 1909 г. состоялось собрание его учредителей, в состав которых вошли врачи М. П. Востоков, Е. М. Софонов, В. Ф. Сосунов, присяжный поверенный А. П. Васильев, предприниматели Н. П. Литвинов, Ф. Ф. Махотин, Л. И. Лапшин и др. Собрание утвердило уставные положения новой организации, получившей название Общество попечения о народном образовании. Устав гласил, что Общество будет «содействовать распространению образования, ходатайствовать о расширении и улучшении существующих и об учреждении новых начальных училищ, общеобразовательных и профессиональных учебных заведений, изыскивать средства и учреждать по законам разрешения народные училища, воскресные школы, народные библиотеки, читальни и музей».[1] Действительными членами общества считались лица, вносившие ежегодно в его кассу не менее 1 рубля или внесшие единовременно не менее 25 рублей. Средства складывались из членских взносов, доходов от спектаклей и концертов, устраиваемых Обществом, и других публичных сборов. В состав школьной, детской и театральной комиссий вошли главным образом учителя, врачи и другие представители демократически настроенной интеллигенции.

Благодаря деятельности Общества попечения о народном образовании в Новониколаевске в 1910 г. функционировали 3 воскресные школы. Они обслуживали бесплатно часть рабочей молодежи. Без вознаграждения в воскресные и праздничные дни в них работали учителя начальных школ Полянская, Козакова, Козлов, Гирш, Выдрина, Агафонова, Кузнецова и др. Общество вело работу и по внешкольному образованию — организовывало народные чтения, лекции, концерты и выставки. Любительская труппа Общества ставила спектакли, которые привлекали много зрителей из рабочей среды.

Репертуар постановок знакомил горожан с лучшими произведениями отечественной драматургии. С большой теплотой готовились и проводились юбилейные вечера, посвященные творчеству выдающихся русских писателей. В 1906 г., в день 20-летия кончины А. Н. Островского, была поставлена пьеса «Без вины виноватые». В январе 1910 г. Общество попечения устроило большой праздничный вечер, посвященный 50-летию со дня рождения А. П. Чехова.

[1] ГАТО, ф. 3, оп. 3, д. 6552, лл. 4—8.

В день 10-летия со дня смерти А. П. Чехова с большим успехом прошла пьеса «Дядя Ваня». В декабре 1913 г. был организован вечер, посвященный творчеству И. С. Тургенева, отмечалось 100-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко.

С особым почтением местная интеллигенция относилась к творчеству Л. Н. Толстого. 9 июля 1907 г. город послал телеграмму следующего содержания: «Тула. Ясная Поляна. Льву Николаевичу Толстому. В день 55-летия литературной деятельности шлем наш скромный привет из далекой Сибири великому мастеру, художнику, мыслителю земли, слово которого — бессмертный голос совести народов. О нем вспомнят потомки тех веков, когда война между людьми исчезнет с лица земли. Привет великому учителю».[1] Телеграмму подписали представители Общества попечения о народном образовании, городского управления и редакции газеты «Обь», в том числе Литвинов, Аргунов, Бутович, Коновалов, члены семьи Софоновых.

В год смерти Л. Н. Толстого (1910) в городе состоялись Толстовские чтения. От имени многочисленных членов Общества его правление выразило сердечное соболезнование в телеграмме С. А. Толстой: «Новониколаевское Общество народного образования выражает свою глубокую скорбь по поводу кончины великого русского мыслителя и человека Льва Николаевича. Желаем Вам бодрости и сил перенести эту неизмеримо тяжелую для Вас и всего человечества дорогую потерю. Умерло тело, но дух и гений Льва Николаевича будет вечно жить в сердцах людей».[2]

При Обществе попечения о народном образовании был создан денежный фонд имени Л. Н. Толстого для помощи бедным детям. Библиотеке Общества также присвоили имя Л. Н. Толстого с передачей ей полного собрания сочинений и портрета писателя. По инициативе этой общественной организации городская дума провела заседание, посвятив его памяти великого художника слова, и приняла решение назвать будущий Народный дом в Новониколаевске именем Толстого, ассигновав на его строительство тысячу рублей.

Многие члены Общества попечения о народном образовании сочувственно относились к революционным выступлениям в городе и участвовали в них. Само Общество постоянно находилось под влиянием социал-демократов. Даже местные власти замечали, что «здесь вкоренение идей социализма идет самым постоянным образом». Формирова-

[1] Обь, 1907, 10 июля.
[2] Обский вестник, 1910, 10 ноября.

нию революционного сознания способствовали и имевшиеся в библиотеке запрещенные книги К. Маркса — «К критике политэкономии», «Капитал»; Ф. Энгельса — «Положение рабочего класса в Англии»; А. Бебеля — «Женщина и социализм» и др. Общество занималось организацией публичных лекций, к чтению которых привлекались представители местной интеллигенции, ученые других городов.

Не имея собственного помещения, Общество арендовало здания для проведения мероприятий. Начиная с 1908 г. оно постоянно выдвигало идею о строительстве Народного дома путем отчислений от сборов и спектаклей и даже завело для этого специальный денежный фонд. Однако собранные средства были малы, а городская дума медлила с рассмотрением вопроса. В итоге в Новониколаевске не удалось создать до революции ни одного народного клуба. Местные благотворительные общества, несмотря на самые благие намерения, не могли внести радикальных изменений в дело народного образования.

Начало средней школы в Новониколаевске положила П. А. Смирнова, открыв в 1905 г. частную женскую гимназию, позже переименованную в Первую новониколаевскую женскую гимназию. 1 октября 1906 г. открыли частное мужское училище. Согласно «высочайшему повелению» от 28 января 1908 г. оно было преобразовано в частное реальное училище, а в 1910 г. в правительственное. На ассигнованные казной средства осенью 1912 г. по проекту А. Д. Крячкова на Николаевском проспекте, неподалеку от собора Александра Невского, для училища было возведено специальное двухэтажное здание. Главенствующее место в его композиции занимали вестибюль и актовый зал. В правой части здания разместился алтарь церкви и зал-столовая.

В здании имелись большие светлые классы, актовый и гимнастический залы, кабинеты физики и естественно-исторических наук, биологическая и химическая лаборатории, астрономическая лаборатория, просторная столовая и душевые. Училище приобрело музыкальные инструменты для духового и струнного оркестров, на его сцене ставились концерты и оперные представления. Здесь же была открыта библиотека, имевшая около 4 тысяч книг. Реальное училище стало одним из основных в системе школ города. В 1913 г. во всех семи его классах обучалось 240 человек, в 1916 г.— более 280 человек. Ныне в здании бывшего реального училища размещается детская областная больница. Третий этаж надстроен в советское время.

В 1913 г. начала действовать частная мужская гимна-

зия, преобразованная в следующем году в государственную. 25 сентября 1913 г. состоялось открытие женской прогимназии, в 1916 г. она была преобразована в полную гимназию с ежегодной платой за обучение 60—75 рублей.

Средняя школа в Новониколаевске, как и в России в целом, оставалась недоступной для детей простых тружеников. По словам В. И. Ленина, классовая школа «требует от всех и всяких учеников *только одного:* чтобы он заплатил за свое обучение. Различие программ для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо у тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода,— тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию».[1] Программа средней школы отвечала задачам обучения подрастающего поколения в духе преданности российской монархии.

Хотя средние учебные заведения города лучше обеспечивались помещениями, библиотеками и наглядными пособиями, способствовавшими более глубокому усвоению школьной программы, им были свойственны общие изъяны российской средней школы: неподвижность учебных планов, недостаточная осведомленность педагогов в учебных процессах. Школа не отвечала психологическому складу учащихся, их физическому развитию, не давала жизненных навыков.

С 1911 г. в Новониколаевске находилась учительская семинария, переведенная из с. Павловского Барнаульского уезда после участия семинаристов в крестьянских волнениях 1910—1911 гг. Она содержалась на государственные средства и готовила учителей для сельских школ. Ежегодный прием слушателей не превышал 25 человек, общее число учащихся всех четырех классов составляло 100 человек. При семинарии имелись собственные мастерские, начальная школа и библиотека. По воспоминаниям бывшего воспитанника семинарии Н. Н. Лазарева, это учебное заведение вскоре превратилось в один из очагов культурной жизни города.

Особенно славился драматический кружок семинарии, привлекавший молодежь из других учебных заведений. Объединенным хором семинарии и двух женских гимназий успешно руководил слушатель П. Ф. Лыткин. В стенах этого учебного заведения издавался рукописный художе-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 476, 477.

ственно-литературный журнал «Первый шаг»,[1] освещавший жизнь его воспитанников. Большим уважением пользовался преподаватель С. И. Онищенко. В советское время он работал в школах Новосибирска и первым из учителей города был удостоен правительственной награды, врученной ему М. И. Калининым. Из Новониколаевской учительской семинарии вышло немало видных специалистов: Андрей Сухно стал профессором Московского университета, Федор Гриневич — инженером-энергетиком, Федор Останин — ученым в области философии, Н. Н. Лазарев — учителем. Новониколаевская учительская семинария преобразована в 1921 г. в трехлетние педагогические курсы, а позже — в четырехлетний педагогический техникум.

Вопросы высшего образования поднимались еще в 1910 г., когда горожане ходатайствовали об открытии в Новониколаевске Сибирского сельскохозяйственного института, но получили отказ. В 1913 г. город получил право на строительство частного сельскохозяйственного института имени Дома Романовых, но начавшаяся война помешала осуществлению замысла. В 1912 г. городское управление подало прошение в Министерство народного просвещения об основании педагогического института. Сославшись на то, что Новониколаевск безуездный город, а институт уже имелся в губернском городе, в прошении отказали.

Накануне первой мировой войны во всех учебных заведениях города обучалось немногим более 5 тысяч детей. Две пятых населения города не имело даже начального образования. Фактически безграмотных было больше, ибо до 85 процентов лиц, окончивших начальную школу, из-за слабого закрепления знаний и низкого культурного уровня в целом к 25—30 годам совершенно забывали грамоту.

2

С немалыми трудностями развивалось библиотечное дело. В 1894 г. на ст. Обь была создана небольшая библиотека-читальня при школе, основанной инженером Г. М. Будаговым. Школьной она осталась и в последующие годы. В 1902 г. по инициативе рабочих и служащих ст. Обь на Владимировской улице при железнодорожном собрании возникла на пожертвованные средства библиотека, названная именем русского писателя Н. В. Гоголя.

[1] Журнал передан Н. Н. Лазаревым в 1969 г. в Новосибирский областной краеведческий музей.

К 1906 г. в ней насчитывалось 2 тысячи книг с выдачей на дом 5—6 штук в день. Размещалась она в двух каморках у депо, в одной — библиотека, в другой — читальня.

Газета «Народная летопись» писала: «Читальня в полном забросе, грязна, темна, неуютна, с двумя топорными столами под слоем пыли, которую читателям приходится вытирать руками. Освещение гадкое — керосиновая коптилка. Нелегко пробраться в читальню без риска сломать голову, особенно темным вечером: рытвины, колдобины, бревна, камни...»

Следующая по времени основания — библиотека Общества приказчиков, созданная в конце 1905 — начале 1906 гг. также на пожертвованные средства. На первых порах она обслуживала чисто профессиональные нужды, затем круг ее деятельности расширился. За исключением ученических эта библиотека была самой большой в городе. В 1909 г. в ее фондах насчитывалось 2242 книги, библиотеку посещало более 500 читателей.

Весной 1905 г. городская управа подала прошение на имя губернатора об открытии городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова. Однако губернские власти, напуганные революционными событиями, дали разрешение только через два года. При этом под ответственность врача М. А. Иволина, назначенного заведующим, открывалась не библиотека, а читальня имени А. П. Чехова. Книжный фонд ее должен был формироваться в основном за счет пожертвований. Поэтому уже накануне открытия учредители читальни организовали постановку пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня», денежный сбор от которой положил начало созданию книжного фонда.

Читальня разместилась в наемном помещении, в доме Савельева на Кабинетской улице. По воспоминаниям одного из первых читателей М. Ф. Батракова, это была маленькая полутемная комната, в которую приходило не более 20 читателей. Пожертвования «деньгами и книгами» принимались в редакции газеты «Обь». Но несмотря на неоднократные призывы газеты к «просвещенному содействию хорошему начинанию», пожертвования поступали медленно. Местные толстосумы давали жалкие гроши. Вот один из списков «благодетелей»: «Обухов — 3 рубля, Жернаков — 2 рубля 30 копеек, Шлеймович и Монахов — по одному рублю, Ковалев — 15 копеек...»

Читальня часто переезжала из одного помещения в другое ввиду их малых размеров и неприспособленности. С 1 января 1912 г. ее удалось преобразовать в публичную

библиотеку с «выдачей книг для чтения на дом». За каждую полученную книгу читатель должен был платить по 20 копеек в месяц. Весной 1914 г. городская управа купила каменный дом Александрова по улице Межениновской (ныне ул. Челюскинцев), в которой библиотека размещалась довольно продолжительное время. Куда бы она ни переезжала, ее внутреннее оформление оставалось одинаковым: портрет царя и иконы. Низко над столом библиотекаря висела небольшая лампа «Молния», освещавшая рабочий уголок комнаты. В 1910 г. в библиотеке числилось лишь около 1,5 тысяч книг и до 400 читателей, главным образом из чиновничьего круга.

Примерно в то же время создавалась библиотека Софоновых, энтузиастов народного просвещения, внесших посильный вклад в культурное развитие города. Глава семейства — учитель Максимилиан Яковлевич — в юности знал декабристов, проживавших в Тюмени, унаследовал их демократизм и был большим почитателем творчества Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и А. М. Горького. Его жена Екатерина Федоровна, по специальности фельдшер, разделяла демократические взгляды мужа. Супруги Софоновы вырастили 10 детей, в том числе 4 приемных из бездомных сирот.

Сын Софоновых Евгений Максимилианович, врач, пользовался большим уважением горожан. Дочь Софья — выпускница Высших женских курсов — участвовала в революционном движении. Она побывала во многих городах страны, вынужденная из-за преследований полиции часто менять место жительства. На собственные сбережения вместе с матерью она организовала в городе библиотеку, которая фактически была бесплатной. По воспоминаниям внучки Софоновых Е. К. Софоновой, их библиотека была передана в 1922—1923 гг. в одну из библиотек города.

Основание закаменской библиотеки связано с появлением Общества попечения о народном образовании и его благотворительной деятельностью. В феврале 1910 г. газета «Обская жизнь» писала об острой нужде в библиотеке для Закаменской, рабочей, окраины города, где жители были «совершенно лишены печатного слова». В конце сентября 1910 г. та же газета известила горожан об открытии библиотеки на Береговой улице в Закаменском районе.

Библиотека создавалась на пожертвованные средства и была бесплатной с первоначальным книжным фондом около тысячи экземпляров. Даже сочинения Л. Н. Толстого были только в одном экземпляре. В 1913 г., когда прекра-

тилась деятельность Общества взаимопомощи торговых служащих, в закаменскую библиотеку передали фонд Общества, и она стала самой большой в городе. С 1910 г. в связи с кончиной Л. Н. Толстого ей присвоили имя этого великого художника слова. Библиотека, использовавшаяся социал-демократами, была одним из очагов «опасных идей» в городе. Именно при ее осмотре в 1914 г. инспектор Алекторов обнаружил книги К. Маркса, Ф. Энгельса и др.

Бедность книжных фондов, убогость помещений и средств определяли общее состояние библиотек Новониколаевска. К 1913 г. во всех библиотеках города насчитывалось не более 3 тысяч читателей, из них около 600 человек посещало закаменскую библиотеку. Библиотеки существовали лишь за счет абонементной платы и пожертвований. Например, в библиотеке имени Н. В. Гоголя абонементный сбор составлял 20—25 рублей в месяц. При такой бедности книжный фонд, как правило, обновлялся мало, а плата за чтение существенно ограничивала доступ в библиотеку бедноты.

Об этом красноречиво свидетельствует состав читателей. При обследовании центральной библиотеки имени А. П. Чехова в 1910 г. выяснилось, что взрослых посещений в два раза больше, чем детских, подавляющее большинство читателей составляли лица мужского пола. Из 1493 посещений библиотеки с 1 апреля по 17 июня на рабочих приходилось лишь 182, или 12 процентов. Все городские библиотеки, за исключением ученических, выдавали в год не более 20 тысяч книг на 89 тысяч населения города. Улицы окраин назывались именами выдающихся писателей: Достоевского, Лермонтова, Карамзина, Тургенева, Писарева, Жуковского, но произведения их были малодоступны для большинства новониколаевских жителей.

О создании личных библиотек беднота могла только мечтать, хотя в книжном магазине имелись интересные и редкие издания. В объявлении газеты «Обь» за 1 августа 1907 г. указаны, например, следующие цены: «Дети капитана Гранта»— 1 рубль 75 копеек; «Собор Парижской богоматери», «Человек, который смеется» (В. Гюго) — 1 рубль; «Приваловские миллионы» (Д. Н. Мамин-Сибиряк) — 2 рубля; «Крошка Доррит» (Ч. Диккенс) — 1 рубль 75 копеек. Кроме книжного магазина Литвинова в Новониколаевске имелось несколько книжных лавок с более дешевой литературой, но настолько потрепанной и пустой по содержанию, что по многу лет она лежала мертвым грузом на книжных полках.

3

В Новониколаевске до революции не было профессионального театра, но любительские коллективы сыграли немалую роль в пропаганде театрального искусства и пробуждении культурной жизни в городе. Как уже отмечалось, еще в 1896 г. при школе, открытой Г. М. Будаговым, действовал драматический кружок. Видимо, на его основе в поселке Новониколаевском образовалось музыкально-драматическое общество. Сведения о времени его возникновения противоречивы. Центральный журнал «Театр и искусство» в заметке о театральной жизни Новониколаевска, опубликованной во 2-м номере за 1912 г., сообщал: «Между прочим драматический кружок празднует 20 февраля 10-летний юбилей своего существования». Выходит, музыкально-драматическое общество (кружок) было создано в феврале 1902 г. Однако имеются и другие сообщения. Местная газета «Обь» за 1908 г. извещала, что 2 ноября в связи с десятилетием сценической деятельности состоялось чествование Р. Я. Янкелевич-Чариной, «одной из учредительниц Новониколаевского музыкально-драматического общества в 1898 г.» Спустя немногим более месяца, в декабре 1908 г., отмечалось 10-летие деятельности председателя общества Н. А. Кассианова. Возможно, в дальнейшем удастся обнаружить другие сведения, подтверждающие то или другое сообщение. Пока же можно предположить, что дата (1898 г.), названная газетой «Обь», лучше знавшей местную жизнь, видимо, ближе к истине.

На пожертвованные денежные сборы с любительских спектаклей его учредители приобрели необходимый реквизит, музыкальные инструменты и развернули сценическую деятельность. Однако с началом русско-японской войны активность кружка заметно ослабла. Жизнь музыкально-драматического кружка начала оживляться с 1906 г. Его деятельность тесно переплеталась с работой городского Общества попечения о народном образовании.

Кружок объединял представителей городской интеллигенции — врачей, учителей, служащих. Силами любителей ставились спектакли, давались концерты, проводились литературные чтения и вечера. В отличие от заезжих гастролеров билеты на постановки и концерты местных кружковцев были дешевы и доступны малоимущим слоям городского населения. За 1908—1909 гг. музыкально-драматический кружок дал наряду с другими более 20 спектаклей благотворительного назначения, сборы от которых пошли

на нужды библиотек, школ и новониколаевского детского приюта «Ясли».

На сценах кинотеатров, где выступали любители за неимением собственного помещения, они показали пьесы «Набат», «Соколы и Вороны», «Пашенька», «Сыщик», «Светит, да не греет», «Женитьба Белугина», «На пороге к дому», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Ревизор», «На дне», «Доходное место», «Яма» и др. Любительский театр действовал вплоть до 1917 г. и во многом был обязан его учредителям и актерам И. Я. Абрамовичу, Л. П. Александрову, А. И. Борзову, В. В. Васеневой, А. М. Дубровицкой, Т. А. Звериковой, А. М. Ивановой, Е. П. Иволиной, Н. А. Кассианову, П. И. Мезенцевой, О. Д. Омской, И. М. Фицеру, Ж. М. Фицеру, Я. А. Хазан, Р. Л. Янкелевич-Чариной и др.

Многие из названных любителей сцены посвятили новониколаевскому любительскому театру свыше десятка лет. Неизменным организатором и участником спектаклей был А. И. Борзов. Много сил отдал театру И. Я. Абрамович. Он играл в спектаклях, писал для новониколаевской сцены. Его пьесы «Новониколаевский пожар» и «Комедия жизни» не раз ставились в городе. И. Я. Абрамович проявил незаурядные режиссерские способности, часто выступал в местной печати.

Участники драмкружка и Общества попечения о народном образовании много сделали для организации в Новониколаевске гастролей театральных коллективов из центра страны. Летом 1909 г. во время большой гастрольной поездки по Сибири город посетила группа актеров московского Малого театра под руководством Николая Михайловича Падарина. Приезд московских артистов стал настоящим праздником для горожан. И хотя их репертуар в Новониколаевске ограничился лишь спектаклями «Большой человек» по пьесе Колышко и «Женская логика» по пьесе Гоббса, зрители познакомились с известной школой актерского мастерства.

В составе гастрольной группы артистов прославленного русского театра были Головин, Гремин, Загорянский, Левшина, Лавин, Матвеева, Пашенная, Русецкая, а также артисты киевского театра «Соловцы» Зиновьев и Рудницкий. О гастролях москвичей газета «Народная летопись» писала: «Поставленные 13 и 14 июня в театре Чиндорина «Большой человек» и «Женская логика» прошли при крупном художественном исполнении. Каждый акт пьесы сопровождался бурными аплодисментами. Эти гастроли арти-

стов под управлением талантливого Падарина для новониколаевцев останутся надолго в памяти».[1]

Весной 1909 г. город взволновало известие о предстоящих гастролях Веры Федоровны Комиссаржевской. Великую гостью ждали в Новониколаевске с нетерпением, 24 и 25 мая В. Ф. Комиссаржевская сыграла в Новониколаевске роль Норы в пьесе Г. Ибсена «Кукольный дом» и Дикарку в одноименной пьесе А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева. «Увидеть Нору и Дикарку в исполнении Веры Федоровны — значит доставить себе эстетическое наслаждение и надолго оставить в памяти имя артистки»,— писали местные театральные критики.

В. Ф. Комиссаржевская оказалась свидетельницей тяжелейшего состояния города после пожара 1909 г., что глубоко тронуло ее. Она отчислила в пользу погорельцев 15 процентов всех денежных сборов со своих спектаклей в городе. Осенью 1910 г. часть труппы В. Ф. Комиссаржевской под руководством актера Рудина вновь посетила Новониколаевск, но уже без Веры Федоровны, скончавшейся в феврале 1910 г. во время гастрольной поездки.

3 июня 1900 г. в театре «Яр» исполнил партию Евгения Онегина лирико-драматический баритон Л. Г. Яковлев, артист петербургского Мариинского театра. 5 июня того же года большая труппа столичных артистов поставила оперу «Демон». В 1914 г. партию Демона в одноименной опере исполнял на сценах города солист Петербургской императорской оперы Орлов. По свидетельству газеты его выступление прошло с большим успехом. «При исключительной красоте голоса он обладает выразительной мимикой, тщательной отделкой деталей, доводимой до высокой виртуозности». В Новониколаевске выступали также солист Мариинского театра А. М. Лабинский, оперный артист А. Н. Хохлов, лауреат Санкт-Петербургской консерватории Э. С. Бай. В их программу входили произведения, Леонкавалло, Шопена, Римского-Корсакова, Рахманинова, Скрябина.

В декабре 1911 г. новониколаевцы смотрели пьесу «Омут» на польском языке в исполнении польских артистов. Зимой 1912 г. в городе гастролировала лирическая певица, исполнительница русских песен и цыганских романсов Нина Ивановна Петипа. В ее исполнении прозвучали романсы «Дивные очи» (Денца), «Лебединая песнь» (Пуарье), баркарола «Зачем любить, зачем стра-

[1] Народная летопись, 1909, 13, 16 июня.

дать» (Малова) и другие произведения. Театральный сезон 1913 г. открыл известный виолончелист Богуслав Сикора, выступивший с большим успехом. В 1911—1912 гг. в Новониколаевске выступали труппа Щеголева, певец Севастьянов и др. Местный драматический кружок показал пьесы «Поздняя любовь», «Лес», «Супружеское счастье», «Гонимые», «Василиса Мелентьева». Журнал «Театр и искусство» писал: «Особенный успех имела последняя пьеса. Новые декорации, костюмы, бутафория и ансамбль произвели прекрасное впечатление. Очень хорошо были сыграны роли: Василиса Мелентьева (Алексеенко), царица Анна (Васенева), Колычев (Борзов), Шуйский (Зверяков), Воротынский (Станкеев)».

В мае 1914 г. в Новониколаевске звучал бас знаменитого артиста императорской оперы Л. М. Сибирякова (Спивака). Местные критики отмечали «необыкновенно обширный его диапазон, мягкий и выразительный, замечательный по благородству тембра голос».

В город неоднократно приезжали актеры «Русского передвижного оперного товарищества», радуя сибиряков постановками опер «Травиата» Дж. Верди, «Паяцы» Р. Леонкавалло, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Демон» А. Г. Рубинштейна, «Кармен» Ж. Бизе. Новониколаевцы долго сожалели о том, что им не посчастливилось услышать голос своего знаменитого современника Федора Ивановича Шаляпина, выступавшего по пути в Харбин в некоторых городах Сибири в январе 1914 г.

Чрезвычайным событием в театральной жизни города стал приезд в июле 1914 г. итальянской Миланской оперы в составе солистов хора и оркестра под управлением братьев Гонсалец.

Газета «Алтайское дело» извещала о весьме напряженной программе гостей: 18 июля — «Трубадур», 19 июля — «Сельская честь», 20 июля — «Травиата», 21 июля — «Фауст», 22 июля — «Кармен». Осенью 1914 г. проездом из путешествия по Китаю в Новониколаевске находился уникальный передвижной русский музей Паноптикум. Посетители ознакомились с выставкой необычайно интересных восковых фигур, посмотрели забавные кукольные спектакли.

Гастроли театральных коллективов в Новониколаевске проходили с большими трудностями из-за отсутствия специально приспособленных помещений. Осенью 1908 г. городское музыкально-драматическое общество подняло вопрос о строительстве Народного дома, но он так и не был по-

строен. Собственных средств у общества не хватало, а городская управа это предложение не поддержала. Спектакли часто показывали в помещении железнодорожного собрания с его маленькой сценой, убожеством декораций, плохим резонансом и отсутствием оркестра, заменявшегося роялем. С открытием помещения Коммерческого собрания в ноябре 1913 г. город стал располагать приличной сценой для театральных представлений.

Одним из первых содержателей цирка в Новониколаевске был небогатый предприниматель Э. А. Стрепетов. При осмотре помещения его летнего цирка шапито осенью 1911 г. комиссия отмечала, что «оно совершенно непригодно для представлений ввиду крайней ветхости».[1] Нередко в город приезжали столь малоизвестные и бедные цирковые труппы (чаще других бывал цирк С. А. Сержа), что арендная плата далеко не покрывала расходов Стрепетова. Да и сами гастролеры порой работали с большим дефицитом для себя. Поэтому они предпочитали сооружать собственные цирки-балаганы. Случалось, что летом в городе действовало несколько цирков. Новониколаевск посетил русско-японский цирк Гаупт, сюда неоднократно приезжал известный цирк Александра Гавриловича Коромыслова, знаменитый в России цирк Франца Яковлевича Изако. Начиная с весны 1915 г. цирки А. Г. Коромыслова и Ф. Я. Изако оставались в городе постоянно, действуя круглый год. Зимой представления шли в утепленных летних балаганах.

В цирковых программах, как правило, присутствовала силовая борьба, широко рекламировавшаяся накануне представлений. В местной газете помещались портреты богатырей, грудь которых украшала чемпионская лента, густо увешанная победными медалями. В 1910 г. в дни «международной борьбы» на арене цирка в Новониколаевске выступали борцы из Германии и Швейцарии, в чемпионате участвовали и местные силачи — новониколаевец Истомин, томич Нефедов.

Огромным событием в жизни города стали гастроли знаменитого «цирка зверей» дрессировщика Владимира Леонидовича Дурова — одного из родоначальников прославленной династии цирковых артистов Дуровых. В. Л. Дуров показывал полюбившуюся новониколаевским зрителям сатирическую сцену «Железная дорога», в которой все роли играли животные, а сам он пояснял действие,

[1] Обский вестник, 1911, 18 ноября.

обильно пересыпая комментарий острыми шутками, направленными против царской администрации. Сцена сопровождалась громкими аплодисментами и смехом. На все 7 представлений В. Л. Дурова в городе билеты можно было достать с большим трудом.

Первый синематограф в Новониколаевске основал купец Ф. Ф. Махотин. Коммерческий дух буржуазного кино обусловил появление в городе множества подобных заведений. Только в 1910 г. объявилось 4 театра — «Заря», «Иллюзион», «Модерн», «Москва». В различное время действовали также кинотеатры «Диана», «Анонс», «Луна», «Одеон», «Яр», театр товарищества Н. В. Лебедева и Н. Е. Царева. Кинокартины демонстрировались, кроме того, в помещениях Железнодорожного и Коммерческого клубов, в летних садах «Альгамбра» и Сосновском.

Кинотеатры располагались в центре города, преимущественно по главному проспекту и на Базарной площади, зачастую в малоприспособленных помещениях. Театр Ф. Ф. Махотина находился в собственном деревянном доме, о котором газета «Обский вестник» 20 октября 1911 г. писала: «Кинотеатр Махотина поражает своей неблагоустроенностью, зрительный зал грязен и напоминает «дешевую столовую». Скамьи не покрашены и тоже грязны. Плюс ко всему этому в театре ужасно холодно. О фойе и говорить нечего: тут, как в леднике». Здания, где демонстрировались киноленты, не всегда соответствовали строительному уставу. В то же время они вмещали сравнительно большое число зрителей. Так, театр Махотина располагал 180 зрительными местами, театр «Заря» имел 204 места, «Одеон» — 260 мест. Демонстрировались привозные немые картины в сопровождении музыки и голоса диктора за экраном. Поэтому при театрах содержались небольшие оркестры. В самом городе больших кинолент не снималось, а хроникальные картины делались в весьма торжественных случаях.

Многочисленные афиши и объявления в местных газетах призывали зрителей посетить кинотеатры, именуя их «лучшими», «первоклассными» и т. п., широко рекламировали фильмы. Часто демонстрировались легковесные фильмы-фарсы и кинокомедии, среди них фильм «Борьба с чувством» (рекламировался как «роскошная современная драма»), «Истинный вальс (комедия)», «Капризная невеста», «Непрошеные гости», «Непонятая трагедия (сотрясающая картина)», «Разбитое счастье (драма из жизни)», «Нервный тик (комедия)» и т. п.

Вместе с тем кино знакомило жителей с историческим прошлым Сибири и России в целом. Такова лента «Ермак Тимофеевич покоритель Сибири (большая историческая картина из времен царствования Иоанна Грозного)». Музыкальное сопровождение к этому фильму написал известный композитор, в то время профессор Московской консерватории М. М. Ипполитов-Иванов. Показывали также фильмы «Степан Разин», «Марфа-посадница, или падение Новгорода», «Богдан Хмельницкий», «Дмитрий Донской (историческая драма из времен нашествия татар)», драма «Дмитрий Самозванец», «Жизнь А. С. Пушкина» (картина была посвящена дуэли великого русского поэта с Дантесом и, по замечаниям прессы, «вызвала сочувствие к великому воспитателю русского юношества»).

На экранах появлялись инсценировки зарубежных и русских классических литературных произведений: «Дама с камелиями» Дюма-сына, «Три мушкетера» А. Дюма-отца, «Царь Эдип» — трагедия Софокла, «Оливер Твист» по Ч. Диккенсу, «Углекопы» и «Жерминаль» по Э. Золя, «Бойтесь толстых женщин» по произведению Мопассана, «Руслан и Людмила» и «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина. С успехом шли фильмы по романам Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», по пьесе А. П. Чехова «Чайка», романам Л. Н. Толстого — «Война и мир» («Наташа Ростова»), «Воскресение» («Катюша Маслова»), «Анна Каренина», И. С. Тургенева — «Отцы и дети» и «Накануне», А. М. Горького — «Фома Гордеев», в двух сериях (А. М. Горького в рекламах называли «великорусским гением»), А. И. Куприна — «Гранатовый браслет», Д. Н. Мамина-Сибиряка — «Приваловские миллионы» и др. В лучших фильмах снимались талантливые артисты русского кино — В. Корелли, И. Мозжухин, В. Полонский, М. Рейзен, Н. Ружковский, В. Холодная и др. С особым успехом шел в Новониколаевске фильм «Царь Иван Васильевич Грозный», в котором снимался Ф. И. Шаляпин.

Дореволюционный синематограф в Новониколаевске, воспитывавший население в интересах господствовавших классов и в духе шовинизма, хотя и знакомил с произведениями зарубежной и русской классики, уводил при этом зрителя в мир прошлого, стремился противопоставить действительности зачастую пустые фарсы, отвлекая трудящихся от повседневных бедствий и классовой борьбы. Эта тенденция (не без поддержки правительства) приняла особенно уродливые формы в годы первой мировой войны.

ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

Летом 1914 г. началась первая мировая война, империалистическая по своему характеру. Она оказала влияние на экономическую, культурную и общественно-политическую жизнь города, на положение различных слоев населения и революционную борьбу трудящихся масс против царизма и гнета капитала. В первый год войны население Новониколаевска сократилось на 13 тысяч человек, главным образом в связи с призывом в действующую армию, но затем оно увеличилось с 76 тысяч человек в 1914 г. до 107 тысяч в 1917 г. за счет притока жителей из деревни, беженцев и военнопленных. Как следствие этого удельный вес женщин и жителей нерусских национальностей несколько повысился. Изменился и сословный состав населения — преимущественно в сторону увеличения выходцев из крестьян. Резко возросла численность военного гарнизона: здесь формировались маршевые роты для фронта.

Новониколаевск, как и ранее, оставался прежде всего крупным торгово-транспортным пунктом Сибири. Промышленность, занятая в основном переработкой сельскохозяйственных продуктов, решающего значения не имела. Ведущую роль в ней сохраняло мукомолье, на которое приходилось примерно три четверти всей производимой промышленной продукции. Город по-прежнему поставлял муку для Восточной Сибири и Дальнего Востока, но теперь западное направление стало для хлебных грузов основным. В городе действовали «Новониколаевское мукомольное товарищество», «Южно-Алтайская мукомольная компания», товарищества «Лобастов и Корольков», «Беляков, Коротков, Копылов и К°», «Чернышев и С-я», мельницы И. Лукина и С. Белогорлова.

Составляя привилегированную часть новониколаевских промышленников, мукомолы-предприниматели занимали ведущие места в городском самоуправлении и биржевом комитете. В 1914 г. из 9 членов этого комитета 6 представляли мукомольные фирмы. Монополистические тенденции, усилившиеся в годы войны, проявились прежде всего в мукомольной промышленности. Весной 1914 г. самые крупные предприятия отрасли — «Новониколаевское мукомоль-

ное товарищество», «Южно-Алтайская мукомольная компания» и «Алтайская фабрично-промышленная компания» — объединились, организовав монополию «Алтайские мукомолы». Новое монополистическое объединение развернуло конкурентную борьбу, захватывая мелкие мельницы и заказы на поставку хлеба для армии. Предприятия деревообделочной, пивоваренной и некоторых других отраслей промышленности сократили производство, а число мыловаренных, кожевенных и сапожных предприятий, выпускавших продукцию для армии, увеличилось. Старые и вновь созданные колбасные и булочно-кондитерские заведения работали с полной нагрузкой, чтобы прокормить многочисленный гарнизон, беженцев и военнопленных.

В годы войны возникли военно-промышленные комитеты (ВПК), полуправительственные учреждения, созданные для того, чтобы улучшить работу военной промышленности, привлечь к снабжению армии вооружением и продовольствием буржуазию и другие слои населения, обеспечить прибыли капиталистам. Их организаторами выступили городские думы и биржевые комитеты. В сентябре 1915 г. вопрос о военно-промышленном комитете обсуждался и в Новониколаевске. В его состав вошла главным образом буржуазия: представители от биржевого комитета, городской думы, кооперативов, владельцев местных промышленных предприятий, от Омской и Алтайской железных дорог и др. Председателем ВПК стал Н. А. Туркин, глава фирмы «Алтайские мукомолы» и член биржевого комитета.

Военно-промышленный комитет Новониколаевска содействовал расширению сети частных промышленных предприятий, открывая их владельцам доступ к правительственным заказам. Поставкой изделий для армии занимались также сапожные мастерские Долгова, Крушевского, Парубилкина и др. Наиболее значительным предприятием, построенным при содействии комитета, был завод торгового дома «З. Г. Крюков и компания» и фирмы «Кожевенное товарищество 1915 год.» На заводе, имевшем динамо-машину, паровой и электрический двигатели, было занято более 50 рабочих. Для армии производились сапожные заготовки, подошвенные и другие товары. Годовая производительность составляла примерно половину всего кожевенного производства в городе. Завод действовал на акционерных началах. Наряду с крупными средствами местных отделений банков использовались также денежные вклады отдельных пайщиков. В 1917 г. общая сумма акционерного капитала достигала 700 тысяч рублей.

По инициативе ВПК к работе на акционерных началах перешел и завод «Труд». Чтобы привлечь владельцев мелких капиталов к участию в военных поставках, на базе чугунолитейного завода Петерса и Вермана в 1916 г. было создано и акционерное общество «Энергия» в составе Е. А. Крутикова, И. Д. Иванова и др. Новониколаевский военно-промышленный комитет занимался также поставками мяса и сала для воинских частей и госпиталей, принимал заказы на изготовление обозной упряжи. При выполнении заказов интендантства комитет постоянно сталкивался с недостатком средств.

Эвакуация же промышленных заведений в Новониколаевск не состоялась: здесь не было свободных зданий для их размещения, а для строительства новых не хватало средств. Владельцы предприятий с литейными и машиностроительными цехами предпочитали останавливаться на Урале, опасаясь нехватки в Сибири квалифицированных рабочих соответствующей специальности.

Большинство предприятий Новониколаевска, в том числе и созданных в военные годы, представляло собой мелкие заведения с небольшим числом рабочих. Рост их численности не сопровождался повышением технической оснащенности и таким же темпом роста производимой продукции. При увеличении за годы войны общего количества промышленных заведений примерно в 2 раза стоимость валовой продукции их возросла лишь на одну четверть.

В связи с военными перевозками с 19 июля 1914 г. на ст. Обь был приостановлен прием частных коммерческих грузов. Это привело к резкому снижению цен на товары в Новониколаевске, сделки на городской бирже прекратились. Купцы писали протесты в местный биржевой комитет, но быстро утешились. За взятки и подкупы станционных чиновников они отправляли свои грузы под маркой «военных». Все вошло в свою колею, цены стали расти, значение городской хлебной биржы повысилось. По отзывам самих торговцев, «в период войны торговля проходит лучше, чем в предшествующее время».

Количество торговых заведений в городе за годы войны выросло незначительно, а в 1917 г. сократилось по сравнению с предшествующими годами. Гораздо быстрее увеличивались их обороты, происходили изменения в характере самой торговли. В 1914—1917 гг. большую роль в торговой жизни города стала играть кооперация. В августе 1914 г. около 20 сельских потребительских обществ, тяготевших к городу, обратились к новониколаевскому обществу «Эко-

номия» с просьбой содействовать их объединению для лучшей организации сбыта сельскохозяйственной продукции и закупки промышленных товаров. 14 сентября 1914 г. состоялся объединительный съезд, организованный «Экономией». Объединенное общество закупало в деревне значительные партии хлеба, дров, сена для города.

В военные годы отчетливо проявилось стремление к объединению кооперативов в союзы. В феврале 1915 г. организовался союз кооперативов «Обский кооператор». К 1917 г. в городе действовали такие сибирские кооперативные центры, как Сибкредитсоюз, отделение Московского народного банка, Закупсбыт. Последний, объединив 28 районных кооперативных союзов, 2 миллиона пайщиков и капитал в 126 миллионов рублей, выбрал местом для своей центральной конторы Новониколаевск. При конторе Закупсбыта в городе имелись промышленные предприятия: парфюмерно-мыловаренная фабрика, кирпичный завод, химико-развесочная фабрика и ряд более мелких заведений. Союз имел собственную типографию и 2 печатных органа: ежемесячный журнал «Сибирская кооперация» и «Вестник Закупсбыта». Городские власти поручили кооперативам основную часть заготовок хлеба, овса и мяса для армии. Кооперация стала одним из главных поставщиков продовольствия на фронт.

В Новониколаевске находились отделения 6 торгово-промышленных банков — Государственного, Сибирского торгового, Русско-Азиатского, Русского для внешней торговли, Московского народного и Общества взаимного кредита, а также отделения 2 земельных банков — Нижегородско-Самарского и Ярославско-Костромского. В основном капитале Русско-Азиатского банка иностранный капитал (преимущественно французский) занимал 75 процентов, а в Сибирском торговом банке — 27 процентов. За годы войны влияние иностранного капитала, в первую очередь американского, на экономику Российской империи вообще и в Сибири в частности усилилось. За 1914—1916 гг. ввоз товаров из США в Сибирь и на Дальний Восток вырос с 1050 тысяч рублей до 124317 тысяч рублей. Если до войны основную часть ввозимых товаров составляли сельскохозяйственные машины, то в военный период увеличилась доля мануфактуры и галантереи.

Иностранный капитал из сферы торговли проникал и в промышленность, работавшую на войну. В Новониколаевске отделение Русско-Азиатского банка, действовавшего

при активной поддержке французских монополий, финансировало ряд крупных мукомольных фирм. Представители банка участвовали в управлении предприятиями, входя в состав дирекции. Русско-Азиатский банк финансировал военно-промышленный комитет города и кожевенный завод.

В 1914—1917 гг. роль Новониколаевска как важнейшего транспортного узла значительно повысилась. Отсюда вывозилось продовольствие для фронта, шли эшелоны с воинскими частями. Город был распределительным пунктом товаров, ввозимых из Европейской России и заграницы, военнопленных и беженцев, притекавших в Сибирь. Значение Новониколаевска как транспортного узла еще более возросло с открытием Алтайской железной дороги (1915 г.), Кулундинской и Кольчугинской веток (1916 г.). В связи с возросшими заготовками сырья и продовольствия в районах, отдаленных от железных дорог, увеличились и речные перевозки.

В развитии транспорта повышается роль банковского капитала и крупных капиталистических фирм. Транспортная контора С. С. Линда, действовавшая в Новониколаевске, участвовала в строительстве Алтайской железной дороги. Новониколаевская транспортная контора Богословского горнозаводского общества и «Товарищество Западно-Сибирского пароходства и торговли» фактически монополизировали перевозки по рекам Западной Сибири. Таким образом, для экономики Новониколаевска в 1914—1917 гг. были характерны те же процессы, что и для многих других городов страны. Война обострила конкурентную борьбу и усилила процесс монополизации, развитие кооперации и возникновение новых кооперативных союзов. Связи промышленности, торговли и транспорта с банковским капиталом значительно расширились.

Империалистическая война окончательно расстроила финансы страны. Новониколаевск, и в мирное время испытывавший нехватку денежных средств, увеличил дефицит городского бюджета почти в 10 раз. В связи с военным временем потребовались чрезвычайные расходы: на оборудование помещений для войск и снабжение их продовольствием, пособия солдаткам, содержание военнопленных и беженцев, издание военных сводок. Зимой 1915—1916 гг. в Новониколаевске скопилось 12 тысяч военнопленных, не считая тех, которые регулярно поступали для распределения в другие районы. Их содержание обходилось дорого, требовались большие средства на строительство бараков,

питание и одежду, обеспечение охраны и борьбу с эпидемическими заболеваниями. Датская делегация представителей международного Красного Креста, знакомясь с условиями жизни военнопленных в Новониколаевске, Барнауле, Бийске и Семипалатинске, признала их удовлетворительными. В ноябре 1915 г. в городе насчитывалось около 4 тысяч беженцев, на устройство которых также необходимы были деньги.

Расходы, связанные с войной, истощили бюджет Новониколаевска. Городские власти были вынуждены обращаться за денежной помощью к частным лицам. Общая задолженность Новониколаевска по займам превысила 1,5 миллиона рублей и приблизилась к сумме его годового бюджета. Это плачевным образом сказалось на городском хозяйстве, оно переживало упадок, от намеченных мероприятий по благоустройству пришлось отказаться.

В годы войны санитарное состояние города резко ухудшилось. Эшелоны призывников, проходившие через Новониколаевск на запад, массы пленных и беженцев способствовали распространению различных инфекционных заболеваний. Развитие эпидемий обычно начиналось с вокзала, всегда забитого людьми, вынужденными пользоваться питьевой водой, непригодной к употреблению. В угрожающе антисанитарном состоянии находились помещения, занятые войсками и военнопленными, а также прилегающие к этим зданиям дворы и площади. В городе не было канализации и водопровода. В проруби, где горожане брали воду, полоскалось белье заразной больницы. На весь Закаменский район имелся один колодец, принадлежавший частному лицу, и жители пользовались речной водой, загрязненной навозом и мусором. В апреле 1916 г. городской голова сообщал томскому губернатору, что поселок «Порт-Артур», самовольно заселенный 118 семьями рабочих и мелких служащих, находился «в самом антисанитарном и антигигиеническом состоянии и был очагом различных эпидемических заболеваний».[1]

Ощущалась острая потребность в водопроводе. Еще в 1914 г. фирма «Нептун» разработала проект сооружения водопровода, но война и отсутствие средств не позволили его осуществить. Подобная участь постигла и проект строительства городской электростанции. Энергии первой станции, «купеческой коптилки», как ее называли горожане,

[1] ГАНО, ф. 97. оп. 1, д. 188, л. 6.

построенной в 1912 г., хватало лишь на освещение домов богачей, учреждений и кинотеатров, большинство жителей пользовалось керосином и лучиной. Ночью город погружался в темноту, не освещались даже углы кварталов у переездов через Алтайскую железную дорогу. В мае 1914 г. городская управа получила разрешение на строительство электростанции, представила ее проект, одобренный учеными Томского университета, и в ноябре запросила у казны заем 750 тысяч рублей сроком на 40 лет. Заем правительство не дало, и строительство не состоялось, удалось лишь несколько увеличить мощность уже имевшейся электростанции. Разросшийся Новониколаевск был сильно разбросан, население его постоянно увеличивалось, и это обусловило потребность в более дешевых и быстрых средствах передвижения. Встал вопрос о строительстве трамвая. В начале января 1914 г. «Первое русское Восточно-Сибирское общество электрических трамваев» предложило построить трамвай в Новониколаевске концессионным способом. Общество уже имело опыт сооружения трамвая во Владивостоке и внушало доверие. В результате голосования городская дума на своем заседании постановила, что «находит концессионный способ постройки и эксплуатации трамвая в принципе приемлемым».[1] Дума просила А. К. Громадского, одного из двух компаньонов названного общества, представить проект постройки трамвая, что и было сделано к январю 1915 г.

Согласно проекту, длина трамвайной линии определялась в 6 верст (4 версты одиночного пути и 2 версты — двойного). Направление линии планировалось по наиболее оживленным участкам города — от вокзала ст. Обь по Михайловской улице через Базарную площадь по Николаевскому проспекту на Будаговскую улицу и по ней до ст. Алтайской железной дороги. Плата за проезд по 6 копеек за «конец», причем концом считался путь от вокзала до Базарной площади центральной части. К строительству намечалось приступить весной 1915 г. при условии утверждения проекта в Томске и Петербурге.

23 января 1915 г. на очередном заседании городская дума утвердила комиссию для детального рассмотрения проекта сооружения трамвая и условий его эксплуатации. После тщательного изучения она приняла проект, внеся в него отдельные уточнения. Для более основательной проверки проект направили на консультацию к томским уче-

[1] Алтайское дело, 1915, 21 января

ным, а затем на утверждение в Томское губернское управление.

Томскому губернатору проект показался «сомнительным и дерзким», о чем он не замедлил написать в сопроводительном письме в Министерство внутренних дел. Началось длительное путешествие проекта по кабинетам министерств, «дело» продвигалось крайне медленно. Город с нетерпением ждал его решения. В августе 1915 г. Министерство внутренних дел поставило под сомнение концессионный метод постройки, единственно возможный в условиях нехватки средств в городской казне, а значит, и саму идею с трамваем.

После дополнительного изучения проекта городской голова в телеграмме министру внутренних дел сообщил, что городская дума «находит концессию безусловно выгодной для города», и просил о скорейшем утверждении проекта.[1] За его продвижением в Петрограде следил специальный представитель города Дунин-Марцинкевич, туда же выехал концессионер инженер А. К. Громадский. Дело прошло в Министерстве внутренних дел, затем Министерстве финансов. Уже приближался строительный сезон 1916 г., а ответа не было. Наконец от Дунина-Марцинкевича пришла телеграмма о разрешении строительства на концессионных началах. Но в обстановке хозяйственной разрухи, охватившей страну, осуществление проекта концессионным или другим способом было невозможно. Трамвай в городе появился лишь при Советской власти.

Работы по благоустройству города в годы войны значительно сократились. Силами военных мостилась лишь Гудимовская улица (ныне Коммунистическая), озеленение не только прекратилось (до войны жители озеленяли отдельные участки, получая саженцы в городской управе), но и, в связи с недостатком дров, вырубили рощу за Каменкой. Неоднократные просьбы жителей Закаменского района сделать проезжими их улицы оставались неудовлетворенными. Змеиногорская, Инская и другие улицы были настолько узкими, что не позволяли встречным разъехаться, и пересекали крутые лога, опасные для проезда в распутицу. Но, как писали жители в своей жалобе, «самым вопиющим, вполне назревшим и неотложным» было строительство моста через Каменку.

В районе не было своего базара и многое приходилось покупать в центре города, проехать же в Закаменку оказы-

[1] Алтайское дело, 1915, 10 сентября.

валось невозможным ввиду очень большой крутизны Воронцовского спуска, выходившего на Телеграфную улицу. Это вынудило городскую управу начать строительство моста через Каменку, но к середине августа 1916 г. закончились лишь бетонные работы по его сооружению. Крупное строительство в городе прекратилось, кирпичный завод сократил производство кирпича. Строились, главным образом, объекты, связанные с военными нуждами.

В 1914—1916 гг. был построен торговый корпус филиала Богородско-Глуховской мануфактуры, принадлежавшей, известным московским фабрикантам Морозовым. Автор проекта А. Д. Крячков создал оригинальное сооружение, использовав не только кирпичные конструкции, но и железобетонную стоечно-балочную систему с ограждением из кирпичных стен. Архитектура здания двойственна: его конструкции и пространственное разрешение содержат элементы конструктивизма, а внешняя декорировка состоит из ордерных форм каменной архитектуры. В этом здании, надстроенном в 1927 г. на 2 этажа, теперь размещается главпочтамт.

2

Начавшаяся война осложнила и без того бедственное состояние народного образования в Новониколаевске. Несмотря на рост численности детей школьного возраста, ассигнования на нужды школ в 1914—1916 гг. сократились по сравнению с 1913 г. С наплывом беженцев приток детей в школы возрос. Городская управа открыла для них новую школу, увеличила число учащихся на один комплект, но проблему не решила: осенью 1915 г. в школу не попало 200 детей, осенью 1916 г.— 1650. К недостатку средств прибавилась острая нехватка помещений. 13 школьных зданий заняли под воинские части, военнопленных и лазареты. Осенью 1914 г. остро встал вопрос: «Будут ли функционировать учебные заведения в первый год войны?» Инспектор народных училищ обратился в думу с ходатайством об ассигновании средств на наем частных квартир под школы.

Школы ютились в домах Собенникова, Бутовича, Молчанова, Федорова и др., в бараках бывшего управления по строительству Алтайской железной дороги. Мужская гимназия, открытая накануне войны, лишилась учебного здания с первых месяцев существования. Помещение, пред-

назначавшееся для гимназии, пришлось отвести под военный лазарет. С большим ущербом для учебно-воспитательного процесса и здоровья учащихся гимназию разместили в здании реального училища имени Дома Романовых, где для нее отвели 4 комнаты. Но и временных помещений и частных квартир не хватало. Осенью 1916 г. кое-как удалось разместить для занятий в две смены 68 комплектов учащихся, а 26 комплектов осталось без помещения.

Школы действовали в тяжелых условиях. В частных домах, где они размещались, было очень тесно, не хватало тепла и света. При отсутствии освещения занятия во вторую смену в некоторых училищах велись только до 6 часов вечера, занимались в полутьме. Остро нуждаясь в денежных средствах, учебные заведения испытывали недостаток в книгах, учебных пособиях и в писчей бумаге. Дети часто приходили на занятия голодными. Более половины учеников Новониколаевской мужской гимназии,— читаем в отчете директора,— были «среднего и плохого питания».[1]

Количество учителей сократилось, а состав их изменился в результате призыва на фронт мужчин. Их заменили женщины и молодые практиканты. 3 воскресные школы, рассчитанные на детей городской бедноты, рабочих и кустарей, существовали только благодаря самоотверженности и неутомимости таких учителей, как Полянская, Кабакова, Козлов, Гирш, Выдрина, Агафонова. Далеко не все дети школьного возраста были охвачены школьным обучением. В 1916 г. учащиеся составляли лишь 2,5 процента от общего числа населения Новониколаевска.

Подавляющее большинство закончивших низшие начальные школы не могли учиться дальше, едва научившись письму и счету, дети покидали классы без надежды продолжить учебу. В августе 1915 г. городская дума возбудила перед Министерством просвещения ходатайство об открытии в течение 10 лет еще 2 высших начальных школ в Закаменском и Вокзальном районах города. Но условия времени не благоприятствовали осуществлению этих проектов.

Быстрое развитие экономики города предъявляло большой спрос на торгово-промышленных служащих. В сентябре 1916 г. при биржевом комитете открылась низшая профессиональная торговая школа с общеобразовательным курсом четырехклассного реального училища. В нее име-

[1] ГАТО, ф. 126, оп. 2, д. 3041, л. 2.

ли право поступать лица всех сословий, но, ввиду высокой платы за обучение, это могли делать в основном представители буржуазии. В год открытия начали функционировать первые 3 класса. Школа содержалась на пожертвования и средства, вносимые слушателями в виде платы.

В начале августа 1916 г. местный промышленный комитет высказался за создание в Новониколаевске специальной ремесленной школы. Вопрос о ней внесла на обсуждение открытого заседания комитета заведующая детским приютом «Ясли» М. В. Востокова. К 1916 г. приют арендовал за городом 120 десятин земли, имел различные хозяйственные постройки и животноводческую ферму, на которой в летнее время работали дети, заготавливая на зиму запасы продуктов. Зимой они обучались в приютских мастерских швейному, вязальному и сапожному ремеслу. Но в приюте получали элементарные навыки лишь немногие осиротевшие дети, с уходом же основных кормильцев в армию число беспризорных, нуждавшихся в устройстве, увеличилось. Независимо от этого военно-промышленный комитет принял решение об открытии ремесленной школы «для детей воинов», а при наличии в ней свободных мест — «для всех других детей граждан».

Первого сентября 1916 г. певец С. Н. Заводовский открыл в городе музыкальную школу. Первыми преподавателями были Я. С. Шабловская, П. В. Гедеонов, Н. В. Мельников. Одновременно (4 сентября) начала действовать подготовительная музыкальная школа Я. Ч. Свенторжецкой, учредительницы подобных школ в других городах. В обеих школах кроме специальных курсов игры на фортепьяно, скрипке, виолончели и других оркестровых инструментах изучались история и теория музыки, хоровое пение и другие дисциплины.

Школы обслуживали небольшую часть детей буржуазии, так как высокая плата за обучение закрывала их двери перед детьми трудящихся. Тем не менее их создание стало знаменательным событием в музыкальной жизни города. Школы положили начало систематическому распространению музыкальной грамоты, более широкой пропаганде музыкальных знаний. Уже в конце сентября 1916 г. преподаватели школы С. Н. Заводовского дали большой концерт, на котором исполнялись произведения Бородина, Чайковского, Шопена, Грига, Крейцера и др.

Следует сказать также об оркестре русских народных инструментов, деятельность которого приходится главным образом на годы войны. В феврале 1913 г. его создал при

Обществе взаимопомощи приказчиков Г. Е. Авксентьев. С закрытием Общества оркестр перешел к новониколаевскому Обществу попечения о народном образовании. В 1917 г. в первом городском оркестре играли 25 балалаечников, скрипачей, свирельщиков и других музыкантов. Они много сделали по сбору и обработке народных мелодий в Сибири и их пропаганде. За 4 года (к февралю 1917 г.) оркестр дал более 50 концертов, в его составе получили музыкальную подготовку свыше 200 человек.

В годы войны в Новониколаевске действовали 4 библиотеки: городская имени А. П. Чехова, 2 библиотеки Общества попечения о народном образовании и частная библиотека С. М. Софоновой. В ведении Общества находились «фундаментальная» и закаменская библиотеки. Первая состояла, главным образом, из книг, перешедших от библиотеки Общества приказчиков, закрытого в 1913 г. Закаменская библиотека и читальня бесплатно обслуживала бедноту рабочих районов. В 1915 г. ее перевели в центр города. Открытие за Каменкой отделения переведенной библиотеки (об этом посылали ходатайство губернатору) так и не состоялось до конца войны. Библиотека Общества попечения о народном образовании не могла удовлетворить запросы читателей, так как в 1916 г. располагала всего 5 тысячами книг. Не имея средств, она существовала на случайные добровольные пожертвования, которых не хватало даже на выписку газет и журналов.

Нехватка литературы ощущалась и в библиотеке имени А. П. Чехова. Лишь в конце 1916 г. библиотека выписала некоторые газеты и журналы, в том числе детские, а также стенографические отчеты Государственной думы, но из-за нерасторопности городской управы поступление их задерживалось на неопределенное время. Городская управа, изыскивая дополнительные средства для своих нужд, осенью 1914 г. ввела плату за выдачу книг из библиотеки имени Чехова. Это еще более затруднило доступ рядовому читателю к книгам и газетам, хотя интерес к общественным вопросам в связи с войной вырос. В целях повышения религиозности населения церковные власти города открыли при соборе А. Невского бесплатную библиотеку с книгами богословского содержания.

Мировая война оказала отрицательное влияние и на издательское дело в Сибири. Сократилось число названий издаваемых газет и книг при увеличении тиража всевозможных лубочных брошюр о войне, карт военных действий и тому подобной печатной продукции. Фактически был

приостановлен выпуск новых книг по всем отраслям знаний, а также по вопросам, не имеющим непосредственного отношения к войне. В первый военный год число выпущенных книг в Сибири уменьшилось на 43 процента по сравнению с 1913 г. Наиболее крупными издательскими центрами в Западной Сибири перед войной были Томск, Омск и Новониколаевск. Уже в 1914 г. Омск и Новониколаевск теряют свое первенство. Если в 1913 г. в Новониколаевске издано 20 названий книг тиражом в 7790 экземпляров, то в 1914 г. вышла всего одна книга в количестве 160 экземпляров. В 1914—1916 гг. в городе выходила всего лишь одна газета «Алтайское дело», издаваемая владельцем типографии Литвиновым. С 1916 г. начинают издаваться газета «Голос Сибири» и журнал «Обский кооператор» — буржуазные органы, выступавшие в поддержку империалистической войны.

В годы войны во многих общественных зданиях, в том числе театре коммерческого собрания, разместились воинские части. Одним из немногих мест для спектаклей и лекций был зал городской думы. Некоторое время в порыве «патриотизма» городская управа шла навстречу общественным организациям по устройству благотворительных вечеров, отдавая зал бесплатно. Но к концу 1915 г. в предоставлении помещения дума категорически отказала. Некоторые учреждения культуры закрылись, функционировали лишь наиболее крупные заведения: кинотеатры Ф. Ф. Махотина и «Диана», театр «Миниатюр» и новый театр «Гигант».

В кинофильмах, демонстрировавшихся в период войны в Новониколаевске, преобладала военная тематика.

События первой мировой войны нашли отражение в фильмах «Сестра милосердия», «Бой в воздухе», «Смотр молодых матросов государем в Севастополе (снимок с натуры)», «Подвиг рядового Василия Рябова. (Как умирает русский солдат за веру, царя и отечество. Военная быль из жизни незаметных героев.)» Первая часть фильма носила название «Мобилизация в деревне», вторая — «Рябов отправляется на подвиг», третья — «Спокойная встреча смерти», четвертая — «За царем служба не пропадет». Подобные фильмы направлялись на поддержание в массах шовинистических настроений и царистских иллюзий, на оправдание захватнической политики самодержавия.

В Новониколаевске изредка демонстрировались также кинокартины, отразившие первые опыты экранизации произведений русской классической литературы: «Руслан и

Людмила», «Отцы и дети» (по роману И. С. Тургенева), «Анна Каренина» с участием артистов Малого театра, «Гранатовый браслет» (по рассказу А. И. Куприна). Но таких фильмов было немного, они представляли исключение в репертуаре кинотеатров города. Затянувшаяся война и связанные с ней беды вызывали в определенных кругах пессимистические настроения, проникавшие и в киноискусство. С 1916 г. на экранах все чаще появлялись такие названия лент, как «Гибель надежды», «Пляска смерти», «Когда вернется папа» и др.

Для пропаганды «защиты царя и отечества» использовалась и арена цирка «Изако». Выступления борцов (в сентябре 1915 г. Казанское атлетическое общество «Сила и здоровье» организовало в Новониколаевске турнир на звание чемпиона Сибири с участием отечественных и зарубежных борцов) чередовались с показом инсценировки «Подвиг казака Козьмы Крючкова — эпизод из современной войны». Сборы от цирковых представлений нередко использовались на нужды лазаретов, беженцев и т. д.

Волна верноподданнических чувств, охватившая буржуазное общество, не миновала и театральные подмостки. Отражением этого было представление «За царя, за Родину», показанное в театре «Миниатюр». Ставились также легкие фарсы и водевили. В 1916 г. на основе самодеятельного музыкально-драматического общества в городе была создана театральная труппа. Ее возглавил артист Г. А. Соколов, отметивший 25 января 1917 г. 45-летие своей сценической деятельности, из которых 40 лет он проработал в Сибири. Юбилей артиста отметили постановкой комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». Репертуар труппы отражал демократические тенденции в развитии театрального искусства того времени. В сезон 1916/17 г. поставили «Три сестры» А. П. Чехова, «Доходное место» и «Бедность — не порок» Н. А. Островского, «На дне» А. М. Горького, «Горе от ума» А. С. Грибоедова и др.

Труппа Г. А. Соколова, не имея своей сцены, выступала в различных помещениях. Весной 1916 г. городская управа передала в ее распоряжение летний театр в саду «Альгамбра». Правление Общества попечения о народном образовании, стремясь придать летнему театру «народный характер», а заодно повысить сборы, отменило продажу театральных билетов и ввело повышенную плату за вход в сад, где шли представления. Но это не облегчило деятельность труппы, в ее составе осталось только 5 мужчин,

что вызвало трудности с исполнением мужских ролей, не хватало средств. После недолгого существования труппа распалась.

С началом войны приезд солидных гастролеров значительно сократился. В конце мая 1915 г. Новониколаевск посетила труппа московского театра Ф. А. Корша в составе 32 человек, гастролировавших по городам Сибири и Дальнего Востока. Их приезд — знаменательное событие в культурной жизни города. Гости показали пьесы «Отголоски жизни» Борисовского, «Начало карьеры» Рыжкова и др. Один из рецензентов писал: «В день первого спектакля труппы Корша зал оказался переполненным, несмотря на всеобщий интерес к войне и на весьма возвышенные цены. Дебютировавшие перед нашей публикой в пьесе «Отголоски жизни» артисты театра Корша с честью оправдали свою популярность. Не будем останавливаться на игре каждого из артистов в отдельности, так как положительно теряемся, кому отдать пальму первенства. Все бесподобны».[1]

В 1916 г. при переполненном зале в Новониколаевске состоялись концерты знаменитого виолончелиста Богумила Сикоры, получившие восторженные отзывы слушателей, а в январе 1917 г. выступала известная балерина императорского театра Е. В. Гельцер. Гораздо чаще приезжали гастролеры, по словам местной газеты, «ничего общего с искусством не имеющие».[2] Таким образом, в культурной жизни города нашли отражение процессы, характерные для страны в целом. Война углубила кризис дворянско-буржуазной культуры, поставив ее на службу захватнической политике самодержавия. Наряду с этим получили развитие элементы демократической и пролетарской культуры, связанные с борьбой трудящихся масс во главе с рабочим классом против помещиков и буржуазии.

3

Буржуазия Новониколаевска выступила в поддержку империалистической войны и политики царского правительства. Торжественными молебнами и выражением преданности монарху приветствовала она начало военных действий. 23 июля 1914 г. в городе состоялась «патриотическая манифестация». Толпа именитых горожан со свя-

[1] Алтайское дело, 1915, 29 мая.
[2] Там же, 18 июня.

щенником впереди, с портретом императора и хоругвями прошла по улицам города, протяжно распевая «Боже, царя храни» и «Спаси, господи, люди твоя». Через 3 дня на площади против торгового корпуса духовенство отслужило торжественное молебствие «о ниспослании победы русскому воинству в войне с Германией и Австрией». В новогодней поздравительной телеграмме главнокомандующему русской армией великому князю Николаю Николаевичу торговцы и предприниматели Новониколаевска 30 декабря 1914 г. выразили надежду, что «в новом лете коварный враг будет сломлен».[1] Шовинистические настроения охватили значительную массу мелкой буржуазии, интеллигенции и на первых порах — часть рабочих. Для поддержания этих настроений городская управа и церковнослужители использовали печатное и устное слово, проводили массовые молебны и крестные ходы в честь взятия русскими войсками Перемышля, по случаю празднования «видения иконы казанской божьей матери» и т. п.

Торговцы и предприниматели втянули город в «Союз городов», всероссийскую буржуазную организацию, ведавшую помощью раненым и беженцам. Городская дума выделила вступительный взнос в кассу Союза — 1000 рублей. Создаются также отдел Сибирского общества для подачи помощи раненым, общество ремесленников для помощи семьям взятых на войну и раненым воинам и др. Об их задачах откровенно сказал на собрании биржевого общества член Государственного Совета Е. Я. Зубашев, прибывший в Новониколаевск для организации отдела Сибирского общества помощи раненым: сплотить «всех граждан» и «все партии без различия убеждений», чтобы «принять участие в великой битве народов».

Спекулируя на естественном сострадании к раненым и беженцам, буржуазия стремилась вовлечь массы в дело поддержки империалистической войны. Собрание избрало совет отдела во главе с предпринимателем Н. А. Туркиным и учредило для раненых койки имени Е. Я. Зубашева, члена Государственной думы от Томской губернии И. К. Пименова, Н. А. Туркина и Н. М. Кетова. Под аккомпанемент шовинистической пропаганды начался сбор пожертвований для сибирских частей и раненых солдат.

Новониколаевское общество взаимного страхования собирало теплые вещи, табак и даже пасхальные куличи и крашеные яйца, чтобы направить их ко дню пасхи «прямо

[1] Алтайское дело, 1914, 30 декабря.

в окопы». В декабре 1916 г. городской голова обратился с призывом к населению жертвовать деньги, в городе производились «дни» извозчика, учителя, ремесленника, банщика и т. д. Отдел Сибирского общества помощи раненым собрал средства для открытия госпиталя имени Новониколаевска. С этой целью устраивались благотворительные вечера и концерты, музыкально-драматическое городское общество сделало отчисления, показав пьесу «На маневрах». Весной 1915 г. начался новый тур сбора пожертвований, для чего город разделили на 20 участков.

Буржуазия создала также Новониколаевское общество увековечения памяти героев великой мировой войны, возникшее в 1914 г. Учредителями его выступили крупные предприниматели и торговцы. Председателем правления избрали полицмейстера Г. Г. Бухартовского, его заместителем — Н. А. Туркина. Общество предложило построить Дом инвалидов войны, чтобы использовать это мероприятие в целях шовинистической пропаганды.

Здесь мы опять сталкиваемся с примером того, как царские власти и буржуа спекулятивно использовали естественное сочувствие простых людей к инвалидам. Благородной самой по себе идее заботы о тяжелораненых придали определенный политический смысл — представить империалистическую войну «великой», «народной», скрыв ее грабительский характер, продемонстрировав «единство» царя и народа. В конечном итоге все направлялось на то, чтобы усилить «патриотические» настроения и поддержку войны со стороны народных масс. Этот и другие подобные приемы — не изобретение буржуазии Новониколаевска, они широко использовались царским правительством и буржуазией всей страны.

Общество активно собирало на строительство Дома инвалидов крупные пожертвования богатеев и десятикопеечные взносы бедняков, использовало отчисления от зарплаты рабочих и служащих, вносимые владельцами различных заведений. Списки пожертвователей печатались в газетах. Правление Общества утвердило комиссию в составе инженера Б. М. Блажевского, городского головы А. Г. Беседина, членов думы Н. Л. Ипполитова, Н. Н. Изосимова и др., одобрило проект Дома инвалидов, разработанный А. Д. Крячковым[1], и место его строительства —

[1] Проект представлял собой композицию, составленную по правилам классицизма. Симметричный фасад венчал плоский купол и шестиколонный дорический портик с лестницей во всю его ширь. Гладкие стены украшали его руст цокольного полуэтажа и боковые выступы.

угол Николаевского проспекта и улицы Гоголя. С весны 1916 г. начались строительные работы, но вскоре они прекратились. Сооружение здания закончилось в 1925 г. со значительными изменениями проекта А. Д. Крячкова. (В настоящее время в нем размещается окружной Дом офицеров.)

Заинтересованность буржуазии в поддержке империалистической войны и политики самодержавия нетрудно объяснить: война принесла ей колоссальные прибыли. Особенно увеличились они на мукомольных предприятиях. Их владельцы купались в роскоши. Накануне февраля 1917 г. глава фирмы «Алтайские мукомолы» Н. А. Туркин купил в Кисловодске за полмиллиона рублей роскошную дачу. Крупные барыши наживали торговцы. Покупая, например, в Херсоне нашатырь в порошке по 11 рублей за пуд и уплачивая за доставку около 3 рублей, владелец аптеки Ковнацкий продавал его в Новониколаевске по 28 рублей за пуд, торговец Ф. Д. Маштаков — по 36 рублей.

Рост прибылей сопровождался усилением эксплуатации и обнищанием трудящихся. Война всей тяжестью пала на плечи рабочего класса, городской бедноты. Состав рабочих в военные годы значительно изменился. Кадровых рабочих, призванных в армию, заменили крестьяне из окрестных деревень, беженцы и военнопленные. Среди рабочих повысился удельный вес женщин и подростков. Все это усложняло процесс политического воспитания рабочих, влияло на ход революционной борьбы. Выходцы из мелкой буржуазии, попавшие в рабочую среду, представляли собой питательную среду для шовинистических настроений и деятельности мелкобуржуазных партий. Эти настроения коснулись части рабочих, но в массе своей они отрицательно отнеслись к войне, усугубившей их лишения.

Обязательным постановлением томского губернатора на предприятиях ввели одиннадцатичасовой рабочий день. Длительность рабочего дня на службе пути устанавливалась в шестнадцать часов — с 5 часов утра и до 9 часов вечера. В конце июля 1914 г. в городе ощущался недостаток рабочих рук, но скоро ситуация изменилась. Повышение интенсивности труда занятых рабочих и увеличение рабочего дня, нужда в работе женщин и подростков, потерявших кормильцев, приток военнопленных и беженцев — все это обусловило растущий избыток рабочих рук. Новониколаевские промышленники довольно широко использовали дешевую рабочую силу военнопленных. Заявки на нее поступали от крупных мельниц, торговых фирм, заво-

дов и владельцев мастерских. Осенью 1905 г. в городе насчитывалось примерно 4000 пленных, занятых на общественных работах и в частных предприятиях.

Газеты сообщали о безработице среди служащих и чернорабочих. «Сибирская жизнь» перепечатала выдержки из заявлений рабочих в бюро труда при Новониколаевском военно-промышленном комитете: «Хозяева, пользуясь дешевым трудом военнопленных, систематически уклоняются брать русских свободных рабочих, которые в поисках работы разъезжаются в другие города».[1] Безработица увеличивалась по мере роста хозяйственной разрухи и сокращения производства сельскохозяйственных продуктов, на переработке которых специализировались многие предприятия города. Летом 1916 г. в связи с истощением запасов сахара закрылись кондитерские заведения Николаева и Титова, завод искусственных минеральных и фруктовых вод Н. А. Адрианова и др. К концу августа закрылось до десятка кондитерских заведений, а их рабочие лишились работы.

Число безработных пополняли беженцы. Немногим из них удавалось найти работу. На январь 1916 г. лишь 358 беженцев из 5471 имели заработок. Нуждающихся в государственном пособии, то есть не имеющих даже куска хлеба, по данным Новониколаевской управы, насчитывалось 1218 человек.[2] Массовую безработицу среди женщин отмечал заместитель председателя военно-промышленного комитета: выполнив заказ интендантства по шитью телогреек, солдатки «не брали свои паспорта обратно, а требовали и просили работы».[3]

Трудящиеся массы страдали от дороговизны, связанной с нехваткой товаров и спекуляцией торговцев. В Новониколаевске уже на следующий день после мобилизации началось вздорожание продуктов. Мукомолы повысили цены на муку, за ними последовали владельцы керосиновых складов, также поднявшие цены на свой товар. В мае 1915 г. хозяева хлебопекарни города обратились в думу с просьбой разрешить им «беспрепятственно повышать цены на хлеб».[4] Уже через год после начала военных действий цены на предметы первой необходимости в Новониколаевске выросли на 40—60 процентов, а на топливо — на

---

[1] Сибирская жизнь, 1916, 5 января.
[2] ГАТО, ф. 7, оп. 1, д. 5, л. 9.
[3] Алтайское дело, 1917, 8 января.
[4] ГАНО, ф. 97, оп. 1, д. 175, л. 149.

100 процентов. Продажа муки стала производиться по карточкам.

Наиболее остро ощущался недостаток сахара. Небольшие его запасы сосредоточились в руках купцов-спекулянтов, торговавших этим дефицитным продуктом по спекулятивным ценам и вынуждавших горожан при покупке брать в порядке «нагрузки» ненужные товары. С 15 августа 1915 г. для распределения в городе сахара была введена карточная система, в одни руки стали продавать не более 2 фунтов. Но это не ликвидировало «сахарного голода», который в дальнейшем усилился.

С осени 1915 г. в Новониколаевске усилился «дровяной голод». К зиме топливом запаслись лишь богатые купцы, дрова за бесценок скупили скупщики, которые наживались за счет бедственного положения большинства городского населения. Весной 1916 г. топливный кризис охватил и промышленные предприятия, в частности «Алтайскую фабрично-промышленную компанию». Ходатайства города о предоставлении вагонов для вывозки дров, заготовленных в соседних районах, и угля из Кузнецка отклонялись: железнодорожный транспорт страны переживал сильнейший упадок, и вагонов не хватало даже для военных перевозок. Используя обстановку, новониколаевские торговцы взвинтили цены на дрова до 44 рублей за кубическую сажень.

Наиболее высоким был прирост цен на обувь и мануфактуру (250—300 процентов).[1] В городе ощущалась острая нехватка спичек.

Рост цен на продовольствие и топливо вызвал вздорожание жилых помещений в городе, увеличение платы за пользование транспортом и т. д. С мая 1915 г. в течение года плата за жилье в Новониколаевске выросла в два раза. При большом повышении цен на все товары и услуги заработная плата рабочих повысилась незначительно. В 1915 г. она увеличилась в Сибири в среднем только на 9 процентов.[2] Как следствие острого недостатка продовольствия в городе, расширяется огородничество, разведение домашнего скота и птицы. Но трудящимся это не давало спасительного выхода, ибо возросшая арендная плата за землю была для них труднодоступной.

15 сентября 1915 г. городская управа в своем докладе на заседании думы признала: «Дороговизна, таким обра-

[1] ГАНО, ф. 97, оп. 1, д. 204, лл. 347, 370, 371, 396.

[2] О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916, с. 139.

зом, приняла характер глубокого социального явления». Буржуазия не могла и не хотела бороться с ростом дороговизны, ибо цены повышали заводчики, банки и торговцы. В ответ на обращение городского головы А. Г. Бесединa к предпринимателям с просьбой понизить цены на муку для горожан откликнулись только владельцы фирмы «Алтайские мукомолы», обещая удешевить мешок муки на 50 копеек, но и те не сдержали своего обещания. Обращения городской управы к предпринимателям, как и рассуждения об организации «общественного контроля» с участием «широких потребительских масс населения», «ограничении прибылей» и другие, были чистейшей демагогией, призванной скрыть истинные цели. Сама городская управа признавала, что в своей деятельности она «исходила из лозунга «все для победы»... Не разлад, а полное единение, только прочная спайка всех классов населения приведет страну к победе, в которой заинтересованы все, и прежде всего торгово-промышленный класс.[1] Вовлечь трудящихся в кампанию поддержки империалистической войны и политики самодержавия, заглушить революционное движение и обеспечить себе прибыли — вот к чему в действительности стремилась буржуазия и служившая ей городская управа.

Падение жизненного уровня трудящихся в годы войны сопровождалось ростом нищенства в городе. В 1914 г. была основана городская богадельня для «бесприютных людей». Рассчитанная на 20 человек, она вмещала 40, составлявших лишь незначительную часть всех, кто нуждался в призрении.

Война расстроила и без того слабо развитую сеть здравоохранения. В 1916 г. на 80 тысяч жителей города приходилось всего 2 городских больницы с 3 врачами и несколько частных врачей. Столь незначительному персоналу не под силу было бороться с массовыми эпидемиями, которые участились в годы войны. Для успешной борьбы с эпидемиями нужны были новые больницы, но за годы войны построили только небольшой холерный барак.

Новониколаевск в миниатюре отразил и политическое бесправие трудящихся масс России. В 1915 г. в состав его городской думы входили 4 дворянина, 11 представителей крупной буржуазии, купцов, личных и потомственных «почетных граждан» и 28 выходцев из зажиточных мещан и

[1] Борьба с дороговизной и городские управления. Вып. 11, М., 1916, с. 58, 59, 65.

крестьян, представлявших, главным образом, среднюю буржуазию города. Ни одного рабочего в городской думе не было. Чтобы не допустить их участия в управлении городом и впредь, дума на заседании 16 декабря 1916 г. приняла решение лишить права выборов на предстоящее четырехлетие жителей Вокзальной и Закаменской частей города, населенных рабочими, ремесленниками и мелкими служащими. Но это решение просуществовало недолго. Первая мировая война усилила революционное движение в стране, царизм доживал свои последние дни. Росло недовольство войной и самодержавными порядками, вылившееся в городские волнения и революционные выступления рабочих и всех трудящихся Новониколаевска.

4

В дни июльской мобилизации 1914 г. во многих районах страны вспыхнули волнения мобилизованных. В Томской губернии, стоявшей на одном из первых мест по их размаху, они были наиболее сильными в Барнауле, Новониколаевске, Кузнецке. Волнения были продолжением революционных событий 1905—1907 гг., но в них прозвучал и стихийный протест против империалистической войны. Он проявлялся в виде требований выдать кормовые и пособия, улучшить условия транспортировки, обеспечить солдатские семьи топливом и т. д. Волнения запасных в Новониколаевске приняли значительный размах, так как к собравшимся на сборном пункте присоединились призывные с проходящих на фронт эшелонов.

21 июля 1914 г. четырехтысячная масса запасных двинулась от вокзала к воинскому присутствию. К ним присоединились рабочие. Участники шествия подняли красный флаг, слышались возгласы: «Свобода! Свобода!» Полицейские открыли огонь по собравшимся. В ответ на это запасные разбили оружейный магазин и вступили в перестрелку с полицейскими. В помощь полицейским прибыл взвод солдат и артиллерийский патруль, которых призывные встретили камнями и оружейным огнем. В схватке было ранено около двух десятков солдат и полицейских, пристав и офицер, командовавший карателями, а среди запасных двое убито и столько же ранено. Испуганные городские власти в этот день буквально засыпали губернатора телеграммами с просьбой прислать в город казаков, «полезность каковых показала практика в японскую войну».

23 июля произошло крупное вооруженное столкнове-

ние между запасными и полицейскими в районе вокзала при отправке эшелона. В результате 16 человек убито и 25 ранено. 24 июля на ст. Новониколаевск снова произошел инцидент: низшим запасным чинам прибывшего воинского эшелона приказали не выходить из вагонов во избежание новых погромов. Запасные отказались выполнить приказ, тогда вызвали солдат, которые силой оружия предотвратили попытку мобилизованных покинуть вагоны. В ходе перестрелки 9 человек было убито и 22 ранено, из которых 4 умерло. Запасные действовали при поддержке горожан. В донесении губернатору новониколаевский полицмейстер подчеркивал, что отношение большинства населения к лицам, «чинившим беспорядки на станции и на сборочном пункте»,— сочувственное. Выступления призывных не прекращались и зимой 1914 г. и наблюдались в окружающих селениях.

В годы войны царское правительство усилило репрессии против рабочего класса и его организаций. По предложению министра внутренних дел от 3 ноября 1914 г., отмечавшего малочисленность полиции в Новониколаевске, что не позволило «принять меры к предупреждению беспорядков, возникновение коих возможно ожидать и в будущем», Совет министров обсудил вопрос об учреждении в городе дополнительного полицейского участка и увеличении штата полицейских и расходов на их содержание.

Профсоюзы и рабочие клубы, не говоря уже о большевистских партийных комитетах, запрещались. Единственной открыто существовавшей в Новониколаевске политической организацией был черносотенный «Союз русского народа». Местные власти смотрели на черносотенцев как на одну из своих опор в борьбе против революционного движения.

В трудных условиях развертывала свою деятельность Новониколаевская большевистская организация. В годы первой мировой войны она, как и Томская, выдвинулась в авангард революционной социал-демократии Сибири. Наряду с другими причинами это объяснялось влиянием большевистской ссылки Нарымского края, образованием в Новониколаевске довольно сильного ядра большевиков и возрастанием экономической роли города. В различные годы в Новониколаевск приехали ссыльные большевики Г. Е. Дронин, А. А. Черепанов, С. И. Канатчиков, М. М. Загуменных, В. Р. Романов, Ф. И. Горбань, Д. И. Шамшурин, С. И. Якушев и др. В городе образовалась колония эвакуированных латышей, в том числе и

большевиков, поддерживающих связь с нарымской ссылкой. К 1917 г. в Новониколаевске находилось до 70 политссыльных. В их числе преобладали меньшевики и эсеры, всячески подогревавшие шовинистические настроения среди рабочих и служащих. Революционная агитация большевиков затруднялась и совместным с меньшевиками пребыванием в объединенной организации РСДРП.

С началом войны большевики проводили работу в массах под видом обследования положения семей призванных в армию торговых служащих, а затем и беженцев. Через членов семей мобилизованных устанавливались связи с солдатами гарнизона. Деятельность по созданию легальных профсоюзов не увенчалась успехом. Губернские власти так и не разрешили до Февральской революции открыть в Новониколаевске ни одной профсоюзной организации.

Местом встречи ссыльных и большевиков стала библиотека Общества попечения о народном образовании. С помощью заведующего библиотекой большевика К. Я. Растягаева выписывали марксистскую литературу, газету «Правда», журналы «Просвещение», «Вопросы страхования», «Вестник приказчика» и др. Через библиотеку устанавливали связи и явки. В Новониколаевске и других городах Сибири распространялись номера газеты «Товарищ пролетарий», издаваемой Союзом сибирских рабочих (основан большевиками в начале 1915 г. в Иркутске).

Характеристика политического положения в стране, данная в первом номере этой газеты, заканчивалась призывом «Долой войну!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Во втором номере члены Союза рассказывали о революционных событиях в Сибири, в том числе о волнениях в Новониколаевске, призывали к сочетанию нелегальной и легальной работы и объединению трудящихся для свержения самодержавия. В прокламации Союза, также распространявшейся в Новониколаевске, разоблачался грабительский характер войны и содержался призыв к вооружению всего народа.

Большевики руководствовались в своей деятельности ленинскими документами об отношении к войне. Материалы партийных конференций и статьи большевистских органов, переписанные от руки, рассылала по Сибири Е. Д. Стасова, отбывающая ссылку в Енисейской губернии. Но, ввиду дальности расстояний, условий конспирации и отсутствия прямых связей с большевистским центром, партийные документы доходили до Новониколаевска с большим опозданием. В частности, обращение Циммер-

вальдской конференции новониколаевским большевикам удалось перепечатать и распространить только в 1916 г.

В 1916 г. группа ссыльных большевиков организовала при типографии Литвинова газету «Голос Сибири». Ее официальным редактором стал К. Я. Растягаев. В газете сотрудничали большевики С. И. Канатчиков, Г. Е. Дронин, Ф. П. Серебренников, В. Р. Романов, А. А. Черепанов, Ф. И. Горбань и др. Несмотря на строгость цензуры и противодействие меньшевиков (они группировались вокруг Н. А. Рожкова, который фактически редактировал «Голос Сибири»), большевики широко использовали газету для революционного воспитания рабочих. В ней освещались события в стране и Сибири, тяжелое положение рабочих и крестьян, разоблачалась буржуазия, наживавшая большие прибыли на военных поставках.

К концу 1916 г. в редакции «Голос Сибири» образовалась группа РСДРП, которая вела систематическую работу среди трудящихся города, призывая к борьбе против войны и революционному свержению самодержавия. Свои соображения о тактике и революционных задачах на ближайшее время группа послала в «Военно-социалистический союз», возникший в сентябре 1916 г. в Томске по инициативе мобилизованных большевиков нарымской ссылки во главе с Н. Н. Яковлевым и В. М. Косаревым. «Союз» начал вести подпольную работу среди войск сначала томского, а затем и других гарнизонов Сибири. Установлению тесных связей с Новониколаевском способствовала отправка из Нарыма группы ссыльных в местный гарнизон, которые сразу же по примеру Томска образовали новониколаевскую группу «Военно-социалистического союза».

По сведениям Томского жандармского управления, в нее входили прапорщик 17-го Сибирского стрелкового запасного полка Титов, солдаты этого же полка — ротный писарь С. И. Исаков, «главный из солдат, через которого распространялись прокламации», Дм. Котельников, Э. М. Озолин, Л. Звержинский, И. Попов. Прокламации «Союза» распространялись «через особо доверенных солдат-кадровиков». По 17-му полку — это В. Сверчук (6-я рота), Паршин (11-я рота), Кожалов (15-я рота), Пеньковский (707-я томская дружина) и др. Одним из руководителей политической работы среди солдат новониколаевского гарнизона был большевик А. Ф. Клеппер, мобилизованный из нарымской ссылки в армию, военнослужащий 17-го Сибирского стрелкового полка. Много сделал

для распространения прокламаций Ф. И. Горбань. Для налаживания связей с военными организациями большевиков в Новониколаевск и другие города Сибири по заданию «Союза» выезжал В. М. Клипов.

Уже в начале января прокламации «Военно-социалистического союза» распространялись среди солдат стрелковых полков и ополченской дружины в Новониколаевске. Томское жандармское управление поначалу даже полагало, что «прокламации эти привозятся из Киева, где они, по-видимому, и изготавливаются»[1]. Жандармы не могли представить, что ссыльные большевики, совсем недавно мобилизованные в армию, могли так быстро организовать печатание и распространение прокламаций. В прокламации «К маршевикам» члены «Союза» изложили программу революционной работы большевиков в войсковых частях. Солдат призывали создавать комитеты и объединяться в «Союз», отказываться от подавления выступлений масс, а с началом революции выступить в поддержку народа и повернуть оружие против самодержавия и капиталистов. Этот же призыв содержался и в прокламации «Война войне! Кто должен победить?». В ней раскрывался классовый характер войны, развязанной в интересах капиталистов. Составители листовки обращались к читателям: «Распространяйте среди товарищей. Прячьте от начальства». И солдаты не только распространяли среди товарищей, но увозили их на фронт, посылали в деревню.

Большевики Новониколаевска провели большую работу по разоблачению захватнического характера империалистической войны и революционному воспитанию рабочих, служащих и солдат, возглавили их борьбу против царизма и капитала. С августа 1914 г. до февраля 1917 г. в Сибири произошло 150 забастовок. В этой борьбе участвовали и рабочие Новониколаевска. В марте — апреле 1915 г. бастовали грузчики и другие рабочие «Алтайской фабрично-промышленной компании». Забастовку возглавил нелегальный профсоюз грузчиков, руководимый большевиком С. А. Шварцем. Рабочие добились удовлетворения своего требования — повышения зарплаты на 25 процентов.

В забастовке грузчиков всех мельниц и пароходной пристани Новониколаевска, начатой 5 июня 1915 г., участвовало 2 тысячи человек. Забастовкой руководили большевики В. Кидяев, Ф. Серебренников, М. Каширцев и Соколов. Она длилась больше недели, рабочие выдержали

[1] ЦГАОР, ф. 102, ДПОО, 1917, д. 1293, ч. 82, лит. Б., л. 5.

натиск конной полиции, пытавшейся нагайками выгнать их на работу, и, в конечном итоге, вынудили предпринимателей повысить им зарплату. И хотя вскоре полиции удалось разгромить союз грузчиков, их забастовки имели большое значение. Они свидетельствовали о провале расчетов буржуазии, стремившейся заразить рабочих шовинистическими настроениями и заглушить их революционную борьбу. Под руководством большевиков грузчики продолжали борьбу и в 1916 г. Их забастовки служили примером для рабочих других предприятий.

10 ноября 1915 г. забастовали рабочие колбасного завода Черноярского и Верблюдова, часть из них отказалась продолжить работу, требуя ввести получасовой перерыв для чая в дополнение к обеденному. Рабочие не добились удовлетворения своих требований, 7 человек было уволено. Однако губернатор вынужден был сделать владельцам завода «соответствующее внушение». Осенью 1915 г. проходила забастовка извозчиков, требовавших повысить плату за проезд ввиду вздорожания фуража. Томский губернатор сообщал в особое отделение департамента полиции, что забастовки колбасников и извочиков были безуспешны, а их руководители подвергнуты «административному воздействию»[1]. Но, в связи с ростом цен на фураж, к весне 1916 г. городская дума повысила таксу для ломовых и легковых извозчиков.

Характерные черты забастовочного движения в Сибири проявились и в Новониколаевске. Стачки носили по преимуществу экономический характер и нередко заканчивались удовлетворением требований стачечников, ведущую роль в них играли не железнодорожники, как в годы Первой русской революции, а горняки (по Сибири в целом) и рабочие обрабатывающей промышленности (в городах). Это объяснялось переводом железных дорог на военное положение и жестокими репрессиями по отношению к железнодорожникам, ростом численности рабочих горной промышленности.

Рабочие Новониколаевска использовали и формы так называемого пассивного протеста — различные ходатайства и просьбы к представителям власти. К ним обычно прибегали занятые в мелких полукустарных заведениях недавние выходцы из мелкобуржуазной среды. В начале июня 1915 г. группа рабочих обратилась к городскому голове А. Г. Беседину с просьбой содействовать созданию спе-

[1] ЦГАОР, ф. 102, ДПОО, оп. 4, 1915, д. 108, ч. 77, л. 18.

циальной комиссии для урегулирования вопроса о продолжительности рабочего дня. В связи с постоянным нарушением постановления томского губернатора от 9 апреля 1908 г. работники городских парикмахерских в сентябре 1916 г. обратились в управу с просьбой дать им копию указанного постановления.

Для подавления революционного движения буржуазия пыталась использовать военно-промышленные комитеты, создавая при них так называемые «рабочие группы», призванные демонстрировать «классовый мир», якобы воцарившийся в стране. Большевики выступили против участия рабочих в этих комитетах. Но большевистские организации Сибири, ослабленные репрессиями и совместным с меньшевиками пребыванием в объединенных группах РСДРП, не во всех городах смогли предотвратить создание «рабочих групп». Они были созданы при Омском, Новониколаевском, Петропавловском и Бийском комитетах. Новониколаевские рабочие и большевики бойкотировали выборы в «рабочую группу». Тогда предприниматели при помощи служащих и поддержке меньшевиков и эсеров создали «рабочую группу» явочным порядком.

Они запретили секции труда ВПК печатать обращение к рабочим с призывом выбирать своих представителей и рекомендовали обратиться к избирателям через владельцев предприятий, чтобы хозяева послали в «группу» представителей по своему выбору. Назначенных капиталистами представителей руководство комитета пыталось объединить в одну группу с ремесленниками, чтобы полностью нейтрализовать рабочих. Во главе «рабочей группы» при Новониколаевском военно-промышленном комитете стал бывший социал-демократ, компаньон товарищества «Энергия», числившийся «слесарем по металлу», Е. Крутиков — Егорка, как его презрительно называли рабочие. После февраля 1917 г. Крутиков был разоблачен как провокатор и агент жандармского ведомства. В «рабочую группу» вошли также И. Д. Иванов, бывший социал-демократ, компаньон того же завода, эсер Губарев, от портных — мелкий торговец Пахтусов, член черносотенного «Союза русского народа».

С получением известий о том, что московские и петроградские большевики отозвали своих представителей из военно-промышленного комитета, большевистская организация Новониколаевска приняла решение об уходе рабочих из местного комитета. Об этом заявили на его заседании Г. Е. Дронин, А. А. Черепанов и С. И. Якушев. К кон-

щу 1916 г. из 10 представителей «рабочей группы» осталось только 3 и группа потеряла всякое значение. В январе 1917 г. буржуазия Новониколаевска попыталась оживить деятельность «рабочей группы» путем обновления ее состава.

С этой целью были проведены перевыборы членов «рабочей группы» при участии прибывшего из Иркутска ссыльного меньшевика, соглашателя и оборонца В. И. Герман-Каменского, который стал секретарем группы. На выборы пришло только 22 человека, избравших 10 новых представителей. Но в оставшийся до Февральской революции месяц «рабочая группа» уже не могла сделать ничего существенного. Буржуазии, таким образом, не удалось подчинить рабочих с помощью военно-промышленных комитетов, не удалось заглушить революционное движение.

В борьбу вовлекаются и торгово-промышленные служащие. Положение их в годы войны ухудшилось. В условиях дороговизны предприниматели упорно отказывались повысить служащим заработную плату, постоянно нарушали постановление 1908 г. о продолжительности рабочего дня. Большевики успешно вели политическую работу среди служащих. В частности, хорошо были организованы рабочие и служащие главной конторы «Международная компания жатвенных машин». Торгово-промышленные служащие Новониколаевска боролись за восстановление их профсоюза, закрытого в 1913 г., рассчитывая с помощью профессиональной организации добиться удовлетворения своих требований.

Среди солдат новониколаевского гарнизона также росло недовольство войной и порядками в царской армии. Сильное возмущение вызвала расправа над солдатом Казанцевым, крестьянином с. Тальменского Барнаульского уезда. Он прибыл 12 февраля 1916 г. в 23-й Сибирский стрелковый полк, расквартированный в Новониколаевске. 24 февраля во время дежурства у комнаты офицера, дежурного по батальону, Казанцев поставил винтовку, закурил папиросу и отказался назвать свою фамилию подошедшему офицеру. Вместо дисциплинарного взыскания прапорщик Степанов в присутствии командуемой им роты приказал солдатам бить Казанцева. Солдаты отказались выполнить этот приказ. Тогда прапорщик вызвал несколько человек и со словами «за это отвечаю я», с угрозами срубить головы шашкой настойчиво повторил приказ. Дневальным Степанов приказал никого не выпускать из казармы. Избиение длилось 45 минут. У Казанцева было

переломано 9 ребер и их осколками порвана печень. Вскоре он умер. Прапорщик Степанов, совершивший преступление, остался безнаказанным: его перевели в другую роту на должность младшего офицера. Все это вызвало «большое недовольство солдат» — доносил в департамент полиции начальник Томского жандармского управления.

Вполне закономерно, что в таких условиях, под влиянием большевиков среди солдат гарнизона зрели революционные настроения. Устанавливаются связи с рабочими города, проводятся совместные мероприятия. В мае 1916 г. на объединенном собрании рабочих, интеллигенции и военнослужащих, проходившем нелегально на одном из обских островов, обсуждался вопрос о внутреннем и международном положении страны и тактических задачах большевистской организации, всех революционных сил города. Перед солдатами собрание поставило задачу занять в ходе восстания железнодорожную и телеграфную станцию, склады с боеприпасами и продовольствием, а также арестовать начальника городского гарнизона. Некоторые пункты этого плана позже были осуществлены.

Солдаты активно участвовали в выступлениях женщин-солдаток против властей. Такие выступления представляли собой специфическую для военного времени форму протеста против затянувшейся войны, тяжелого материального положения, дороговизны и несвоевременной выдачи пособий семьям мобилизованных. Выступления горожан, преимущественно солдаток, прошли в Омске, Бийске и других городах, но, пожалуй, наиболее массовыми и решительными они были в Новониколаевске. 5 июня 1915 г. масса солдаток, других горожан и солдат (до 500 человек) собралась у здания управы и потребовала у городского головы выдачи пособий. Как сказано в материалах департамента полиции, солдатки «держались весьма враждебно», сорвали закрытую дверь кабинета головы и вызванной полиции «с трудом» удалось усмирить собравшихся и задержать несколько женщин и солдата. Городской голова Новониколаевска нагло заявил, что «эксцесс» произошел «не от материальной нужды, а от усиленного дарового пайка, приучившего их (солдаток.— *Авт.*) к праздности».[1] Тем не менее испуганная городская управа спешно изыскала средства на выдачу пособий солдаткам.

9 ноября 1916 г. в Новониколаевске произошло более крупное волнение. Возмущенные спекуляцией и очередным

[1] ЦГАОР, ф. 102, ДПОО, 1915, д. 141, ч. 77, лл. 2—4.

сокращением нормы выдачи сахара, объявленным в этот день, у городской продовольственной лавки собрались сотни горожан, главным образом, женщин и подростков. Они разгромили продовольственную лавку и мануфактурный магазин «Сибирского товарищества». Прибывшие к месту событий члены городской управы, прокурор и полицмейстер «с наличным составом полиции» пытались «увещевать» горожан, но это не возымело действия — в полицейских полетели камни. Горожан поддержали солдаты-фронтовики и недавно призванные ратники ополчения. К ним присоединился воинский патруль, вызванный для усмирения. В помощь полиции прибыла воинская команда, офицер приказал открыть огонь, но солдаты выстрелили вверх. В полицейских и офицера полетел град камней.

К месту событий прибыли дополнительные воинские части — 4 учебных команды, взвод по охране военнопленных и др. После стрельбы по безоружным участникам выступления войска под командованием начальника новониколаевского гарнизона генерала Коцурика бросились на них «в атаку с ружьями наперевес». В результате было убито 2 и ранено 5 женщин (по другим сведениям — ранено 4), несколько десятков человек арестовано, в том числе женщины.

В декабре 1916 г. волнения солдаток, возмущенных длительной задержкой продовольственного пайка, повторились. Камнями и палками отбивались они от полицейских и солдат воинских частей, присланных на усмирение. К женщинам присоединились ратники из ополчения и солдаты-фронтовики. В ходе расправы несколько человек убито и ранено. После суда 23 человека подверглись тюремному заключению.

Ободренные расправой над трудящимися, активизировались черносотенцы. В конце 1916 г. они разгромили мелкие еврейские лавки и попытались организовать погром потребительского общества «Экономия», игравшего большую роль в легальной деятельности большевиков. Но работники общества дали решительный отпор монархистам и пресекли их погромную деятельность. Репрессии городских властей и вылазки черносотенцев уже не могли остановить растущее движение. Надежды царского правительства и буржуазии на «классовый мир» не оправдались. Выступления рабочих и торговых служащих, мобилизованных и солдаток свидетельствовали о том, что революционный кризис, охвативший страну, проявился в Новониколаевске.

5

На рубеже 1916 и 1917 гг. продовольственные трудности и хозяйственная разруха в городе усилились. Новый год принес повышение цен на хлеб и мясо, введение карточной системы на отпуск муки. Город не имел запасов топлива, в феврале 1917 г. электростанция находилась на грани остановки. Многие торговые предприятия закрывались.

Посадив городскую экономику на мель, буржуазия спасалась бегством. Что же предприняли «отцы» города для предотвращения хозяйственной разрухи? Собравшись на совещание, представители городского управления, биржевого комитета и местного купечества учредили «особую нормировочную комиссию для надзора за ликвидацией фирмами своих дел». Задача комиссии сводилась к тому, чтобы контролировать деятельность фирм, не допускать утечки их товаров из города.

При повышении цен в городе на товары первой необходимости заработная плата оставалась на прежнем уровне, а на лесопильном заводе поденные расценки были снижены на 40 копеек. Дальнейшее ухудшение материального положения масс и расправа над солдатками вызвали возмущение рабочих, повысили их революционную активность. С требованием облегчить материальное положение выступили рабочие шорных мастерских, выполнявшие военные заказы; рабочие железнодорожного депо потребовали увеличить поденную зарплату на 25 процентов, улучшить условия труда и увеличить штаты занятых на сверхурочных работах. Одним из основных было требование восьмичасового рабочего дня. «Три восьмерки — 8 часов работы, 8 часов отдыха, 8 часов сна»,— писал об этом большевик Ф. П. Серебренников в статье «О сверхурочных работах», опубликованной 21 января 1917 г. в газете «Голос Сибири».

В этот период продолжали волноваться солдатки, вновь начались массовые выступления мобилизованных, возросла активность учащейся молодежи. В Новониколаевске, как и во всей стране, чувствовалось приближение революции. В феврале городской полицмейстер докладывал губернатору: «Все взоры как социал-демократов, так вообще рабочего класса обращены... на петроградских рабочих. Рабочие и служащие Новониколаевского железнодорожного узла выражают солидарность с бастовав-

шими железнодорожниками Москвы, Перми, требовавшими прекращения войны»[1].

2 марта 1917 г. редакция газеты «Голос Сибири» и городская дума получили телеграмму о революционных событиях в Петрограде и свержении правительства.

Вечером 2 марта состоялось экстренное заседание городской думы, на которое пришло немало горожан. Политические ссыльные, рабочие и служащие потребовали, чтобы дума признала переворот и немедленно организовала революционную власть. Растерянный городской голова Беседин лепетал о необходимости выжидания и спокойствия, о «достойной встрече событий». Дрожащими руками он снял с себя знак городского головы и под иронические выкрики собравшихся покинул заседание. Начали расходиться и гласные. Но тут встрепенулся меньшевик В. И. Герман-Каменский, призвавший членов думы «возглавить новониколаевскую революцию».

Вместе с городским головой они возвратились на совместное заседание с участниками митинга, проходившего в бирже, и образовали комитет общественного порядка и безопасности. Его председателем избрали эсера Н. Е. Жернакова, заместителями — меньшевика Н. А. Рожкова и эсера А. В. Сазонова. Под аплодисменты одобрили текст приветственной телеграммы в Петроград на имя меньшевика Чхеидзе. На заседание пришел полицмейстер. Позже под давлением масс его подвергли домашнему аресту, а затем отправили на фронт в действующую армию.

На следующий день весть о событиях в Петрограде разнеслась по всему городу. На предприятиях и в учреждениях проводились митинги и собрания, длившиеся иногда до поздней ночи. Говорили горячо и много, выражая радость в связи с падением самодержавия. 4 марта у здания городской думы состоялся торжественный парад войсковых частей, также одобривших свержение царя. Начались демонстрации, улицы заполнили празднично одетые люди, возбужденно обсуждавшие политические новости. На митингах трудящиеся потребовали уничтожить старый госаппарат, «обезоружить полицию и жандармов и отправить на фронт». Воинских начальников и жандармов арестовали, городская дума сложила полномочия.

В тот же день группа представителей ряда предприятий объявила себя временным Советом и обратилась с призывом к рабочим и солдатам провести выборы в посто-

[1] ПАНО, ф. 5, оп. 2, д. 391, лл. 1, 2.

янный Совет. Они проходили 5 и 6 марта 1917 г. В состав депутатов, представлявших 8 тысяч рабочих и 40 тысяч солдат гарнизона, были избраны большевики Ф. И. Горбань, Г. Е. Дронин, С. И. Канатчиков, А. Ф. Клеппер, Е. Б. Ковальчук, В. Р. Романов, Ф. П. Серебренников, С. А. Шварц, А. А. Черепанов, С. И. Якушев и другие — всего около 20 человек. В Новониколаевске, как и повсюду в стране, установилось двоевластие: Совет рабочих и солдатских депутатов представлял революционную диктатуру рабочих и крестьян, комитет общественного порядка был органом буржуазной власти.

Большинство мест в Совете получили эсеры и меньшевики, поддержанные городскими обывателями, солдатами и рабочими кустарных предприятий. Мелкобуржуазная волна захлестнула рабочих, заразила часть из них путаными взглядами на политику и подняла к руководству Советами меньшевиков и эсеров, демагогически обещавших выполнить революционные требования народа, покончить с войной. Представители этих партий в первые месяцы после Февральской революции преобладали в большинстве Советов Сибири и других регионов.

Председателем Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов стал В. И. Герман-Каменский, товарищами (заместителями председателя) — большевики И. Ф. Дьяков и М. И. Арбузов, одним из секретарей — С. И. Канатчиков. С 12 марта Совет начал выпускать газету «Известия», при его исполкоме оформились различные комиссии: организационная, продовольственная, конфликтная (разбор недоразумений, возникавших между рабочими и предпринимателями) и др. В некоторые из них вошли буржуазные деятели, а Совет послал своих представителей в продовольственную комиссию при городском комитете общественного порядка и безопасности, высказался за условную поддержку Временного правительства. Таковое положение, характерное для многих городов Сибири и центра страны, объяснялось преобладанием меньшевиков и эсеров в Советах, распространением в массах мелкобуржуазных иллюзий. Так, рабочие новониколаевских нефтяных складов товарищества «Нобель» 17 марта одобрили переход власти к Временному правительству и в то же время приветствовали Совет рабочих и солдатских депутатов. Только жизненный опыт в сочетании с разъяснительной работой большевиков мог помочь трудящимся массам избавиться от доверчивого отношения к соглашателям.

С получением известий о революции новониколаевская социал-демократическая организация вышла из подполья. 6 марта 1917 г. состоялось ее первое собрание, на котором присутствовало 27 человек. Они избрали городской комитет РСДРП во главе с Г. Е. Дрониным. В него вошли также большевики С. И. Канатчиков, А. К. Зарембо (Гастев), М. М. Загуменных, меньшевики В. И. Герман-Каменский, Н. А. Рожков. На Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов в Петрограде были избраны С. И. Канатчиков (от рабочих) и А. Ф. Клеппер (от солдат). Комитет принял обращение к гражданам, в котором призвал их «записываться в социал-демократическую огранизацию». В апреле она насчитывала до 300 членов, имела свою газету «Голос Сибири».

Существование в Новониколаевске и в Сибири в целом социал-демократических организаций, объединявших меньшевиков и большевиков, тормозило оформление самостоятельных большевистских организаций, мешало деятельности большевиков по подготовке рабочих к социалистической революции. Отступление от строго индивидуального отбора при приеме в партию привело к наплыву в Новониколаевскую городскую организацию РСДРП неустойчивых людей, облегчавших меньшевикам соглашательскую деятельность. 19 марта 1917 г. объединенная организация приняла меньшевистскую резолюцию о поддержке Временного правительства при условии «определенного давления» на него со стороны «демократии». Позиция «условной поддержки» порождала вредную иллюзию, будто буржуазия может проводить политику в интересах революции.

Перед большевиками встала задача разоблачения контрреволюционности буржуазии и пресмыкательства перед ней меньшевиков и эсеров.

Проводя работу в массах, большевики опирались на революционную активность рабочего класса. В начале марта рабочие и служащие Новониколаевска высказались на собраниях за организацию профсоюзов и поручили своим депутатам в Совете бороться за восьмичасовой рабочий день. Выполняя этот наказ, большевики уже на первом заседании исполкома Совета 6 марта предложили практические меры по созданию в городе профсоюзов рабочих и служащих. Инструктором по профсоюзной работе был избран С. И. Канатчиков. В комиссию Совета по организации профсоюзов вошли большевики Г. Е. Дронин, А. Ф. Клеппер, С. И. Якушев и др. По их инициативе Совет выдвинул задачу объединения «всех трудящихся

в профессиональные общества».[1] На мельницах, заводе «Труд» и других предприятиях прошли собрания рабочих и служащих, избравшие комиссии по организации профсоюзов. 14 марта Новониколаевский Совет официально предупредил всех предпринимателей о недопустимости увольнения рабочих без ведома исполкома и созданного при нем бюро труда, признал необходимым ускорить создание профессиональных союзов. На другой день комиссия городского Совета по организации профсоюзов решила провести обследование условий труда рабочих и служащих торгово-промышленных предприятий и приняла примерный Устав профессионального союза. Объединялись по профессиям и производствам.

В короткий срок возникли профсоюзы рабочих железнодорожного депо, фабрично-заводского производства, кожевенных предприятий, печатников, грузчиков, каменщиков, маляров, столяров, плотников, торгово-промышленных рабочих и др.— всего 18 союзов, объединивших к лету 1917 г. 4500 человек. С первых шагов профсоюзное движение в городе развивалось под руководством большевиков: грузчиков возглавили С. А. Шварц и П. А. Коваленко, железнодорожников — В. С. Кидяев, мельничных рабочих — И. Д. Дьяков, торговых служащих — М. В. Каширцев, пекарей — С. И. Якушев и т. д. В организации союза торгово-промышленных рабочих, крупнейшего в городе, активно участвовали Г. Е. Дронин, В. Р. Романов, Ф. П. Серебренников, строителей — братья Шамшины.

9 апреля общее собрание представителей профсоюзов избрало городское Центральное бюро, в состав которого вошли Г. Е. Дронин, Д. А. Шамшурин, С. И. Якушев. Первым председателем бюро стал большевик И. Е. Клименко, после его отъезда — Г. Е. Дронин, а секретарем А. Ф. Клеппер. Меньшевики пытались отвлечь профессиональные союзы от политических вопросов, но их предложение включить в устав Центрального бюро пункт о «нейтральности» профсоюзов большевики решительно отвергли. 2 апреля был опубликован «Образцовый устав профессиональных союзов», разработанный комиссией городского Совета во главе с С. И. Канатчиковым. Создание Центрального бюро профсоюзов способствовало преодолению раздробленности профессиональных организаций рабочих города, их сплочению для борьбы с капиталистами.

---

[1] Известия Новониколаевского Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 12 марта; Голос Сибири, 1917, 18 марта.

Одним из главных требований рабочих было установление восьмичасового рабочего дня. Временное правительство не хотело решать этот вопрос, его поддерживали меньшевики и эсеры, призывавшие ждать до созыва Учредительного собрания. Большевики призвали рабочих ввести восьмичасовой рабочий день явочным путем, не ожидая, когда их экономические требования будут осуществлены «в законном порядке». Первыми добились успеха железнодорожники: под напором массового движения в стране Временное правительство вынуждено было со второй половины марта ввести восьмичасовой рабочий день в мастерских и депо государственных железных дорог, в том числе и Сибирской.

Несмотря на сопротивление предпринимателей, Новониколаевский Совет по предложению Центрального бюро профсоюзов 27 марта объявил о введении на всех предприятиях города восьмичасового рабочего дня. Фабрично-заводские комитеты стали проводить это решение в жизнь. Но владельцы предприятий, опекаемые городской биржей труда и комитетом общественной безопасности, нарушали его под видом «работы на оборону». Расточая заявления о защите «интересов народа», меньшевики и эсеры фактически выступали против введения восьмичасового рабочего дня, предложив передать решение этого вопроса на усмотрение предпринимателей и рабочих, их добровольное соглашение.

Заботясь о «работе на оборону», они даже день первомайской демонстрации считали «прогульным» и настаивали, чтобы трудящиеся отработали его «в ближайшее воскресенье». Буржуазные органы власти, препятствуя сокращению трудового дня, устанавливали низкие ставки зарплаты рабочим, задерживали выдачу жалованья служащим биржи труда, не приняли мер к организации больничных касс. Борьба за сокращение рабочего дня способствовала политическому воспитанию трудящихся, начинавших осознавать вред соглашательской политики меньшевиков и эсеров.

В марте 1917 г. в Новониколаевске зарождаются элементы рабочего контроля над производством. Совет удалил старую администрацию железнодорожной станции, через профсоюзы и фабрично-заводские комитеты большевики организовали обследование предприятий и условий труда на них. Обличительные материалы обследований публиковались в печати.

С ростом борьбы рабочих усилилось сопротивление и

контрреволюционная деятельность капиталистов. В Новониколаевске они объединились в союзы промышленной и торговой буржуазии. Предприниматели организовывали саботаж, сокращали производство под видом нехватки сырья, начали клеветническую кампанию против рабочих и их организаций. Особенно злобно буржуазия нападала на большевиков, членов городского Совета, проводила их травлю в печати. С клеветой на местный Совет выступила реакционная газета «Свободная Сибирь».

Рабочие дали решительный отпор вылазкам буржуазии. 29 марта профсоюз грузчиков Новониколаевска потребовал от городского Совета пресечь клевету на газету социал-демократов «Голос Сибири». Рабочие железнодорожного депо потребовали закрыть газету «Свободная Сибирь» за травлю членов Совета, а типографию конфисковать и передать Совету. Обвиняя пролетариат в «чрезмерных требованиях», буржуазия пыталась настроить солдат гарнизона против введения восьмичасового рабочего дня. Эта попытка была сорвана разъяснительной работой большевиков и обращением городского Совета к солдатам не верить клевете на рабочих.

Демократическим преобразованиям в новониколаевском гарнизоне противодействовало реакционное офицерство, организовавшее Военный Совет, собрание солдатских и офицерских делегатов. От солдат скрывали приказ № 1 Петроградского Совета о демократизации порядков в армии и преобразованиях, осуществленных в других гарнизонах Сибири. Томский Совет солдатских депутатов командировал в Новониколаевск солдата, известного большевика В. М. Косарева и прогрессивно настроенного офицера Рудакова, оказавших новониколаевским большевикам большую помощь в реорганизации управления местным гарнизоном.

Посланцы томских большевиков рассказали на заседаниях городского Совета, а затем на гарнизонном солдатском собрании о коллегиальном управлении в воинских частях Томска, о деятельности Томского Совета солдатских депутатов. 16 марта исполком Новониколаевского Совета принял по докладам Косарева и Рудакова решение о демократизации местного гарнизона. На его основе Новониколаевский Совет опубликовал постановление «Права солдат». Согласно этому документу, солдаты получали все гражданские права, могли вступить в любую политическую или религиозную организацию, избавлялись от телесных наказаний и титулования офицеров.

26 марта городской Совет, заслушав доклад В. М. Косарева, утвердил решение о перестройке управления местным гарнизоном, высказался за установление прочных связей его с воинскими частями Томска и послал туда представителя солдатских масс. Выборы солдатских комитетов, проходившие в борьбе с реакционным офицерством, возглавили большевики: солдат А. Ф. Клеппер и прапорщик Лебедев, интернационалист прапорщик Комов, левый эсер прапорщик И. П. Ботко. Большую работу среди солдат вели большевики Ф. И. Горбань, Ф. П. Серебренников, Г. Е. Дронин и др. Был создан солдатский актив — опора большевиков в местном гарнизоне.

Под влиянием большевистской агитации среди солдат усиливались антивоенные настроения. 26 марта солдатские собрания 6-й роты Сибирского стрелкового полка и интендантского управления выразили в своих резолюциях протест против захватнической политики воюющих государств и проголосовали за скорейшее окончание войны без аннексий и контрибуций. При этом подчеркивалось, что «условия мира должны дать основательную гарантию на прочность мира, основой которого должно быть всеобщее разоружение».[1]

Рухнула надежда буржуазии противопоставить солдат рабочим. 6 апреля состоялось объединение Совета рабочих и солдатских депутатов и Военного совета. При городском Совете был создан военный отдел. Однако в новониколаевском гарнизоне еще сильным было влияние эсеров, получивших большинство мест в ротных и батальонных солдатских комитетах. Предстояла большая работа среди солдат по разоблачению мелкобуржуазных партий как прямых пособников Временного правительства.

После Февральской революции в Новониколаевске, как и в других городах, создаются отряды демократической милиции из рабочих и служащих. Но меньшевики и эсеры, пользуясь численным преобладанием в Совете, добровольно передали милицию в руки городского комитета общественного порядка и безопасности и таким образом превратили ее в составную часть буржуазного аппарата.

События в Новониколаевске оказали революционизирующее влияние на крестьянство района. Временное правительство сохранило старый госаппарат (сенат, Государственную думу и Государственный Совет), держало у власти губернаторов (до конца апреля 1917 г.) и крестьянских

[1] Голос Сибири, 1917, 29 марта.

начальников (до июля 1917 г. и позже), оставило в неприкосновенности казенное землевладение в Сибири, а кабинетские земли в конце марта формально передало в казну, сохранив старые условия их использования. С жителей Новониколаевска по-прежнему взимались арендная плата, а также выкупные платежи за землю, отданную им по указу от 18 февраля 1907 г. К августу 1917 г. город выплатил 556,6 тысячи рублей, задолженность по выкупу составила около 168 тысяч рублей.

Крестьяне также вносили арендные и другие платежи за землю, их наделы не увеличились. В деревне господствовали кулаки, эксплуатировавшие сельскую бедноту, как и прежде. В Новониколаевский комитет РСДРП и Совет рабочих и солдатских депутатов начали поступать просьбы крестьян соседних волостей поддержать их в борьбе против остатков феодализма и кулацкого гнета, прислать в деревню агитаторов и т. п. По инициативе большевиков городской объединенный комитет РСДРП 6 марта 1917 г. принял решение распространить свою деятельность на сельские районы. При городском Совете была создана комиссия по связи с деревней, преобразованная в марте, ввиду большого количества запросов от крестьян, в крестьянский отдел Совета.

Большевики Новониколаевска вели политическую работу в деревне непосредственно сами и через партийные организации, создаваемые на местах. По предложению В. М. Косарева исполком городского Совета сформировал большую группу агитаторов из рабочих-большевиков и революционно настроенных солдат. Во второй половине марта они провели беседы, собрания и митинги в 30 волостях, распространили там около 30 тысяч экземпляров листовок. В близлежащие села и деревни выезжал Ф. И. Горбань.

При поддержке большевиков Новониколаевска в марте — апреле оформились социал-демократические организации в Барабинске, Каинске и Татарске. Члены этих организаций развернули агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян, помогали создавать большевистские группы. Образование военного и крестьянского отделов при городском Совете рабочих и солдатских депутатов организационно закрепляло союз рабочих и крестьян.

В первые месяцы после февраля 1917 г. большевики Новониколаевска и других городов Сибири еще не учитывали, что революция вступила в социалистический этап, период непосредственной борьбы за диктатуру пролетариа-

та. Это не позволило правильно определить отношение к Временному правительству, вопросам войны и мира. Борьба рабочих и трудящихся крестьян против капиталистического гнета еще не увязывалась с лозунгами передачи всей власти Советам. Недостаточно активно велась деятельность по созданию Советов крестьянских депутатов, организации учащейся молодежи.

Но, несмотря на трудности и ошибки, новониколаевские большевики уже в марте — апреле проделали большую организационную и политическую работу в массах. Под их руководством рабочие города, объединенные в профсоюзы, боролись за революционно-демократические преобразования и добились успехов. Первые шаги по осуществлению рабочего контроля над производством были одним из объективных показателей развития революции от буржуазно-демократической к социалистической. В этом был залог активности рабочих в борьбе за власть Советов.

7 апреля 1917 г. газета «Правда» опубликовала Апрельские тезисы В. И. Ленина, содержащие теоретически обоснованный план перехода к социалистической революции. Своеобразие текущего момента в России В. И. Ленин видел *«в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,— *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».[1] Переход к социалистической революции означал ликвидацию двоевластия и передачу всей власти Советам, очищенным от мелкобуржуазных партий. Отсюда вытекала задача разоблачения путем агитации и пропаганды непоследовательности меньшевиков и эсеров, большевизации Советов. При этом условии рабоче-крестьянская диктатура могла мирным путем перерасти в пролетарскую, а демократическая республика — в Советскую, социалистическую.

Используя опыт работы партийных организаций других районов страны, помощь Центрального Комитета партии, большевики Новониколаевска начали перестройку своей работы в соответствии с задачами, сформулированными в Апрельских тезисах В. И. Ленина. Во Всероссийском совещании партийных работников, созванном ЦК РСДРП(б) в конце марта — начале апреля, в числе представителей 70 организаций участвовали С. И. Канатчиков

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.

и А. Ф. Клеппер. С. И. Канатчиков, избранный членом рабочей секции совещания, беседовал с посланцами большевиков других городов, изучал их опыт работы, побывал в Петроградском комитете партии и на заводах. В своем выступлении он высказался против «условной поддержки» Временного правительства и его политики продолжения войны. По возвращении в Новониколаевск С. И. Канатчиков сделал сообщение на собрании городской организации о работе совещания и выступлении В. И. Ленина с Апрельскими тезисами.

В середине апреля в Новониколаевск приезжал представитель ЦК РСДРП(б) И. Н. Ступин. Он информировал большевиков о положении дел в партии, ознакомился с работой городской организации РСДРП и указал большевикам на необходимость размежевания с меньшевиками и перестройки работы. В начале апреля Центральный Комитет партии создал Сибирское бюро РСДРП(б), специальный орган для руководства партийной работой на местах. Сиббюро ЦК и его печатный орган газета «Сибирская правда» развернули борьбу за создание самостоятельных большевистских организаций, признающих единственным руководящим партийным органом Центральный Комитет РСДРП(б).

Все это облегчило деятельность новониколаевских большевиков, которые быстро разобрались в вопросе о перспективах революции, и, хотя остались в объединенной организации, резко отмежевались от меньшевиков в особую группу с самостоятельной политической линией. Началась работа по разъяснению Апрельских тезисов. 7 апреля большевики опубликовали в газете «Голос Сибири» статью «Прибытие Ленина», через неделю перепечатали из «Правды» его статью «Как мы доехали».[1] 22 апреля на пленуме городского Совета С. И. Канатчиков и А. Ф. Клеппер выступили с докладом об Апрельских тезисах В. И. Ленина и Всероссийском совещании представителей Советов.

5 мая в газете «Голос Сибири» появилась статья об Апрельской конференции РСДРП(б) с изложением доклада В. И. Ленина о текущем моменте и резолюцией ЦК РСДРП(б), принятой 22 апреля (5 мая) 1917 г. в связи с политическим кризисом Временного правительства.[2] В борьбе с меньшевиками большевики одержали первую

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 119—121.
[2] Там же, с. 319, 320.

крупную победу: 28 мая общегородское партийное собрание большинством голосов одобрило резолюцию VII (Апрельской) конференции «О коалиционном министерстве».[1] Большевистская организация Новониколаевска осудила вхождение представителей мелкобуржуазных партий во Временное правительство и выразила ему недоверие.

В соответствии с новыми задачами изменилась структура городской организации РСДРП. По предложению большевиков было принято решение создать районные партийные комитеты — Вокзальный, Фабрично-Береговой, Центральный и Закаменский. Это позволило упрочить связи с массами, активизировать работу по подготовке их к социалистической революции. В Новониколаевске все ярче проявлялись результаты антинародной политики Временного правительства: усилился продовольственный кризис, еще больше выросли цены на предметы первой необходимости.

Как сообщал 22 мая 1917 г. Новониколаевский комитет общественного порядка и безопасности в телеграмме буржуазным министрам, город испытывал «крайние финансовые затруднения». Выступая на заседании городского Совета, обсуждавшего 27 мая вопрос о мерах борьбы с разрухой, С. И. Канатчиков отметил, что кризис можно преодолеть, лишь передав власть в руки Советов. Постепенно трудящиеся убеждались в этом на собственном опыте. Вместе со всей страной Новониколаевск шел навстречу победе Великой Октябрьской социалистической революции.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, М., Политиздат, 1970, с. 447, 448.

Горюшкин, Леонид Михайлович

Материал из Википедии — свободной энциклопедии

Леони́д Миха́йлович Горю́шкин (21 ноября 1927 — 26 сентября 1999) — советский и российский историк, специалист в области истории социально-экономического развития России XIX — начала XX веков, истории аграрных отношений и крестьянских движений в Сибири. Доктор исторических наук (1976), член-корреспондент АН СССР с 15 декабря 1990 года по Отделению истории (история СССР), директор Института истории СО РАН (1991—1997)[2].

Содержание

Биография

Научная деятельность

Основные работы

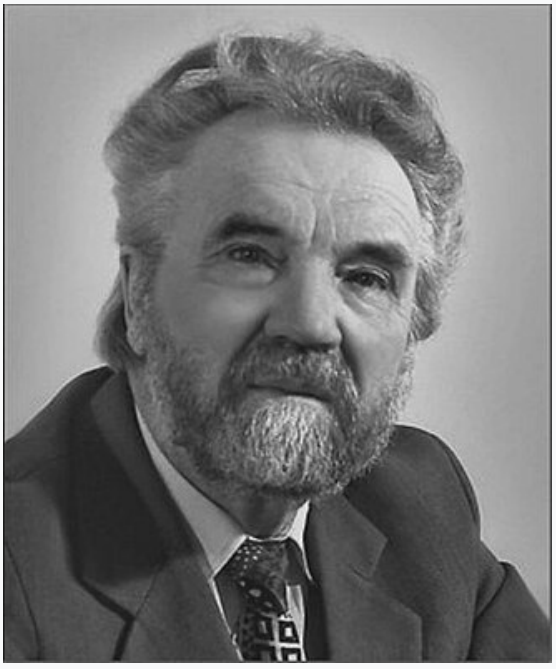
Награды и премии

Примечания

Литература

Ссылки

Леонид Михайлович Горюшкин



Дата рождения	21 ноября 1927[1]
Место рождения	Медведское, Черепановский район, Новосибирский округ, Сибирский край, РСФСР, СССР
Дата смерти	26 сентября 1999[1] (71 год)
Место смерти	Новосибирск, Россия
Страна	СССР Россия
Род деятельности	историк
Научная сфера	история России
Место работы	Новосибирский государственный университет Институт истории СО РАН
Альма-матер	ТГУ (1959)

Биография

Родился в селе Медведское (ныне Черепановского района Новосибирской области) в крестьянской семье. В 1930-е годы отец был репрессирован.

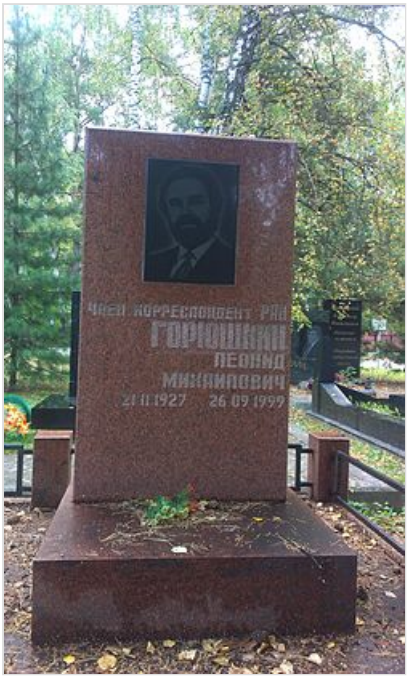
По окончании средней школы (1945) был призван в армию и направлен в Кемеровское общевойсковое училище, откуда по болезни был демобилизован. Поступил на историко-филологический факультета ТГУ, по окончании

которого (1951) преподавал в средних специальных и высших учебных заведениях Томска.

Находился на комсомольской работе: второй (1956), первый (1957—1959) секретарь Томского городского комитета ВЛКСМ. В 1959—1961 годах учился в аспирантуре ТГУ.

С 1961 года работал в Новосибирском Академгородке в должности младшего научного сотрудника Отдела гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства, в 1967 году преобразованного в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. Кандидат исторических наук (1964, диссертация «Сибирское крестьянство на рубеже XIX—XX вв.»).

Учёная степень	доктор исторических наук (1976)
Учёное звание	член-корреспондент АН СССР (1990) член-корреспондент РАН (1991)
Научный руководитель	И. М. Разгон
Ученики	А. Г. Дорожкин, Г. М. Запорожченко, В. А. Ильиных, Г. А. Ноздрин, М. В. Шиловский
Известен как	специалист в области истории крестьянства России и Сибири
Награды и премии	



Могила Л. М. Горюшкина на Южном кладбище

В 1967—1991 годах — старший научный сотрудник, заведующий сектором, заведующий отделом ИИФиФ СО АН СССР. Доктор исторических наук (1976, диссертация «Крестьянское движение в Сибири в 1917 г.»). В 1991 году — директор-организатор Института истории СО РАН, с 1998 года — советник РАН.

С 1962 года по совместительству преподавал на отделении истории гуманитарного факультета НГУ: старший преподаватель (1963), доцент (1966), профессор (1978) кафедры истории СССР. За время работы в университете подготовил более 90 дипломников, около 30 кандидатов и четырёх докторов наук.

Председатель Сибирской секции Научного совета РАН «История трёх революций в России», председатель Научного совета по музеям СО РАН. Заместитель ответственного редактора журнала «Известия СО АН СССР. Серия истории, филологии и философии» (с 1994 года — «Гуманитарные науки в Сибири»), член редколлегии журнала «Sibirica» (США), председатель учёного совета музеев Западной Сибири и общества краеведов Новосибирской области. Член Международной академии наук высшей школы (1995).

Похоронен на Южном кладбище Новосибирска.

Научная деятельность

Исследования Л. М. Горюшкина посвящены проблемам аграрной истории России и общественно-политических движений в Сибири середины XIX — начала XX веков. Создал научную школу в области исторического регионоведения (сибиреведения).

Учёный ввёл в научный оборот и классифицировал по типам огромный комплекс источников. Одним из первых в СССР разработал способы применения ЭВМ и количественных методов при исследовании исторических процессов. В 1969 году под руководством Л. М. Горюшкина в НГУ была предпринята обработка и публикация подворных карточек и других материалов сельскохозяйственной переписи Томской губернии 1916 года. «Авторский коллектив обработал 8,5 тыс. первичных бланков Переписи 1916 г. по волостям Томской губернии для извлечения тех статистических показателей, которые не учитывались в сводных данных»[3].

В 1970-е годы Л. М. Горюшкин стал одним из инициаторов общесоюзных дискуссий о проблеме многоукладности российской экономики. Историк доказывал, что путь капиталистической эволюции не победил, аграрно-капиталистическая эволюция в Сибири не завершилась. Внёс значительный вклад в разработку проблем типологии окраин России, массовых миграционных движений в восточные регионы страны, социальной психологии крестьянства, народных трудовых традиций, развития предпринимательства и фермерства, торговли, благотворительности, роли иностранного капитала в дореволюционную эпоху.

Своими трудами способствовал становлению новых концептуальных подходов к изучению места и роли Сибирского региона в российской истории, модернизационных процессов, взаимодействия Центра с восточными территориями России, формирования и развития региональной идентичности и структур гражданского общества на востоке страны.

Признание получили доклады Л. М. Горюшкина на международных конференциях в Глазго, Токио, Монреале, Харбине.

Член редколлегии и автор разделов в третьем и четвёртом томах «Истории Сибири», ответственный редактор т. 2 «Истории крестьянства Сибири», руководитель исследований по истории политической ссылки и каторги в Сибири, один из координаторов целевой научно-исследовательской программы «Исторический опыт освоения Сибири». Редактор и соавтор коллективных трудов по истории Новониколаевска — Новосибирска и других городов.

Основные работы

Автор около 440 научных публикаций, в том числе 16 личных монографий и брошюр; 17 монографий, подготовленных в соавторстве; и 8 коллективных трудов, в которых им написаны главы и параграфы.

- «Об освещении в советской исторической литературе вопроса о пути развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири» // «Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 3» (1965);
- «Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX — начало XX вв.)» (1967)

- «Историография советской Сибири (1917—1945)» (1968, совм. с Н. Я. Гущиным и В. Л. Соскиным)
- «Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ)» (1969, в соавт. с А. М. Бауфал, В. С. Золототрубовым и др.)
- «Об этапах аграрной революции в Сибири» // «Историческая наука Сибири за 50 лет» (1972)
- «О многоукладности экономики сибирской деревни периода империализма» // «Известия СО АН СССР. Серия общественных наук», 1973, Вып. 2, № 6;
- «Крестьянское движение в Сибири в 1917 г.» (1975)
- «Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XX вв.)» (1975, редактор)
- «Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917)» (1976)
- «Новосибирск в литературе, документах и фотографиях» (1976; в соавт. с Г. А. Бочановой и Л. Н. Цепляевым)
- «Крестьянская община в Сибири XVII — начала XX вв.» (1977, совм. с М. М. Громыко и А. Н. Копыловым)
- «Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX — начало XX вв.)» (1978, в соавт. с Г. А. Бочановой и Л. Н. Цепляевым)
- Так начинался Новосибирск : Конец XIX — нач. XX в. / Л. М. Горюшкин, Г. А. Бочанова. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — 176 с.
- «Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.)» (1984, в соавт. с Н. А. Миненко)
- «Крестьянское движение в Сибири 1861—1907 гг.: хроника и историография» (1985, в соавт. с В. В. Кучером, Г. А. Ноздриным и др.)
- «Крестьянское движение в Сибири 1907—1914 гг.: хроника и историография» (1986, в соавт. с Г. А. Ноздриным и А. Н. Сагайдачным)
- «Крестьянское движение в Сибири 1914—1917 гг.: хроника и историография» (1987, в соавт. с Г. А. Ноздриным и А. Н. Сагайдачным)
- «Переселенческое движение и народонаселение Сибири во второй пол. XIX — начале XX вв.» (1990)
- «Экономическое развитие Сибири в конце XIX — начале XX вв.» (1990)
- «Опыт народной агрономии в Сибири (вторая пол. XIX — начало XX вв.)» (1993, в соавт. с Г. А. Бочановой и Г. А. Ноздриным)
- «Новосибирск. 100 лет. События. Люди» (1993, редактор)
- «Иностранный капитал в Сибири: история и современность» // «Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII—XX вв.)» (1995)
- «Очерки истории благотворительности в Сибири во второй пол. XIX — начале XX вв.» (2000, в соавт. с Г. А. Бочановой и Г. А. Ноздриным; посм.)

Награды и премии

За плодотворную научную, педагогическую и общественную работу Л. М. Горюшкин неоднократно награждался почётными грамотами, различными знаками отличия. В 1986 году он был награждён орденом «Знак Почёта», в 1997 году — орденом Дружбы[4]. В 1986 году ему присвоено звание «Заслуженный ветеран СО АН СССР», а в 1991 году — «Заслуженный деятель науки РСФСР».

Примечания

1. Историческая энциклопедия Сибири (http://bsk.nios.ru/enciklopediya) / под ред. В. А. Ламин — Новосибирск: 2009. — ISBN 5-8402-0230-4
2. Леонид Михайлович Горюшкин (http://www.history.nsc.ru/about/history/ad_memoriam/gorushkin_lm.htm). Дата обращения: 29 октября 2013. Архивировано (https://web.archive.org/web/20141220053841/http://www.history.nsc.ru/about/history/ad_memoriam/gorushkin_lm.htm) 20 декабря 2014 года.
3. Ноздрин Г. А. Л. М. Горюшкин — исследователь и организатор сибирской исторической науки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. — 2007. — N 2. — С.26-31. (http://www.prometeus.nsc.ru/eng/science/schools/goryush/about/nozdrin2.ssi) Дата обращения: 6 июня 2018. Архивировано (https://web.archive.org/web/20180815211732/http://www.prometeus.nsc.ru/eng/science/schools/goryush/about/nozdrin2.ssi) 15 августа 2018 года.
4. Указ Президента Российской Федерации от 27 января 1997 N 49 «О награждении государственными наградами Российской Федерации»

Литература

- Л. М. Горюшкин: библиография научных трудов. Новосибирск, 1997. 100 с.;
- К 70-летию Л. М. Горюшкина // Отечественная история. 1997. № 6. С. 202—207;
- *Бочанова Г. А., Ноздрин Г. А.* Проблемы истории России и Сибири в трудах Л. М. Горюшкина // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 1997. № 2;
- Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68, № 3.

Ссылки

- Профиль Леонида Михайловича Горюшкина (https://web.archive.org/web/https://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-2217.ln-ru) на официальном сайте РАН
- Биография (http://prometeus.nsc.ru/elibrary/2007pers/350-351.ssi) в справочнике СО РАН
- Статья (http://bsk.nios.ru/enciklodediya/goryushkin-leonid-mihaylovich) на сайте «Библиотека сибирского краеведения»
- Официальный сайт Института истории СО РАН: Ad memoriam (http://www.history.nsc.ru/about/history/ad_memoriam/gorushkin_lm.htm)
- Л. М. Горюшкин в проекте «Научные школы ННЦ СО РАН» (http://prometeus.nsc.ru/science/schools/goryush/)
- Персональная страница на сайте Фотоархив СО РАН (http://soran1957.ru/?id=piu_20080905152 7)
- Историческая справка (http://isaran.ru/?q=ru/person&guid=0220373A-9797-5ACF-F7C3-2AFB708A4B10) на сайте Архива РАН
- *Голишева Л. А., Соловьёва В. А., Черняк М. Э., Черняк Э. И.* Историки по зову души: И. М. Разгон и Л. М. Горюшкин — учитель и ученик (http://bsk.nios.ru/content/istoriki-po-zovu-dushi-im-razgon-i-lm-goryushkin-uchitel-i-uchenik-0)
- *Пронин В. И.* Проблемы аграрного рынка Сибири в научном наследии Л. М. Горюшкина (http://bsk.nios.ru/content/problemy-agrarnogo-rynka-sibiri-v-nauchnom-nasledii-lm-goryushkina)

- *Скубневский В. А.* Вопросы истории предпринимательства в трудах Л. М. Горюшкина (http://bsk.nios.ru/content/voprosy-istorii-predprinimatelstva-v-trudah-lm-goryushkina)

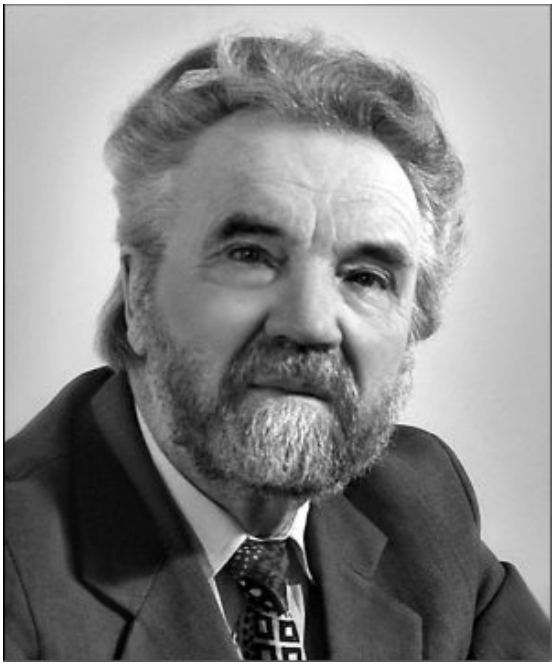
Источник — https://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Горюшкин,_Леонид_Михайлович&oldid=150633580

Эта страница в последний раз была отредактирована 14 декабря 2025 года в 00:07.

Текст доступен по лицензии Creative Commons «С указанием авторства — С сохранением условий» (CC BY-SA); в отдельных случаях могут действовать дополнительные условия.
Wikipedia® — зарегистрированный товарный знак некоммерческой организации «Фонд Викимедиа» (Wikimedia Foundation, Inc.)

ление Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Memoriam



Леонид Михайлович Горюшкин родилс 21 ноября 1927 года в с. Медведском Черепановского района Новосибирской области. Его родители, крестьяне-переселенцы, имевшие семь человек дете в 1925 году переселились из Орловской области. Отец, Михаил Никитич, работал кладовщиком и членом правления артели 30-х годах его незаконно репрессировали 1954 году реабилитировали посмертно. Мать, Дарья Фоминична, работала в колхозе, она умерла в 1951 году.

В 1935–1945 гг. Л.М. Горюшкин учился в средней школе. В семье постоянно ощущался недостаток средств, и он начал рано трудиться в колхозе. В 1941–1945 гг во время Великой Отечественной войны работал старшим обоза по сдаче хлеба государству. По окончании средней школ его призвали в армию и направили в

Кемеровское общевойсковое училище, а после болезни и демобилизации в 1945 г. он поступил на историко-филологический факультет Томского университета. Во время учебы Л.М. Горюшкин активно участвовал в общественной и научно-студенческой жиз вуза и одновременно заведовал университетским клубом. После окончания университе в 1951–1958 гг., он преподавал в вузах г. Томска. Его добросовестный труд на этом поприще отмечен медалью, почетными знаками и грамотами. Уже в это время сформировались те черты характера, которые характерны были для Леонида Михайловича в последующей научной деятельности: большая работоспособность, активное участие в общественной жизни, умение организовать работу коллектива, требовательность к себе и подчиненным, обостренное чувство нового, скрупулезность работе.

С 1959 по 1961 год Л.М.Горюшкин занимался в аспирантуре на кафедре истории СССР Томского университета, по окончании которой был направлен в отдел гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства, преобразованный впоследствии в Институт истории, филологии и философии СО РАН СССР. В этом институте он проработал 36 лет и прошел путь от младшего научного сотрудника до директора Института истории. В 1964 г. Л.М. Горюшкин успешно защити кандидатскую, а в 1975 году докторскую диссертацию, получившую высокую оценку специалистов. На протяжении всей своей научной деятельности он преподавал в Новосибирском государственном университете.

Л.М. Горюшкин внес значительный вклад в разработку проблем российской и сибирско истории. Его работы отличают высокий теоретический уровень, применение новейших

методов исследования, тщательный анализ источников, разработка актуальных и неисследованных проблем. Он опубликовал около 445 работ, в том числе 16 личных монографий и брошюр, 17 монографий, подготовленных в соавторстве, и 8 коллективн трудов, в которых им написаны главы и параграфы («История Сибири», «История крестьянства» и др.).

Л.М. Горюшкин внес выдающийся вклад в разработку аграрной истории и заложил основы научной разработки проблемы. Он являлся одним из инициаторов нового тура общесоюзной дискуссии о путях аграрно-капиталистической эволюции, участником обсуждения проблемы многоукладности экономики России (1970 г.), за что имел партийное взыскание. В отличие от ученых, рассматривавших аграрную историю тольк в пределах одной капиталистической формации, он исследовал эволюцию сибирского крестьянства с середины XIX века до Великой Отечественной войны. Одним из первых стране начал разработку ряда важнейших вопросов, столь актуальных в настоящее время: многоукладности российской экономики, типологии окраин и колоний России, развития предпринимательства и роли иностранного капитала, основных чертах крестьянской психологии и др. Ряд идей получил положительную оценку и широко используется в научно-исследовательской работе.

Ученого отличала широкая эрудиция и разносторонность интересов. Наряду с аграрной историей он исследовал вопросы историографии и источниковедения крестьянского движения, научной жизни Сибири, политической ссылки и другие. Л.М. Горюшкин был одним из пионеров применения ЭВМ и количественных методов в исторических исследованиях. Работы ученого получили высокую оценку как в России, так и за рубежом. В 1990 году он избран членом-корреспондентом АН СССР. Рецензии и отклик на его труды опубликованы в Англии, Японии, Германии, США, Польше, Китае, в этих странах появился и ряд его публикаций.

Трудно переоценить вклад Л.М. Горюшкина в организацию научных исследований в Сибири. Во время работы в должности заведующего сектором и отделом он осуществля координацию научных исследований по истории дооктябрьского периода, был членом редколлегий и автором разделов в третьем и четвертом томах «Истории Сибири», в 197 году удостоенной Государственной премии СССР. Как ответственный редактор он возглавлял работу по написанию второго тома «Истории крестьянства в Сибири», являлся заместителем главного редактора всего издания, членом редколлегии и авторо первого тома «Истории рабочего класса Сибири». Л.М. Горюшкин был одним из организаторов и руководителей крупных всесоюзных программ по истории политическ ссылки и Нерчинской каторги, проблемам революции, развитию народов России, переселению в Сибирь.

Организационные способности талантливого ученого проявились на посту директора Института истории СО РАН. Он провел работу по реорганизации научных исследований созданию материальной базы вновь созданного учреждения. По его инициативе была обновлена тематика исследований и организован поиск внебюджетных источников финансирования. Одновременно Л.М. Горюшкин успешно руководил сектором, являлся председателем сибирской секции научного совета «Три русские революции» при президиуме РАН, координировал работу по гуманитарным исследованиям программы «Сибирь», руководил деятельностью научного совета по музеям Сибирского отделения РАН. Он входил в редакции отечественных и зарубежных изданий.

Много сил, энергии и времени Л.М. Горюшкин отдавал организации и проведению всесоюзных, региональных и краеведческих конференций и симпозиумов, посвященны проблемам аграрной истории, демографии, освоению Сибири, роли науки, предпринимательству и ссылке. Конференции и симпозиумы стали одним из способов координации исследований и стимулом для разработки новых проблем. На всех этих конференциях Л.М.Горюшкин выступал с докладами на пленарных заседаниях. Выступления отличались актуальностью, высоким теоретическим уровнем, глубиной разработки, практической направленностью. Международное признание получили его доклады на международных конференциях в Глазго, Токио, Монреале, Харбине.

С 1962 года Л.М. Горюшкин работал по совместительству на гуманитарном факультете Новосибирского университета. Здесь в полной мере проявился его талант педагога. Его отличали высокая требовательность к студентам и вместе с тем уважительное отношен

к ним, тщательная работа над студенческими статьями и дипломами. Он щедро делился со студентами своими знаниями и идеями. Характерной чертой спецсеминаров Л.М.Горюшкина являлась их практическая направленность и связь с большой наукой. И студенческих спецсеминаров выросли исследования, получившие признание научной общественности. Заслугой ученого является и подготовка трех учебных пособий для студентов. За время работы в университете Л.М. Горюшкин подготовил около 100 дипломников, свыше 30 кандидатов и 4 доктора исторических наук. Признанием педагогических заслуг профессора Л.М. Горюшкина явилось его избрание в 1955 году членом Международной академии наук высшей школы.

С юности и до настоящего времени Л.М. Горюшкин активно участвовал в общественно-политической жизни страны. Он активно работал в руководящих органах общественны организаций института и города, был одним из руководителей научных советов президиума Новосибирского областного и Советского районного отделений ВООПИК, входил в комиссию по наименованию улиц при Новосибирском горсовете, руководил ученым советом музеев Западной Сибири и Новосибирским обществом краеведов. Л.М. Горюшкин постоянно выступал с публичными лекциями.

За плодотворную научную, педагогическую и общественную работу Л.М.Горюшкин неоднократно награждался почетными грамотами, различными знаками отличия. В 198 году он награжден орденом «Знак Почета», в 1996 году – орденом Дружбы. В 1986 год ему присвоено звание «Заслуженный ветеран СО АН СССР», а в 1991 году – «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Скончался 26 сентября 1999 года.